

А. И. ФЕДОРОВ

РАЗВИТИЕ
РУССКОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ

В КОНЦЕ
XVIII-
НАЧАЛЕ
XIX В.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР · СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

А. И. ФЕДОРОВ

РАЗВИТИЕ
РУССКОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ

В КОНЦЕ
XVIII—
НАЧАЛЕ
XIX в.

Ответственный редактор
д-р филол. наук проф. *К. А. Тимофеев*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК · 1973

В книге излагаются сведения о формировании и развитии фразеологии русского литературного языка, устанавливаются закономерности ее изменений под влиянием социальных факторов и в результате лексико-фразеологических системных связей. Содержатся также теоретические рассуждения о специфике фразеологической семантики, обусловленной внутренней формой. Работа выполнена на большом фактическом материале русской фразеологии конца XVIII—начала XIX в., который впервые вводится в научный обиход.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов филологических факультетов, преподавателей филологии вузов и школ.

Введение

В лингвистической науке фразеология стала предметом специального изучения сравнительно недавно. И хотя в 1956 г. в отечественном языкознании были известны десятки статей по общим и частным вопросам фразеологической теории, Б. А. Ларин имел основания оценивать состояние науки о фразеологии следующим образом: «Фразеология как лингвистическая дисциплина находится в стадии „скрытого развития“. Она интересует многих, над нею задумываются, экспериментируют — и стар и млад. В этих опытах она приобретает традицию и характерные черты, но она еще не сложилась, не оформилась как зрелый плод подготовительных трудов»¹.

За последние пятнадцать лет фразеология как раздел языкознания стала предметом внимания многих ученых, признанных и начинающих. За это время были написаны не только многочисленные теоретические статьи, но и выполненные на большом фактическом материале монографические исследования². Издан «фразеологический словарь русского языка» (ФС). Можно считать, что наука

---

¹ Ларин Б. А. Очерки по фразеологии. — «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1956, № 198. Сер. филол. наук, вып. 24, с. 200.

² Сергеев В. Н. Библиографический указатель литературы по фразеологии, изданной в СССР с 1918 по 1961 г. — В кн.: Проблемы фразеологии. М.—Л., 1964; Ройзензон Л. И., Пеклер М. А. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии. — В кн.: Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965; Ройзензон Л. И., Бушуй А. М. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии. Вып. II. Под ред. проф. М. М. Копыленко. Самарканд, 1970.

о фразеологии вышла из стадии «скрытого развития». Определелись задачи фразеологических исследований, накоплен большой фактический материал.

И все-таки многие проблемы остаются до сих пор не разрешенными. Степень их изучения зависит от общего состояния лингвистической науки и от количественного накопления фактического материала. Исследуя источники и лексикографическую разработку русской фразеологии, А. М. Бабкин заключает, что разработка фразеологических материалов по источникам еще не начиналась³.

Считая это мнение слишком категоричным, можно сказать, что большинство источников фразеологии (произведения художественной литературы и публицистики, письменные памятники, фольклор, диалектная речь и др.) продолжает оставаться почти не изученным.

Не установлено и диахроническое развитие фразеологии. Именно эту задачу ставит перед собой автор для частичного ее разрешения на материале языка художественной литературы конца XVIII — начала XIX в.

Известно, что период со второй половины XVIII в. до 50-х годов XIX в. характерен значительными изменениями в русском литературном языке, главным образом в его лексике и синтаксисе. Изменения во фразеологии, если судить о них по предварительным наблюдениям, были менее существенными. Чтобы конкретно установить, в чем они состояли, мы использовали фразеологический материал, около 20 000 карточек, из языка произведений известных писателей XVIII—XIX вв., из «Словаря Академии Российской» (САР), из «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах (ССРЛЯ).

В конце XVIII — начале XIX в. происходит стихийное выравнивание стилей, которое приводит к разрушению стилистических норм Ломоносова и проникновению народной фразеологии и идиоматики в литературный язык.

Стирание стилистических граней и все большее использование писателями богатств русской народной речи подготовило почву для преобразования русского литературного языка А. С. Пушкиным и его последователями.

---

³ Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие, источники и лексикографическая разработка. Автореф. докт. дисс. Л., 1968, с. 8.

Художественная литература в конце XVIII — начале XIX в. выполняла роль посредника между живой разговорной речью и новым типом литературного языка, который складывался в это время. Язык комедий, сатир, комических опер и других произведений низкого стиля нельзя пазвать вполне литературным: элементы пародно-разговорной речи представлены в таких произведениях часто в необработанном виде. Строго дифференцированного отбора языковых фактов пародной речи в них нет: авторы этих произведений в целях речевой характеристики персонажей употребляли диалектные произносительные варианты слов.

Этот процесс коснулся даже языка И. А. Крылова. В его шутовой трагедии «Подщипа» намеренно употреблены нелитературные произносительные формы, морфологические варианты слов, словосочетания и фразеологизмы. В прозе и в баснях такие явления единичны.

Карамзин, Жуковский, Грибоедов, Баратынский, Пушкин и другие (в разной мере) отбирали в соответствии с эстетическими принципами общенародные и традиционно-книжные языковые факты, в ряде случаев подвергая их изменениям.

Народная русская речь и язык художественной литературы этого периода представляли собой относительное единство: сначала сказывалось одностороннее и все нарастающее влияние народной речи на язык художественной литературы; отборочный подход Крылова, Грибоедова, Жуковского, Баратынского и, главным образом, Пушкина к фактам языка создавал литературную норму. Она стала восприниматься как образцовый язык. С этого времени начинается процесс активного взаимодействия между литературным языком и народной ненормированной речью, который, с одной стороны, приводит к максимальному обогащению литературного языка, с другой — к выравниванию народной речи, к постепенному нивелированию диалектов и говоров в советский период.

Процесс становления русского литературного языка на национальной основе проявил себя и в отборе фразеологии из народной, традиционно-книжной речи, в обработке фразеологических оборотов, в результате чего произошли изменения в компонентном составе, в валентности, семантике и в синтаксической структуре многих оборотов. Поэтому важно установить лингвистические и не-

лингвистические причины изменений в русской фразеологии периода образования русского литературного языка.

Разрешить эти проблемы невозможно без существенных дополнений к пониманию соотношения фразеологической и лексической семантики, их специфики.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

В лингвистической литературе о фразеологии известны десятки определений фразеологической единицы (ФЕ). Но все они, по существу, отражают два основных понимания — широкое и узкое. Первая точка зрения выражена в работах А. И. Ефимова, Е. М. Галкиной-Федорук, А. А. Реформатского и других лингвистов, которые относят к фразеологии любое устойчивое сочетание слов, включая пословицы, поговорки, сказочные зачины, афоризмы, крылатые слова. Критерий фразеологичности у этих авторов оказался шатким: они не могут определить специфику фразеологизмов как единиц языка в отличие от единиц речи. В результате исчезает и четкость границ фразеологии как предмета лингвистической науки.

Другая точка зрения сформулирована главным образом в работах В. В. Виноградова, который обращает внимание прежде всего на фразеологическую семантику как на определяющий признак. Мысли В. В. Виноградова позже были существенно дополнены и развиты Б. А. Лариным и другими лингвистами в многочисленных исследованиях по частным и общим вопросам фразеологии.

С выходом в свет монографий М. Т. Тагиева ⁴, А. М. Бабкина ⁵, докторской диссертации В. П. Жукова ⁶

---

⁴ Тагиев М. Т. Глагольная фразеология современного русского языка. Баку, 1966.

⁵ Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.

⁶ Жуков В. П. Фразеологизм и слово. Автореф. докт. дисс. Л., 1967.

стало совершенно очевидно, что первая точка зрения — результат молодости фразеологической науки.

М. Т. Тагиев на большом фактическом материале устанавливает конкретные модели сочетаемости фразеологизмов с ближайшим словесным окружением, выявляет такие отличительные признаки, которыми не обладают другие устойчивые сочетания типа пословиц, поговорок, крылатых слов. А. М. Бабкин подробно характеризует употребление фразеологизмов в языке писателей XIX и XX вв., анализирует лексикографическую характеристику их, делая исторические экскурсы, на конкретных примерах прослеживает процесс фразеологизации семантики устойчивых словосочетаний.

Все это, разумеется, расширяет представление о фразеологических единицах, вносит определенность в понимание этой части языка. Естественно, что А. И. Ефимов, А. А. Реформатский, Е. М. Галкина-Федорук, С. И. Ожегов, С. А. Фессалотецкий и другие сторонники «расширенного» понимания фразеологии, имея о ней самое общее представление, не сумели собрать сколько-нибудь значительного фактического материала, достаточно последовательно и глубоко проанализировать известные им факты. Поэтому они не смогли убедительно аргументировать свои положения.

В. П. Жуков попытался показать соотношение фразеологизма и его компонентов со словом, установить черты сходства и различия между ними на семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Характеризуя семантику фразеологизма, В. П. Жуков выявляет лексико-семантические свойства компонентов, устанавливает характер лексикализации. Это дает возможность автору определить сущность целостного значения фразеологизма, которое состоит в совмещении актуального (вещественного) значения со значением этимологическим, из них на первый план в акте общения выступает вещественное значение.

Это верное наблюдение требует, однако, развития, детализации, без чего нельзя практически отграничить фразеологизм от метафоры, сравнения, метонимии, выраженных словосочетаниями.

Противопоставление слову по морфологическим, синтаксическим и семантическим показателям позволило В. П. Жукову уточнить понятие фразеологизма: «Под фразеологизмом разумеется устойчивая отдельно-оформлен-

ная единица языка, состоящая из компонентов, имеющая целостное (или по крайней мере общее аналитическое) значение и в коммуникативном отношении, как правило, не составляющая законченного предложения»⁷.

Принимая эту характеристику понятия «фразеологизм» в качестве рабочего определения, мы не можем считать его универсально пригодным для каждого типа фразеологизмов. Здесь сказывается общий недостаток определений, о котором Ф. Энгельс писал следующее: «Дефиниции не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция. Для того чтобы выяснить и показать, что такое жизнь, мы должны исследовать все формы жизни и изобразить их в их взаимной связи. Но для обычного употребления краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо, да оно и не может вредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что она в состоянии выразить»⁸.

Содержание этого высказывания особенно актуально при изучении новых явлений, когда познаны и охарактеризованы далеко не все их признаки и качества. К таким явлениям в лингвистической науке относится фразеология. Признавая бесспорной названную работу В. П. Жукова, мы вместе с тем полагаем, что она не отражает всех особенностей фразеологической семантики.

Изучив употребление фразеологии в языке писателей конца XVIII — начала XIX в., мы прежде всего обращаем внимание на своеобразие внутренней формы, на отличие фразеологизмов от сравнений и метафор. С этого и следует начать характеристику русской фразеологии, потому что внутренняя форма определяет место фразеологии в языке, ее функции в отличие от функций слова.

1. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ФРАЗЕОЛОГИЗМА И СЛОВА

Фразеология русского национального языка относится к его выразительным средствам и в их составе отвечает

---

⁷ Жуков В. П. Указ. соч., с. 4.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е, т. 20, с. 634—635.

потребностям людей, передавая мысль при общении, характеризовать предмет речи, выражать отношение к нему через заложенное в семантике фразеологизма представление.

Экспрессивность фразеологизмов обусловлена особенностями их семантики.

Х. Касарес, характеризуя фразеологическую семантику в сравнении с лексической, отмечал неточность значений фразеологизмов, которые он назвал модизмами. «Значение же модизмов в большинстве не может быть выяснено с точностью. Их следует принимать такими, как они есть, не пытаясь объяснить их внутреннюю сущность»⁹. Причин этого явления Х. Касарес не устанавливает.

В. П. Жуков, объясняя своеобразие фразеологической семантики, отмечает, что в ней вступает в противоречие вещественное значение со значением этимологическим. Последнее в процессе общения отодвинуто на задний план, но оно не безразлично, так как от него зависит понимание логического содержания оборота и экспрессивно-эмоциональная оценка понятия или представления.

Рассматривая соотношение фразеологизма и слова в языке, А. М. Бабкин пишет: «Подобно слову фразеологическая единица является семантической единицей языка. Но в отличие от лексически полнозначных слов фразеологизмы, обладая тем или иным значением, не имеющим, однако, номинативно-терминологического характера, обычно не допускают никаких уточнений»¹⁰.

Особенности фразеологической семантики ставят перед лингвистами задачу — установить причину семантических и стилистических расхождений между фразеологизмом и словом. Эта причина определяется различным характером внутренней формы фразеологизма и слова, что обуславливает разграничение их функций в речи.

Каждое значимое слово выражает понятие или мысль о предмете, его основные признаки. «Существенными признаками называются те признаки, которые принадлежат предмету при всех условиях, без которых данный предмет существовать не может, которые выражают коренную природу предмета и отличают его от предметов других

---

⁹ Касарес Х. Введение в современную лексикографию. (Пер. с испанск.). М., 1958, с. 245.

¹⁰ Бабкин А. М. Указ. соч., с. 28.

видов и родов»¹¹. Например, понятие «черника» имеет десятки признаков: «Кустарничек с кожистыми, опадающими на зиму листьями из семейства брусничных, 15—40 см высоты. Цветки одиночные, розоватые с зеленоватым оттенком. Плоды — шаровидные черные ягоды с сизым налетом»¹² и т. д.

Значение слова не отражает эту совокупность познанных человеком признаков в понятии; оно лишь указывает на понятие, являясь его знаком. Но у некоторых слов значение содержит в себе и указание на один из признаков понятия. В нашем примере признаком, по которому назван весь предмет (черника), является черный цвет ягод.

Указание на признак предмета в семантике слова, по которому весь предмет получил название, в языкознании принято называть внутренней формой слова. Этот термин в современных лингвистических работах, на наш взгляд, употребляется не всегда точно.

Внутренняя форма как языковое явление проявляет себя в словообразовании. Функция состоит в том, чтобы мотивировать, объяснять семантику вновь образованных слов указанием на признак уже известного и названного словом понятия до тех пор, пока понятие, выраженное словом, не станет привычным.

В языкознании термин «внутренняя форма», как известно, был введен А. А. Потебней: «В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть внутренней формой последующего»¹³. Точнее: внутренняя форма — это остаточный элемент значения производящего слова в производном, передающий представление о признаке, по которому назван предмет и, таким образом, мотивирующий название предмета.

Указанием на этот признак мотивируется: 1) значение производных слов значением производящей основы (например, слово *учительский*, образованное от *учитель* прибавлением суффикса *-ск-* и флексии *-ий*, имеет значение: относящийся к учителю); 2) значение слов, образованных в результате конверсии, перехода из одной части в другую (так, прилагательное *учительская* перешло в существи-

¹¹ Кондаков Н. И. Логика. М., 1964, с. 275.

¹² БСЭ. Изд. 2-е, т. 47, с. 166.

¹³ Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков, 1913, с. 84.

тельное, восприняв содержание словосочетания *учительская комната*, в которое оно входило. Этот же процесс характерен для слов: *постовой, вестовой, мороженое* и др.); 3) мотивированы и все производные значения слов, в них сохраняется элемент производящего значения. Жестокого человека называют *зверем* по признаку, характерному для хищных диких зверей, — свирепости, жестокости; 4) мотивированность проявляется себя и в семантике многих устойчивых выражений фразеологического типа, в которых она обуславливается семантикой омонимичных свободных словосочетаний. Нам понятно, почему хитрого, опытного, изворотливого человека называют *стреляным воробьем*, а человека, который резко выделяется среди других людей, *белой вороной*.

Слова, сохраняющие внутреннюю форму, соединяют в своем значении две информации: указание на предмет и на признак, по которому назван этот предмет.

Понятие о внутренней форме находит философскую основу в рассуждениях В. И. Ленина о природе названия слова: «Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности»¹⁴.

Очень важно в этом высказывании указание на то, что предметы получают название не обязательно по наиболее существенному признаку, а по тому, который бросается в глаза. Такой признак, несущественный с логической точки зрения, существен с лингвистической, как различительный знак понятия.

Каждое слово, сохраняющее внутреннюю форму, подтверждает это положение В. И. Ленина. Мы называем подснежником цветок, потому что он раньше других расцветает весной, когда только что сошел снег. Древнерусский человек называл *смородину* так потому, что она имеет резкий запах — *смород*. Тот признак, который бросается в глаза, удобно отразить в названии, так как он успешно служит знаком, ориентиром соответствующего понятия, отраженного в слове, до тех пор, пока название не войдет прочно в систему языка. Внутренняя форма мотивирует семантику нового слова, помогает освоить ее, указывая на связь с семантикой производящего слова. В процессе употребле-

---

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 29, с. 74.

ния слова в языке ее актуальность снижается, так как назначение слова — выражать понятие, а не объяснять, почему оно получило то или другое название. Многие слова поэтому утрачивают внутреннюю форму.

Итак: **внутренняя форма слова** — это остаточный элемент семантики производящего слова в производном, передающий представление о признаке, по которому назван предмет, и, таким образом, мотивирующий название предмета.

Принятое нами определение внутренней формы слова все же нельзя считать полным. Ведь в образовании семантики производного слова участвует не только значение производящей основы, но и значение суффикса и префикса. Например, в мотивировании семантики слов *пригород*, *подснежник*, *подзатыльник* участвуют основа и префикс, возникший из предлога и частично сохраняющий его значение: *при-* в составе слова продолжает выражать представление о смежном пространстве, *под-* — о месте, ниже которого совершается действие. И та и другая приставка в известной мере мотивируют название.

В отличие от внутренней формы слова, указывающей на признак, по которому назван предмет, внутренняя форма фразеологического оборота передает конкретное представление о каком-либо факте, событии, явлении, которые когда-то были актуальными, часто повторялись и обладали сходными признаками других явлений, удобными для обобщения, т. е. для образования понятий оценочного типа. Так, прежде чем словосочетание *попасть в просак* приобрело значение *оказаться в неприятном, неловком или невыгодном положении из-за своей оплошности или неосведомленности*, — веревочных дел мастера, крутильщики веревок не раз по оплошности попадали в станок для изготовления веревок (*просак*). Разумеется, эта ситуация, непредвиденная и неприятная, имела много сходства с любым другим неприятным и неожиданным положением человека, не связанным с веревочным станком, что и обусловило перенос словосочетания *попасть в просак* на этот широкий круг затруднительных ситуаций, положений, в которых мог оказаться любой человек (не обязательно крутильщик веревок).

В процессе длительного и частого употребления словосочетания в переносно-обобщенном значении при одном и том же лексическом окружении и утраты актуальности первоначального содержания «вторичное» (обобщенно-пе-

реносное) значение в нем становится доминирующим, что и обеспечивает устойчивость словосочетания. Первоначальное же содержание (в некоторых случаях оно поддерживается наличием в системе языка омонимических свободных словосочетаний) или сохраняется во фразеологизме в виде представления, мотивирующего перенос оборота и оценку нового — «вторичного» — его содержания, или забывается совсем (*подпускать турысы, подложить свинью*). При этом, если в выражении или предложении есть слова, мешающие своей семантикой такому переносу на широкий круг явлений, то они устраняются. Например, старорусская поговорка «как с гуся вода, небывалые слова» имела узкое применение, когда речь шла о лживой молве, клевете, навете. Ее превращение во фразеологизм *как с гуся вода* в результате эллипсиса придало обороту расширенный смысл: случившееся легко, быстро забывается; все нипочем (*как с гуся скатывается вода*).

Во фразеологии характер дифференцирующих признаков семантики главным образом зависит от специфики внутренней формы и ее функций.

Если в семантике слова внутренняя форма не играет существенной роли в процессе общения, то в составе семантики фразеологизмов она часто бывает причиной сосуществования их в языке с синонимичными словами. Правда, в числе фразеологизмов значительное место занимают фразеологические сращения, или идиомы, которые утратили внутреннюю форму, что не мешает им существовать в языке при наличии синонимичных им слов и фразеологизмов. Но об этом будет сказано дальше.

Если слово состоит из морфем, то фразеологизм состоит из цельно оформленных единиц, которые связаны друг с другом по типу словосочетаний.

Наличие внутренней синтаксической связи и возможные изменения морфологических форм компонентов ставят фразеологизмы на уровень, промежуточный между словом и словосочетанием. Эта промежуточность поддерживается и семантикой. В процессе общения весь словесный комплекс фразеологического типа направлен в сознании человека на определенное понятие, которое может быть выражено и синонимичным словом. Но при этом указание на понятие осуществляется через остаточный элемент представления. Если мы из числа воробьев выделили самого осторожного, опытного, увертливого и хитрого и

назвали его стреляным, мы тем самым хотели сказать, что в этого воробья не раз стреляли, в результате чего он приобрел опыт, изворотливость. Если мы это же словосочетание *стреляный воробей* употребим в контексте, в котором речь идет о человеке, названный фразеологизм будет передавать представление об определенном типе человека, изворотливого, хитрого, бывалого.

Наличие элемента представления во фразеологической семантике, внутренней формы, обуславливает и оценку «вещественного» значения, или номинации фразеологизмов. Поэтому они чаще употребляются в непосредственной живой разговорной речи и в речи персонажей литературно-художественных произведений.

Изучая историю фразеологизмов, А. М. Бабкин отмечает развитие отвлеченности в их семантике, в связи с расширением диапазона сочетаемости, с увеличением количества слов, составляющих окружение¹⁵. Изменившаяся валентность способствовала «затемнению» или утрате элемента первоначального содержания, представления, которое оправдывало, мотивировало начальную предметную соотношенность. В результате фразеологическая единица становится более отвлеченной. Казалось бы, такой процесс развития семантики должен был привести к утрате оценочности. Если бы это случилось в каком-либо фразеологизме, он потерял бы право на существование в языке, не выдержал бы конкуренции с синонимичным словом: фразеологизм стал бы выступать только в номинативной функции.

Оценочность предмета мысли сохраняется и в сращениях, или идиомах, хотя такие фразеологизмы уже утратили внутреннюю форму. Оценочность их поддерживается в живой речи интонацией, обусловленной эмоциональным переживанием, которое сопровождает выражение мысли, «экзотичностью» непонятных слов — компонентов (не известных в свободном употреблении) и фразеологическим словесным окружением, чаще всего обязательным. Смутный намек на сниженную оценку предмета мысли сохраняется и в содержании сращения. Когда мы употребляем, например, выражение *турусы на колесах* вместо синонимичных ему слов *чепуха*, *вздор*, в нашем сознании не возникает представление о войлочных кибитках у древних татар,

---

¹⁵ Бабкин А. М. Указ. соч., с. 20, 45—54.

улусах, как это имело место у древнерусского человека, который с недоумением воспринимал такого рода передвижные жилища кочевников. Но это выражение намекает до сих пор на нечто несуразное, нагороженное на колесах. Этот намек и объясняет соответствующую оценку выражения, придавая ему по сравнению с синонимичными словами другие оттенки: *турусы на колесах* — это не просто *чепуха*, *вздор*, *вранье*, это *страшная чепуха*, *несуразность*, *дикий вздор*, *нелепое вранье*.

Семантические добавочные и оценочные (обусловленные спецификой их внутренней формы) признаки у фразеологизмов, синонимичных со словами, обычно не учитываются составителями толковых и фразеологических словарей. А между тем именно они, эти дифференцирующие семантико-стилистические признаки, удерживают фразеологизмы в языке при параллельно существующих синонимичных словах. Не учитываются эти оттенки значений, а также элемент представления, заложенный в семантике (внутренняя форма), и в лингвистических работах.

Впервые на необходимость учитывать добавочные оттенки в семантике фразеологизмов указал ныне покойный Б. А. Ларин в выступлении на совещании по вопросам фразеологии (Ленинград, декабрь 1961 г.). Но изложенные положения он не успел оформить в виде статьи.

Подробное толкование дифференцирующих признаков семантики фразеологизмов особенно важно для иностранцев, изучающих русский язык. При непосредственном практическом освоении языка с детства как единственной формы общения дифференцирующие признаки семантики усваиваются в процессе неоднократного наблюдения над употреблением. Интонация и контекст уточняют полноту содержания и экспрессивные функции. Эти факторы обычно отсутствуют при изучении русского языка как неродного. В этом случае дополнительные информации, содержащиеся во фразеологизме (по сравнению с синонимичным ему словом), могут быть упущены. И тогда окажутся неясными условия употребления.

Из числа фразеологизмов по особенностям семантики выделяются сочетания типа *телячий восторг*, *осиная талия*, *жгучий брюнет*, *девичья память*, *собачья старость* и т. п. Нетрудно заметить, что в этих сочетаниях только одно слово имеет переносное метафорическое значение: *телячий* — *необоснованный, глупый*; *осиная* — *очень узкая*,

такая, как у осы и т. п. Но внутренняя форма у таких фразеологизмов не что иное как образное представление, а не признак. Когда мы говорим о *телячьем восторге* кого-либо, мы не только обозначаем этим словосочетанием необоснованно глупый восторг, радость, но и представляем себе в какой-то степени «восторг» резвого теленка. Это представление определяет и оценку содержания фразеологизма. Причина такого характера внутренней формы в устойчивости фразеологических словосочетаний, при которой только и возможна реализация переносной семантики одного из компонентов.

Наличие внутренней формы, передающей развернутое образное представление, а не признак (как в слове), — еще один аргумент в пользу тех, кто относит фразеологические сочетания к фразеологии. Специфика семантики таких сочетаний, состоящая в том, что только один компонент приобретает переносный смысл, а второй сохраняет свое номинативное значение, выводит их из лексико-фразеологических синонимических отношений. Фразеологические сочетания нельзя соотнести со словом, потому что одно из слов этих сочетаний указывает на предмет, а второе содержит характеристику его. Совместить в себе семантику таких двух слов может только сложное слово, которое, однако, не существует в языке, но может быть придумано в речи (например, *жгучий брюнет — черноволосик*).

Подводя итоги, можно сказать, что утрата внутренней формы сращениями лишает их семантику мотивированности, но при этом сращение продолжает сохранять прежнюю экспрессивность и оценочность. Добавочные информации в семантике сращений отличают их от семантики синонимичных им слов, также потерявших внутреннюю форму.

Фразеологические единства в отличие от слов с сохранившейся внутренней формой имеют несколько дифференцирующих признаков: внутренняя форма слова — это признак понятия, по которому оно получило название в виде производного слова; внутренняя форма фразеологического единства — элемент представления в его семантике, обусловившей его вещественное значение — предметно-понятийную направленность всего фразеологического комплекса слов и оценочность выражаемого понятия.

Наличие внутренней формы, в основе которой лежит представление о каком-либо факте, событии, явлении, а не признак понятия ограничивает сочетаемость фразео-

логизма с другими словами в предложении. Этому ограничению сочетаемости способствует и оценочность семантики. Фразеологизм контактирует с другими словами избирательно, иногда только с одним-двумя словами. Например, по семантике фразеологизм *спустя рукава* сближается со словом *плохо*, но в отличие от него он может контактировать только с глаголами *работать*, *делать* и т. д.

Ограничение сочетаемости фразеологизма зависит также от сложности его структуры, от другого уровня связи его компонентов по сравнению со связью морфем в составе слова. Синтаксические связи слов во фразеологическом обороте приглушены единством его семантики, но не устранены совсем. Они присутствуют в сознании и вступают в противоречие со связью слов контекста. Чем проще структура фразеологизма, чем ближе она к структуре слова, тем больше возможности его сочетаемости; чем сложнее синтаксическая структура, тем ограниченной возможности вступать в синтаксические связи с другими словами. Сравни: 1) *спустя рукава* (*работать, делать-аю, -аешь, -ает, -ают, -аете, -ай, -ал, -ала*); 2) *десятая вода на киселе* (только с дат. пад. имени). Внутренняя форма фразеологизмов добавляет к их семантике своеобразные признаки, смысловые и оценочно-стилистические, а это оправдывает сосуществование фразеологизмов в языке наряду с синонимичными им словами. В результате фразеологизмы приобретают в языке и речи особые функции.

Анализ соотношения внутренней формы слова и фразеологизма показывает, что она тесно связана с их значением, мотивирует его и обуславливает стилистическую окраску слова и фразеологического оборота. Поэтому нельзя считать правильным утверждение Е. М. Галкиной-Федорук, что «внутренняя форма слова не связана ни со значением слова, ни с его понятием, так как у многих слов внутренняя форма утеряна»¹⁶.

Если внутренняя форма утрачена в слове, то, естественно, отпадает и необходимость рассуждать о ее связи со значением и понятием. Она перестала в таком слове или фразеологизме быть необходимым элементом семантики, сыграв связующую роль с признаком понятия производящего слова.

---

¹⁶ Галкина-Федорук Е. М. Слово и понятие в свете трудов классиков марксизма-ленинизма. — «Вестник Моск. ун-та. Филология», 1951, № 9, с. 121.

Внутренняя форма во фразеологизме по сравнению со словом значительно важнее: она обуславливает направленность фразеологического словесного комплекса на понятие и передает оценку его говорящим, т. е. выражает фразеологическую модальность.

Конечно, оценочность — достояние не только фразеологии. Она присуща и некоторым словам и обусловлена в них также внутренней формой. Об этом справедливо пишет В. В. Виноградов: «Во внутренних формах слова выражается не только толкование действительности, но и ее оценка»¹⁷.

Итак, в слове функция внутренней формы ограничена.

«Слово как творческий акт речи и мысли включает в себя, кроме звуков и значения, еще представление (или внутреннюю форму), иначе — знак значения. Например, в слове *арбузик*, которым ребенок назвал абажур, признак шаровидности, извлеченный из значения слова *арбуз* и образует его внутреннюю форму, или представление»¹⁸. Иначе говоря, внутренняя форма актуальна в слове в момент его появления в языке: она мотивирует семантику его через семантику другого слова, послужившего производящей основой. Но когда образованное слово прочно входит в язык и в сознании говорящих устанавливается прямая связь между звуковой оболочкой этого слова и выражаемым им понятием, ставшим уже привычным, необходимость в посредстве мотивирующего знака отпадает. Поэтому-то большое количество слов в лексике современного русского языка потеряло внутреннюю форму. Необходимость в мотивировании их семантики отпала. То же характерно и для лексики других языков. «Не существует языков, — писал Фердинанд де-Соссюр, — где нет ничего мотивированного; но немислимо себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все»¹⁹.

Фразеологизмы относятся к избыточным фактам языка. Их существование оправдано только потребностями экспрессивной характеристики, оценочности предмета мысли.

Стремление человека передать во фразеологическом обороте не только мысль о чем-либо, но и выразить свои эмоции, которые определяют оценку, находит поддержку

---

¹⁷ Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 18.

¹⁸ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. I. Харьков, 1888, с. 6—7.

¹⁹ Де-Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. (Пер. с франц.). М., 1933, с. 128.

у В. И. Ленина в анализе процессов познания: «... без человеческих эмоций никогда не было, нет и быть не может человеческого искания истины»²⁰.

Внутренняя форма определяет во фразеологизме его потенциальные возможности в валентности и, следовательно, в развитии фразеологической семантики.

Наличие внутренней формы у фразеологизмов обуславливает их возможность функционировать в качестве выразительных оценочных средств в разговорной речи, в языке художественной литературы и публицистики.

Знание внутренней формы и ее роли имеет большое значение в практике составления словарей, особенно при отграничении фразеологических синонимов от вариантов одного и того же фразеологизма. Примечательны в связи с этим критические замечания А. М. Бабкина в адрес современных толковых словарей, нивелирующих оттенки значений²¹. Нельзя не согласиться также с его критическими замечаниями в полемике с М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляровым, Т. А. Бертагаевым, В. И. Зиминим, которые любую замену одного компонента другим расценивают как вариант того же фразеологизма.

С нашей точки зрения, такая замена изменяет характер образного представления (внутренней формы), от такой замены может измениться стилистическая окраска фразеологизма и его оценочность. Следовательно, в результате возникают фразеологические синонимы, а не варианты одного и того же фразеологизма. Понятие *фразеологический вариант* оправдано лишь по отношению к фразеологизмам с различными грамматическими или фонетическими формами одного и того же слова, например: *статочное (статимое, статошное) ли дело, брать быка за рога (взять)*.

Особенно актуальна роль внутренней формы слов и фразеологизмов в развитии детской речи, а также в освоении лексики иностранного языка при его изучении: внутренняя форма в этих случаях помогает осознать семантику тех слов и фразеологизмов, которые осваиваются через содержание уже известных слов, связанных с ними единством производящих морфем.

---

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 29, с. 164.

²¹ Бабкин А. М. Указ. соч., с. 52—169.

2. ОБРАЗ И ЕГО СЛОВЕСНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Известно, что многие фразеологизмы восходят по своему происхождению к метафорам, метонимиям и другим словосочетаниям с образным содержанием. Возникает вопрос, чем же отличается фразеологизм как единица языка от образного сравнения или метафоры как явлений речи.

Это важно установить потому, что в лингвистической литературе эти явления часто смешиваются. Так, даже известный специалист в области русской фразеологии В. П. Жуков в докторской диссертации ошибочно, на наш взгляд, считает фразеологизмом метафору из повести Г. Троепольского «Кандидат наук» потряхивать животом — в значении *хохотать, смеяться*: «Затем Чернохоров развернул журнал «Крокодил» и стал рассматривать картинки, слегка потряхивая животом».

З. Д. Попова в работе «Устойчивость и фразеологичность»²² также практически не разграничивает фразеологизмы и авторские метафоры, выраженные словосочетанием.

Сопоставительное изучение фразеологизмов и словосочетаний с образным содержанием представляет интерес для характеристики фразеологической семантики и истории фразеологизации свободных словосочетаний. Поэтому важно прежде всего установить, что такое образ или образное представление и как они выражаются в языке.

Принято считать: художник, скульптор, писатель, композитор в процессе творческой работы мыслят образами. Надо полагать, характер образов у каждого из них разный. И вместе с тем в образном мышлении каждого из создающих произведения искусства есть общее. Оно состоит в способности ассоциативно связывать предметы и явления окружающего мира, в умении видеть общие признаки, качества у разных предметов в результате общности или близости впечатлений от них. Образные впечатления возникают у человека на основе действия первой и второй сигнальных систем. Вполне возможно, что генетически образ в мышлении человека может форми-

---

²² Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции. Вып. II, ч. II. Новосибирск, 1969, с. 97.

роваться и без слов, на основе суммы ощущений от предметов и связей их отдельных сторон. Что это действительно так, можно доказать многочисленными примерами. Представим себе, что мы впервые в историческом или этнографическом музее или в первый раз оказались в тропическом лесу. Мы видим новые предметы, о которых у нас не сложилось еще понятий в сознании и нет слов, называющих их. Но первая сигнальная система позволяет нам составить представление о них и сохранить их в памяти. Более того, мы можем найти сходство неизвестных нам предметов с уже известными и даже описать словами бросившиеся в глаза характерные признаки этих предметов.

Часто мы забываем названия известных нам предметов, качеств, действий, а представление и даже понятие о них остается в памяти. В этом случае мы, желая выразить значение забытого слова, начинаем также описывать характерные признаки понятия. Значит ли все это, что художник слова, когда в его сознании формируется замысел произведения, мыслит не словами, а какими-то «чувственными конкретными» (по выражению В. Назаренко)²³? Едва ли. Какая в этом необходимость, если писатель так же, как любой нормальный человек, обладает второй сигнальной системой, языком слов? Конечно, замысел произведения это еще далеко не произведение, и в сложном процессе творческой реализации замысла писатель многое изменяет, но даже замысел художник слова все-таки запечатлевает в виде словесных набросков текста, чтобы не забыть неожиданно поразивших воображение ассоциаций. Эту начальную стадию формирования образа точнее можно назвать образным представлением, которое становится полноценным образом в составе всего произведения или его части, когда на образное впечатление наслаиваются новые, вступая в сложное взаимодействие друг с другом и подчиняясь авторскому направлению мысли и отношению к ней.

Отбор необходимых слов с их строгой, нормативной семантикой, соединение их друг с другом по законам грамматического строя делает образ конкретным, отсекая нецеленаправленные, уводящие в сторону от замысла ассоциации. Образ получает твердую смысловую базу в значе-

---

²³ Назаренко В. Язык искусств. — «Вопросы литературы», 1958, № 6.

ниях слов, но он не представляет собой сумму значений слов, как в научном тексте; являясь добавочным сообщением в контексте, он связывается с другими образами, а все они представляют в произведении систему образных средств. Чтобы привести в соответствие каждый частный образ с системой образов произведения, с его идейным содержанием «писателю остается искать это нужное слово ощупью, эмпирически, методом „проб и ошибок“, не имея никакого объективного критерия для определения того, является ли найденное слово действительно нужным словом»²⁴. Неуверенность в первоначальном оформлении художественного текста обычно длится до тех пор, пока не установится полная система художественных средств произведения со всеми ее элементами, которые, взаимодействуя друг с другом, требуют от писателя не только замены стилистических и семантических синонимов, но и более существенной правки, а она часто ведет к изменению первоначально возникших образов. Итак, замены слов зависят не только от лексической семантики других слов но и от архитектоники всего художественного произведения. Удачно сказал об этом литературовед А. Чичерин: «Упорное, долгое искание самого меткого слова неотделимо от искания правды»²⁵. Подсказанные образом слова не пассивный материал для его воплощения: слова, вступающие во взаимодействие в языке произведения, получают различные смысловые сдвиги от нормативных значений, а эти сдвиги и формируют образ в его законченном виде. Поэтому совершенно неправильна мысль, выраженная во многих литературоведческих статьях, что слова — такой же строительный материал в литературном произведении, как кирпичи в архитектуре.

Нельзя также считать, что мысль, выраженная во фразе, абзаце или в более широком отрезке текста, представляет собой сумму значений слов, употребленных в этом отрезке: в математике сумма не зависит от перемены мест слагаемых, изменение же порядка слов в словосочетаниях и предложениях может дать совсем другую «сумму» в образном и логическом содержании фразы, потому что

---

²⁴ Гумилевский Л. Заметки писателя. — «Вопросы литературы», 1958, № 6, с. 98.

²⁵ Чичерин А. Идеи и стиль. — «Вопросы литературы», 1960, № 2, с. 77.

смысл фразы зависит не только от суммы значений слов, но и от тех грамматических связей, в которые вступают слова в составе предложения.

Наличие многих общих свойств и качеств у разных предметов и явлений, воспринимаемых человеком, дает ему возможность ассоциативно соединять различные предметы и понятия, и при этом сложившийся образ сразу находит опору в семантике слов. Вместе с тем слова, будучи вторыми сигналами, т. е. понятийными сигналами, сами могут вызывать образные представления. Слово «изображает и то, что глаз видит, и то, что язык вкушает и обоняет нос, и что ухо слышит, и все осязания тела, и все наши чувствования, страсти, мысли» (А. Н. Радищев). Значимые слова, указывая своей семантикой на понятия с их признаками или намекая внутренней формой на признак, по которому назван предмет, вызывают в сознании человека связанные с ними конкретные представления и переживания. Художественный образ, выраженный семантикой языковых средств, т. е. второй сигнальной системой, вызывает действие и первой сигнальной системы.

В романе Л. Леонова «Русский лес» встречается словосочетание «кровинки ягод», логическое содержание которого можно передать сочетанием слов «красные ягоды», но заменить первое словосочетание вторым в контексте романа Л. Леонова нельзя: кроме логического содержания оно несет в себе образную информацию — ягоды напоминают капли крови; словосочетанием «кровинки ягод» автор вызывает в сознании читателя представление о мелких красных ягодах, а оно ассоциативно связывается с картинами войны, описанными в романе. Иначе говоря, в языковых средствах образности кроме логического содержания есть еще добавочная информация. Что собой представляет эта добавочная информация? Вопрос нелегкий, и мы заранее оговариваемся, что не можем дать на него точного ответа. Но разобраться в этом все-таки нужно, и полноценность ответа на него будет зависеть не только от лингвистических исследований, но в не меньшей мере от литературоведческого и психологического анализа образов, выраженных средствами языка.

Как показывает рассмотренный пример, в основе образной речи лежит указание автора на понятие или представление через другое понятие или представление о предметах, явлениях, имеющих общие признаки, или перенесение ти-

пичного признака одних предметов на другие, для которых этот признак нетипичен. В результате создается совмещение двух представлений в одном или совмещение представления о признаке предмета с представлением о признаке, характерном для другого предмета. Это проявление в речи побочного или добавочного представления может быть в зависимости от языковых средств большим или меньшим (сравнения, метафоры, авторские неологизмы с внутренней формой). Указание на другое представление как добавочная информация, присутствующая в предложении, словосочетании, слове, совмещаясь с основной мыслью, выраженной тем же предложением, словосочетанием, словом, и создает образ в сознании читателя. Добавочные информации в языке художественного произведения выполняют важную эстетическую функцию. Они не случайны. Они всегда целенаправленны и, будучи связаны друг с другом в контексте нескольких фраз и даже всего произведения, вызывают в сознании читателя цепь ассоциаций. Нерасчлененное впечатление передается в лаконичной словесной форме (как в картине художника) с сохранением деталей, делающих восприятие этого представления более конкретным и близким к тому, которое возникло у писателя.

Литературовед стремится определить в структуре всего произведения назначение образов и вызванных ими ассоциативных представлений. Задача лингвиста при изучении образной речи состоит в том, чтобы установить, с помощью каких языковых средств создан тот или иной образ. Поэтому для лингвиста особенно важно знать, что собой представляет образная семантика в словах, словосочетаниях, предложениях, ему необходимо выяснить законы ее образования. Важно также при изучении языка художественного произведения определить семантико-стилистические контакты образных средств.

3. СРАВНЕНИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, РАЗВИВШИЕСЯ ИЗ СРАВНЕНИЙ

Наиболее простым языковым средством образности является сравнение. Оно может быть выражено разными языковыми конструкциями: творительным падежом имени (*лететь соколом*), сравнительными придаточными и срав-

нительными оборотами. Образная сущность сравнения состоит в сопоставлении двух или нескольких названных словами предметов, явлений, действий, качеств, имеющих близкие или одинаковые признаки. Сопоставляемые понятия сохраняют в сознании свою самостоятельность, не сливаясь в одно представление, а поэтому и семантика сравниваемых слов, словосочетаний и предложений не изменяется.

В лингвистике и в литературоведении о сравнении написано достаточно много, но функции его в произведении (как средства образности) определены недостаточно полно. Обычно при описании функций сравнений ссылаются на мнение Л. Н. Толстого: «Сравнение употребляется или чтобы, сравнивая худшую вещь с лучшей, показать, как хороша описываемая вещь, или, сравнивая необыкновенную вещь с обыкновенной, чтобы дать о ней ясное понятие»²⁶. Надо полагать, что этим далеко не исчерпывается назначение сравнений. Так, в «Мертвых душах» Н. В. Гоголь сравнивает русские дороги с расползающимися во все стороны раками, лающих псов во дворе Коробочки — с хором певчих. При этом сравнение дается в развернутом виде и переходит в самостоятельное описание, сопровождающее основное. Приведем одно из таких сравнений.

Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей ламп и дамских платьев был страшный. Все было залито светом. Черные фраки мелькали и посылись врозь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого польского лета, когда старая ключница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жестких рук ее, подымающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяйева, и, пользуясь подслеповатостью старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, обсыпают лакомые куски, где вразбитую, где густыми кучами. Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу расставляющим лакомые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но только показать себя; пройтись взад и вперед по сахарной куче, потереть одна о другую задние или передние ножки, или почесать ими у себя под крылышками, или, протянувши обе передние лапки, потереть ими у себя над головою, повернуть и опять улететь, и опять прилететь с новыми докучными эскадронами (т. V, с. 14).

---

²⁶ Толстой Л. Н. Детство (вторая редакция, гл. 2). Полн. собр. соч., т. 1. М., 1935, с. 179.

Сравнение танцующих в черных фраках с мухами, летающими вокруг рафинада, опирается на сходные признаки во внешнем виде тех и других, в характере их движения и поведения (*врозь и кучами, где вразбитную, где густыми кучами*) и в обстановке, в которой происходит действие. Подробности описания того, с чем сравнивается предмет мысли, переводят внимание читателя на восприятие другой картины, но при этом не забывается и то, что сравнивается (предмет сравнения).

В результате в сознании возникает совмещение двух представлений; второе превалирует над первым до тех пор, пока сравнение не заканчивается.

Эти и другие примеры сравнений из «Мертвых душ» Гоголя говорят о том, что функции их значительно шире названных Л. Н. Толстым: придавая предмету, который сравнивается, четкость зрительно воспринимаемой картины, Гоголь в косвенной, но достаточно определенной форме выражает через сравнение свое отношение к предмету мысли, дополняя сравнениями другие средства сатирического изображения действительности. Совершенно ясно, что должен думать читатель о танцующих в черных фраках после восприятия такого сравнения.

Можно сказать, что сравнение обладает модальностью, оно не нейтрально: в нем передано авторское отношение к изображаемому, его чувство. И вместе с тем ассоциации, возникающие при восприятии удачных сравнений, скажут значительно больше, чем простое, логически расчлененное описание. Сравнение, передающее образ и отношение к нему, — не самоцель, а средство возбудить деятельность воображения читателя в нужном писателю направлении.

Анализ содержания сравнений при учете их смысловых связей с контекстом позволяет убедиться, что писатель реализует в них часть замысла произведения. Рассмотрим еще несколько примеров: «Чичиков увидел в руках его (Плюшкина. — А. Ф.) графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке». Таким сравнением Гоголь не только рисует запыленный графинчик (не графинчик главное!), но через это образное впечатление существенно дополняет общую характеристику безрассудной скупости Плюшкина, предельной запущенности его хозяйства. В первоначальной редакции романа «Герой нашего времени» эполеты на мундире влюбленного Грушницкого, только что произведенного в офицеры, сравниваются с котлетами: «... эпо-

леты неимоверной величины подобились двум котлетам». В окончательной редакции употреблено другое сравнение: «За полчаса до бала явился ко мне Грушницкий в полном сиянии армейского пехотного мундира. К третьей пуговице пристегнута была бронзовая цепочка, на которой висел двойной лорнет, эполеты неимоверной величины были загнуты кверху в виде крылышек амура; сапоги его скрипели; в левой руке держал он коричневые лайковые перчатки и фуражку, а правой взбивал ежеминутно в мелкие кудри завитой хохол». Нет сомнения, что сравнение, употребленное Лермонтовым в первоначальной редакции, точнее отражает сходство двух предметов, вместе с тем оно передает ироническую оценку Грушницкого. Но такое сравнение никак не ассоциировалось с влюбленностью Грушницкого. Поэтому Лермонтов заменил сравнение, в окончательной редакции оно дополняет ироническую характеристику влюбленного Грушницкого указанием на сходство его эполет с крылышками амура.

Ассоциации, вызванные сравнениями, могут быть использованы автором в самых разнообразных целях, в зависимости от замысла произведения или его части.

В языкознании достаточно подробно описаны средства выражения сравнений — сравнительные обороты и предложения, — но до сих пор остается не изученным объем семантики слов, словосочетаний, употребляемых для сравнений, и модальность сравнительных оборотов и предложений. А это так же важно, как стилистическая характеристика слов и фразеологических оборотов в лексикографической практике. Как в картине художника или в рисунке кроме мысли передается настроение, так и в любом языковом образе, в том числе и в сравнении, всегда передается чувство, настроение, оценка предмета мысли. Они соотносятся с экспрессией, заложенной к контексте.

Представляет интерес и соотношение смыслового содержания сравнений с семантикой других образных средств языка художественного произведения. Неспроста, например, Н. А. Некрасов часто употребляет сравнения, в которых называет предметы и явления крестьянской жизни. Такие сравнения дополняют своим содержанием общую картину:

И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.

. . . . .

Вскочил и на луг выехал
Детива: тело белое
А шея, как смола!

. . . . .

Как грабли ручки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек — комар.

(«Кому на Руси жить хорошо»)

Выбор сравнений зависит не только от содержания произведения или узкого контекста, но и определяется в какой-то мере и литературным направлением, к которому принадлежит автор, и в известной мере творческой индивидуальностью, психическим складом характера писателя.

Литературоведы не раз высказывали справедливый упрек тем лингвистам, которые считают, что цель сравнения в сопоставлении абстрактного с конкретным. Такое узкое понимание функций сравнений обусловлено ограниченностью использованного материала и излишне широким обобщением. Сравнение в соответствии с замыслом произведения и в зависимости от литературного направления, а также от индивидуальных особенностей писателя может быть и отвлеченным. В поэтическом языке романтика В. А. Жуковского, например, языковые средства выражают неясные, неконкретные образы, построенные на психологических субъективных ассоциациях автора с предметами действительности. Его образы не отражают реальных качеств, сторон жизни. Они указывают на переживание, неясно связанное с какой-либо причиной. Этой же цели служат и сравнения:

Он был кроток, как надежда,
Как покорность небу, тих.

(«Бедный певец»)

Подобные отвлеченные сравнения легко найти в произведениях романтиков. Любопытно сопоставить в этом плане характер содержания сравнений Лермонтова-романтика и Лермонтова-реалиста. В романе «Вадим» Лермонтов часто употребляет отвлеченные эмоциональные сравнения, по своему содержанию очень далекие от описываемых явлений жизни. Приведем пример: Вадим «похож был в это мгновение на вампира, глядевшего на издыхаю-

щую жертву». В реалистическом романе «Герой нашего времени» используются совсем другие сравнения, семантика их указывает на предметы, явления из той же конкретной, изображаемой автором действительности: пуглива, как «дикая серна», «глаза черные, как у горной серны», раненный Казбич, «точно кошка, карабкался на утес». Такие сравнения поэтому носят конкретный характер.

В реалистических произведениях, чаще в поэзии, могут быть употреблены и отвлеченные сравнения. Но назначение их здесь другое. Они указывают на отвлеченный или воображаемый предмет и поэтому носят нереальный характер и служат лишь намеком на мысль. В стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу» С. Есенин пишет о прошедшей молодости, употребляя при этом сравнение, которое передает не логическую мысль, а образное представление о нереальном, воображаемом, дополняет чувство:

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Разумеется, коней розовой масти не существует, и образ поэтому не реален. Но сравнение употреблено удивительно удачно: один из его компонентов *розовый* семантически связывается со значением привычных устойчивых словосочетаний *розовые мечты, мечтанья, розовая юность, розовое детство, в розовом цвете, свете* (видеть, представлять) и т. п., широко известных в общенародном языке и связанных с представлением о ранней молодости, юности. Образное представление, выраженное сравнением, подкрепляется и содержанием предшествующей метафоры: *весенняя гулкая рань*, которая тоже ассоциируется с порой молодости, с ее радужными мечтами, надеждами.

Любой талантливый и опытный писатель употребляет сравнения (какую бы функцию они ни выполняли) как одно из активных средств реализации замысла. Поэтому сравнение не должно быть случайным привеском, рассчитанным на «украшение» стиля. Не у каждого писателя сравнение служит необходимым звеном в системе образных средств. В языке литературы можно найти примеры неоправданных, надуманных сравнений, которые не соотносятся с другими образными средствами и не пробуждают ассоциаций, дополняющих восприятие целостных картин

произведения. Чаще такие сравнения встречаются в языке начинающих писателей. В повести «Степан Павлов», написанной В. Гроссманом в ранний период его творчества, было употреблено сравнение: «Солнце, наливаясь краской, точно старинный раскаленный докрасна пятак, погрузилось в темный воск земли». А. М. Горький, читая повесть в рукописи, отметил надуманность и стилистическую неопределенность этого сравнения, написав на полях, что раскаливать пятаки и бросать их в воск незачем, что образ заката неправдоподобен.

Итак, в основе образного представления, выраженного сравнением, лежит сопоставление предметов, явлений, действий, признаков окружающего мира. В зависимости от того, с чем сравнивается предмет мысли, находится чувство автора к предмету мысли, оценка его. Значения слов, используемых в сравнениях, не претерпевают изменений.

Выражая представления, а не понятия, сравнения остаются фактом речи, а не языка, т. е. они создаются свободно, как любое свободное словосочетание или предложение, построенное в зависимости от смыслового задания речи. Поэтому абсолютное большинство сравнений актуально только в составе образных средств языка одного произведения или нескольких произведений одного автора.

Анализ рассмотренных сравнений, выраженных словосочетаниями или придаточными предложениями сравнительного типа, показывает, что они, авторские сравнения, актуальны лишь в пределах произведения или, в лучшем случае, нескольких произведений. Они поэтому остались явлениями речи.

В современном русском литературном языке известно около двухсот фразеологических единиц, которые по своему происхождению восходят к сравнительным оборотам или сравнительным придаточным предложениям. Они одинаковы по структуре со сравнительными оборотами и предложениями, но по всем другим признакам отличаются от них. Привожу примеры такого рода фразеологизмов: как с гуся вода; как кошка с собакой (жить, грызться); как (словно, будто) аршин проглотил; как банный лист (пристать) и т. п.

В отличие от речевых сравнительных оборотов они обладают постоянством лексического (компонентного) состава, твердым порядком слов, они широко известны в языке художественных и публицистических произведений раз-

ных авторов, часто употребляются в живой разговорной речи. Большинство из них отмечено нами в языке художественной литературы конца XVIII — начала XIX в., что свидетельствует о исторической устойчивости их употребления. Обратимся к примерам, классифицируя их по группам в зависимости от степени фразеологизации.

Многие двусловные фразеологизмы сравнительного типа уже в XVIII в. утратили в семантике элемент сравнения и превратились в застывшие раздельно оформленные единицы языка, не подвергаясь изменениям в XIX и XX вв. «Одежду всем давать, *как водится* у них» (Я. Б. Княжнин. Живописец в полону, с. 692). «*Как водится*, пред знатным господином, Пред силой коего все — мелкая черта, Трещущая Трость, не разевая рта, Почтенному дубовым чином, Чтоб лишних избежать сует, Дает нижайшими поклонами ответ» (Я. Б. Княжнин. Дуб и трость, с. 703). «Личарда. Вечером лег в постель, *как водится*; но сегодня проснулся, а одеяло с меня как камень, в мелкие части разлетелось» (Г. Р. Державин. Батмендий, т. IV, с. 638). «Куда он ни пойдет, Везде и все как быть, *как водится*, найдет» (И. И. Хемницер. Львово путешествие, с. 147). «Лесник. Так, *как водится*: взвалил на плеча, да и след простыл» (Н. П. Николев. Розана и Любим, с. 202). «Царевна в оный час, хотя и со стыдом, Со спором и трудом, *как водится* при том, Взирая на обновы, какие были там на выбор ей готовы, Дозволила сложить с красот своих покровы» (И. Ф. Богданович. Душенька, с. 69). «... И в девятый день с мягкой постели переложили ее на жесткую: в гроб — а там и в землю — и закопали, *как водится*, — и забыли в свете, *как водится*...» (Н. М. Карамзин. Рыцарь нашего времени, с. 761). «Зачем она его торопит врасплох оставить свет, Не дав ему, *как водится*, духовной...» (И. И. Дмитриев. Смерть и умирающий, т. I, с. 80). «Из тучи ливный дождь, град, вихрь, сказать вам словом, Со всею свитою, *как водится*, гроза» (И. И. Дмитриев. Два голубя, т. I, с. 34). «Потом, *как водится*, мир вечный заключить до первой ссоры» (И. А. Крылов. Лев и барс, т. I, с. 71). «И так, *как водится*, пошли догадки, чем в милость втерся слон?» (И. А. Крылов. Слон в случае, т. I, с. 151).

По неизвестным причинам этот фразеологизм не включен во «Фразеологический словарь русского языка», в «Словаре современного русского литературного языка»

(в 17-ти т.) оборот помещен в статье на слово *водиться* в качестве вводного предложения и истолкован: «принято, является обычаем». Такая квалификация этого оборота неточна: она отражает лишь синтаксическую функцию его. С нашей точки зрения, это сочетание слов не свободное, оно имеет общий смысл только при постоянном составе двух компонентов *как* и *водиться* в форме третьего лица настоящего времени, утратив элемент сравнения. Даже наличие наречия *так* (см. пример из Крылова) не восстанавливает этого представления о сопоставлении двух фактов, оно в приведенном примере (как и в других) поясняет сказуемое, *как водится* воспринимается в качестве вводного предложения.

О полной фразеологизации оборотов, возникших из сравнительных словосочетаний или предложений, можно судить по отсутствию наречия *так* и постоянному лексическому окружению их. К таким фразеологизмам в XVIII в. можно отнести: *гол как сокол, как на иголках, как пять пальцев, как зеницу ока, как вкопанный, как убитый, (ясно) как день, как маков цвет, как бог свят, как огня (бояться)* и др. Сравнительный элемент в содержании этих оборотов воспринимается лишь этимологически как подоснова их семантики. Его «выветриванию», стиранию способствует длительность и частота употребления оборота и постоянство лексического окружения. Так, фразеологизм *как сокол* употреблялся и продолжает употребляться только в сочетании со словом *гол*. В результате и слово *гол* получило расширительный смысл и стало вместе с другими компонентами определять общий смысл выражения. Поэтому авторы «Фразеологического словаря русского языка» и «Словаря современного русского литературного языка» вводят его в состав оборота, определяя семантику фразеологизма в целом: *очень беден, ничего не имеет*. Это значение и компонентный состав сформировались у названного оборота уже в XVIII в.

«Митрофан: ...а ты своим языком и с премудрым пером что нажил? *гол как сокол...*» (П. А. Кропотов. Фомушка — бабушкин внучек, с. 371). «Матвей: ...ты и сам был *гол как сокол*, что тебя покойная барыня всем наделила...» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 440).

В большинстве случаев фразеологизации сравнительных оборотов слово, с которым сочетается фразеологизм, оставаясь его обязательным окружением, не вошло в сос-

тав фразеологизма, потому что фразеологическая семантика сформировалась без участия значения этого слова, но реализуется она только при сочетании фразеологизма с ним: (*знать*) как свои пять пальцев, (*беречь*) как зеницу ока, (*стоял, -а; стою, -ишь, -ит*), как вкопанный, (*ясно*) как день, спал как убитый, (*бояться*) как огня, (*нарядить*) как куклу, (*свежа*) как маков цвет.

«Добров: Указы знает все, как пальцев пять своих» (В. В. Капнист. Ябеда, с. 541). «Атабалибо: Вселенную призвать в свидетельство могу, что как зеницу вас я ока берегу» (Г. Р. Державин. Атабалибо, т. IV, с. 425). «Интересную карету заменила другая, может быть не менее интересная — только не для Печорина. Он стоял как вкопанный» (М. Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская, т. IV, с. 302). «Сафир: Другая уже? Я как вкопанный стою! Арист: Да, я влюбился вновь» (А. С. Грибоедов. Молодые супруги, т. I, с. 140). В «Словаре Академии Российской» (САР, 1806, ч. I, с. 533) этот фразеологизм помещен с пометой *в простор*, с другим обязательным окружением: *Сидит как вкопанный*. В XIX и XX вв. валентность фразеологизма увеличилась, он стал сочетаться с глаголами, близкими по семантике: *остановиться, встать, остаться* (ФС, с. 70). «...А подле аттестата развернута записная его книжка, в которой видно ясно, как день, что того числа за сто верст от сражения находился он для любовного приключения...» (И. А. Крылов. Ночи, т. II, с. 718).

Фразеологизм *как убитый* так же, как в современном русском языке, употреблялся в XVIII — XIX вв. в сочетании с глаголами, обозначающими состояние сна (*спал, уснул, заснул*). «...Бросился к камельку, не раздевался, не пил, не ел и спал как убитый» (А. С. Грибоедов. Путевые письма к С. Н. Бегичеву, т. II, с. 403). Значение этого фразеологизма при таком обязательном лексическом окружении *очень крепко, беспробудно*.

Употребленный в сочетании с глаголом *лежать* оборот *как убитый* перестает быть фразеологизмом, приобретая значение, омонимичное фразеологическому — *спокойно, неподвижно*: «А Иван, крехтя, подлез под дубовое корыто И лежит там, как убитый» (П. П. Ершов. Конек-Горбунук, с. 97).

Процесс фразеологизации некоторых сравнительных оборотов сопровождался утратой в их составе сравнительного союза *как*, следствием чего явилось развитие отвлече-

ченности в его содержании и расширение его сочетаемости со словами окружения. Так, известный в современном русском языке фразеологизм *полная чаша* в значении *всего много, в избытке* в XVIII — начале XIX в. употреблялся только в сочетании со словами *дом, двор* и имел в составе компонентов *как*: «Еремеевна: ... ну да зато *дом, как полная чаша...*» (А. Д. Копиев. Обращенный мизантроп, с. 494). «Кабы оп, покойник, поменьше с попами водился, так бы и нам побольше оставил. *Дом* его был *как полная чаша*, да и тут процедили» (Н. И. Новиков. Письма к Фалалею, с. 350). «Полист: *Как чаша полная* дворянки этой *дом*; И душ две тысячи и денег страшна бездна» (Я. Б. Княжнин. Хвастун, с. 325). «Надоедалов: ... *Двор, как полная чаша*» (А. Д. Копиев. Обращенный мизантроп, с. 490). Устранение компонента *как* перевело названное сравнительное словосочетание в метафору. Слово *дом*, бывшее в окружении фразеологизма, конкретизировало его значение: *в доме всего много, в избытке*. Это слово оказалось избыточным в окружении (обычно то, что обозначает фразеологизм, хранится в доме). Но устранение слова *дом* из обязательного окружения позволило применять фразеологизм при характеристике богатства вообще, в любых его видах, что проявилось и в увеличении количества сочетающихся с фразеологизмом слов. «И тотчас же продолжал: — Как же у вас, барин, и вотчина есть? И дома есть? Стало быть *полная чаша!* И хозяйка есть?» (Л. Н. Толстой. Война и мир. — ФС, с. 517).

«Всего было много, *полная чаша*, жить бы да жить» (Г. Успенский. Богомолка. — (ФС, с. 517). «А теперь, люди добрые, поглядите сюда, на угощение. На столах — *полная чаша*» (С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды. — Там же).

Такой же процесс развития претерпел фразеологизм *как мокрая курица*: «И, крылья опустя, привыкший барин к лести, *как мокра курица* сидит И на свет не глядит» (Я. Б. Княжнин. Попугай, с. 711). В современном русском языке фразеологизм употребляется без союза *как* (см. толковые и фразеологические словари).

Более сложной модификации подвергся фразеологизм *как не солоно хлебал (хлебали)*, употреблявшийся в XVIII в. в значении *обманулся в расчетах, не получил ожидаемого, желаемого*. «Саламандра: Ушли! Вставай, брат — зять! Олухи наши ушли. Ха! Ха! Ха! Крючкодей: Ха! Ха! Ха! Ха! Пошли, *как не солоно хлебали*» (М. Матинский. Санкт-

Петербургский гостиный двор, с. 292). Его метафоризация была связана не только с эллипсированием, но и с заменой глагола в прошедшем времени причастием — *не солоно хлебавши* (см. примеры употребления этого фразеологизма в современных толковых и фразеологических словарях).

Рассмотренные примеры исторической изменчивости фразеологизмов, возникших из сравнительных оборотов речи и сравнительных предложений, позволяют считать традиционное мнение о неизменности фразеологизмов, постоянстве их компонентного состава и семантики излишне категоричным. Становление фразеологизмов как единиц языка из сравнительных оборотов связано с устранением всего излишнего, избыточного в их составе, что не влияет на формирование фразеологической семантики.

Анализ фактического материала позволяет сделать и другие выводы:

1. Для того чтобы сравнительный оборот или сравнительное придаточное предложение перешли из явлений речи в единицы языка, необходимо длительное, исторически устойчивое их употребление. На древний характер возникновения некоторых фразеологизмов такого рода указывают архаичные элементы в составе их компонентов, давно уже не соотносимые с соответствующими лексемами или их формами в свободном употреблении (из-за исчезновения последних): *аки тать в ноци*; *как зеницу ока*; *как по мановению волшебного жезла*; *как бог свят* и др.

2. Но давность появления сравнительного оборота или предложения и длительность употребления нельзя считать причинами перехода во фразеологические единицы. В языке памятников древнерусской письменности, а также произведений художественной литературы и публицистики XVIII в. можно, по-видимому, насчитать десятки тысяч сравнений, которые не перешли во фразеологизмы.

3. Авторские сравнения, актуальные лишь в пределах языка одного произведения (в лучшем случае в языке нескольких писателей, принадлежащих к одному литературному направлению), не переходят в единицы языка фразеологического типа.

4. Выбор сравнения как основы для формирующегося фразеологизма обусловлен актуальностью факта, исторического события, явления жизни и быта, отраженного в содержании сравнения. Такие события, факты, явления

часто повторялись, были общеизвестными, привычными. Сравнительные обороты и предложения, их отразившие, оказались наиболее удобными средствами характеристики различных сходных явлений, они отвечали потребности говорящих в обновлении экспрессивных средств языка: *(жить) как кошка с собакой; как пить дать; как снег на голову* и т. п.

5. Подоснова содержания таких фразеологизмов (их внутренняя форма) указывает на представления, созвучные эпохе, социальной среде, психологии людей этой эпохи и среды. Даже без специальных лингвистических разысканий можно, например, с уверенностью сказать, что фразеологизмы *как бог свят, как на духу, как у Христа за пазухой* не могли бы появиться в советский период развития русского языка.

6. Привычное сравнение, часто используемое в речи при одних и тех же или сходных ситуациях, постепенно закрепляется в употреблении с одним и тем же или близким по содержанию лексическим окружением. Постоянство лексического окружения такого сравнительного оборота и частота его употребления направляют внимание говорящего и слушателя главным образом на переносный (общий) элемент его содержания, т. е. на его предметную соотнесенность. Образное же представление остается в содержании таких оборотов на втором плане лишь постольку, поскольку оно необходимо для того, чтобы по-новому передать известное понятие, сопроводить его выражение указанием на побочное представление, через которое передается и оценка названного предмета.

7. Фразеологизация сравнительных оборотов влечет за собой постепенную утрату сопоставительного элемента содержания, а также утрату излишних компонентов оборота, сопровождается упрощением конструкции за счет ее редуцирования и некоторых морфологических преобразований в компонентах.

Эти изменения, несомненно, вызывают и ослабление образности в содержании возникшего фразеологизма по сравнению с его первоосновой — сравнительным оборотом.

4. ФРАЗЕОЛОГИЗМ И МЕТАФОРА

Абсолютное большинство фразеологизмов современного русского языка возникло из свободных словосочетаний

с метафорическим содержанием. В числе языковых средств выражения образов, по-видимому, основное место занимает метафора — семантическое явление, обусловленное наложением на прямое значение слова добавочного смысла, который у этого слова в составе художественного произведения становится доминирующим. Прямое же значение слова теряет свою роль, оставаясь лишь ориентиром для авторской ассоциации. В результате метафорическое значение передаст нерасчлененное представление, в нем совмещаются признаки разных предметов. Разумеется, не каждое слово обладает потенциальной возможностью быть основой для ассоциации. Это зависит от характера лексического значения слова.

Формирование метафор нельзя понять, не раскрыв соотношение значения и понятия в слове.

Понятия закреплены в сознании людей за определенными материальными знаками, словами или, пользуясь терминологией И. П. Павлова, вторыми сигналами. Соединяя слова в словосочетания и предложения, мы через значения слов, которые проявляют себя только в определенном контексте, передаем понятия.

При этом мы считаем, что значение слова не тождественно понятию. Понятие — мысль о предмете, явлении, качестве, действии и т. д., выделяющая в них наиболее существенные общие признаки. Процесс образования понятий в сознании человека В. И. Ленин характеризует как диалектически сложное отражение действительности: «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (-понятия) с нее не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность превращения (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (в последнем счете — бога). Ибо в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) есть известный кусочек фантазии»²⁷. Понятие лишено чувственной наглядности; при его образовании необходимо, чтобы отдельные признаки предметов были отвлечены, обобщены и составляли содержание отдельного значимого слова. Естественно, что уровень понимания одного и того же явления, степень

---

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 29, с. 330.

проникновения мысли в его сущность у разных людей разная, она зависит также от общего уровня науки в каждый исторический период.

Понятия о предметах и явлениях окружающего мира можно подразделить на научные и бытовые. Первые формируются в результате изучения сущности явлений и их признаков на основе использования научных методов и средств, вторые — результат практического опыта, наблюдений людей. Значение слов при выражении научного или бытового понятия остается тем же, так как оно лишь указывает на понятие.

Разные предметы и явления объективного мира могут иметь сходные или одинаковые признаки. Это служит причиной для общих наименований. Так, у съедобного плода — груши — и у спортивного снаряда для тренировки боксеров общим признаком является форма неправильного округлого конуса. И в результате спортивный снаряд получил то же название — *груша*.

Развитие многозначности в общенародном языке, идущее по определенным семантическим закономерностям, всегда опирается на появление новых устойчивых понятий. При этом в процессе языкового общения людей признаки и образы, лежащие в основе наименования, теряют свое значение. Метафоричность в значении слова исчезает. Например, никто из русских, произнося или воспринимая словосочетание *часы идут*, не имеет ввиду образ движения человека, четко ступающего ногами, который (образ), по видимому, присутствовал в сознании, когда только что появились часы. В этом сочетании слов глагол имеет лишь чисто логическое значение: *действуют*.

В многозначных словах каждое из значений, указывая на определенное понятие, проявляет себя в типическом словесном окружении, контексте.

Анализ метафорических словосочетаний в языке писателя позволяет установить в их семантике несколько тесно связанных элементов: 1) первоначальное значение слов, входящих в словосочетание, затушеванное, сдвинутое на задний план в результате взаимодействия семантико-ассоциативных полей необычно соединенных слов; 2) образное представление, переданное словосочетанием; 3) логическое содержание метафоры, возникающее при осмыслении. В результате длительного употребления метафор первый и второй элементы содержания постепенно теряют

свежесть, конкретность, стираются. На первый план выдвигается третий элемент. Он становится доминирующим. Второй элемент важен лишь постольку, поскольку говорящему важно через него, через образное представление, передать свое отношение к тому, что обозначает все словосочетание.

Совершенно ясно, что не каждая метафора, выраженная словосочетанием, переходит во фразеологизм. В современном русском языке употребляется не более пяти тысяч фразеологизмов, количество же метафор в языке писателей, если даже иметь в виду только широко известных, не поддается учету.

В лингвистической литературе пока еще не учтены все фразеологизмы, по своему происхождению восходящие к авторским метафорам. Можно с уверенностью сказать, что количество таких фразеологизмов незначительно. И понятно почему. Анализ метафорических значений убеждает, что они важны для писателя как лаконичное средство передать образное цельное впечатление, чтобы вызвать у читателя активность мысли и воображения. Эти метафорические словосочетания актуальны лишь в языке произведения или части его.

Поэтому в основе содержания фразеологизма чаще всего лежит народная метафора. В отличие от авторской метафоры, построенной на скрытом для большинства людей сходстве явлений, признаков, народная метафора отражает бросающееся в глаза сходство предметов, явлений, фактов бытовой жизни, часто повторяющихся, обычных, повседневных.

Авторские же метафоры, как правило, не переходят во фразеологизмы. Но отдельные метафорические словосочетания, отличающиеся меткостью, расширяют диапазон применения, переходят в живую разговорную речь, теряя связь с произведением, в котором они были впервые употреблены. Длительность и частота их употребления, расширение валентности способствуют некоторому стиранию в них метафорической образности, развитию отвлеченности содержания. Такие метафоры становятся крылатыми словами и постепенно переходят во фразеологизмы (*демялова уха, дачный муж, мышинный жеребчик* и т. п.).

**ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XVIII—XIX вв.
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ
И ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ ИДИОМАТИКИ**

Изучая фразеологию в языке художественной литературы, языковеды ставят перед собой две цели: 1) определить эстетические функции фразеологизмов в художественном тексте, их место среди других образных средств, составляющих специфику стиля писателя; 2) использовать язык художественной литературы как один из основных источников выявления фразеологизмов языка для изучения изменений в семантике и форме фразеологизмов.

И хотя первая задача значительно чаще привлекала внимание лингвистов, она еще очень далека от разрешения. Так, А. И. Ефимов, хотя и обстоятельно описывает функции фразеологизмов в языке М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. М. Карамзина²⁸, включив в состав фразеологии все сколько-нибудь устойчивые обороты речи, от авторских крылатых слов до поговорок, снимает проблему изучения специфики стилистических функций фразеологии.

Можно назвать десятки работ, авторы которых в дополнение к указанным ошибкам А. И. Ефимова допускают и другие: прямо связывают содержание и стилистическую окраску фразеологизмов с характеристикой положительных или отрицательных персонажей, не отличают компонентный состав от обязательного словесного окружения²⁹.

²⁸ Ефимов А. И. Общественно-публицистическая лексика и фразеология в языке М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Учен. зап. Моск. ун-та», 1952, вып. 150; Он же. Из наблюдений над фразеологией М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Учен. зап. Пермск. пед. ин-та», 1945, вып. 9.

²⁹ Андрусенко В. И. Синонимизация фразеологических оборотов в повестях Н. В. Гоголя. — «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Йошкар-Ола, 1964, вып. 3; Волкова Л. П. Лексика и фразеология как средство речевой характеристики купцов в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба». — В кн.: Научный ежегодник Черновиц. ун-та за 1957 г. Черновицы, 1958; Нечасва О. А. Фразеология как средство сатиры в языке басен. — «Учен. зап. Бурятск. пед. ин-та». Улан-Удэ, 1958, вып. 16.

Нелингвистическое (точнее, ненаучное) понимание фразеологии в работах некоторых исследователей было причиной неправильного определения предмета исследования. Так, Н. В. Трунев, «ввиду ограниченности материала», как он сам об этом пишет, в понятие фразеологии включает «разнообразные явления»³⁰: пословицы, поговорки, часто повторяющиеся авторские выражения и т. п. Причина такого рода ошибок в неправильном понимании авторами сущности фразеологической семантики и, как следствие этого, назначения фразеологизмов в языке и речи.

В лингвистической литературе принято считать, что у слова основной функцией в языке является номинативная, а у фразеологизма — экспрессивно-оценочная. Эта характеристика назначения слова и фразеологизма верна, но недостаточно полна. В языке существуют десятки слов, в которых оценочность преобладает над логическим содержанием: *охламон, вахлак, кореш* и т. п. И вместе с тем можно отметить значительное количество фразеологизмов, лишенных оценочности или почти утративших это качество: *подать руку помощи, как бы то ни было, по крайней мере, принять во внимание* и т. п.

А. М. Бабкин существенно дополняет характеристику функций фразеологизма по сравнению с функцией слова указанием на образность фразеологических оборотов, относя их к выразительным средствам, удовлетворяющим потребность говорящего характеризовать предмет мысли. А. М. Бабкин считает, что основное свойство фразеологизмов проявляется «в живописном способе выражаться», ссылаясь на известное изречение А. С. Пушкина³¹.

Образность присуща и словам при их переносном употреблении, но она представляет собой в основном явление авторской, художественной речи, в языке же метафорическая образность слов сохраняется недолго — в период образования слова и на первых этапах его употребления в языке (*шляпка гвоздя, ручка двери, глазок дула пистолета, шаг винта* и т. п.).

Преобладание образности во фразеологической семантике (по сравнению со словами) объясняется характером внутренней формы фразеологизма.

---

³⁰ Трунев Н. В. А. Кантемир в истории русского литературного языка. Автореф. канд. дисс. Омск, 1952, с. 11.

³¹ Бабкин А. М. Указ. соч., с. 8—9.

У сравнительных оборотов, метафорических словосочетаний и фразеологизмов есть много общих признаков в семантике и много различий. Казалось бы, выявление фразеологизмов в языке писателей не должно представлять значительных трудностей. На самом деле этот вопрос оказывается не таким простым.

Поскольку фразеологизмы (в отличие от слова) выполняют в языке не номинативную, а в основном экспрессивно-оценочную функцию, характеризуя, «живописуя» предмет мысли через представление о каком-либо часто повторяющемся факте, явлении, известном событии, писатели используют их как одно из выразительных средств, иногда подвергая переделке. К использованию народной фразеологии существует два подхода:

а) фразеологизмы употребляются в неизменном виде с сохранением их структуры, компонентного состава и сочетаемости со словами лексического окружения, а также полного соответствия экспрессивно-стилистической окраски стилистическим качествам контекста;

б) фразеологизмы употребляются в измененном виде: увеличивается или сокращается количество компонентов, заменяется один компонент другим; изменяется форма связи компонентов между собой и со словами окружения; расширяется объем сочетающихся с фразеологизмом слов; сознательно создается стилистическое несоответствие между фразеологизмом и контекстом.

Во второй половине XVIII в. фразеологизмы стали широко употребляться в произведениях низкого стиля, входя в систему разговорно-просторечных средств, так сказать, в перевозданном, неизменном виде. При формировании среднего (общего) стиля они тоже входят в него, хотя и не все. Грубопросторечные и имеющие диалектные компоненты в своей структуре остаются за пределами литературного употребления или претерпевают некоторые изменения в составе компонентов: грубопросторечный или диалектный компонент заменяется синонимичным общеизвестным, не имеющим резко сниженной экспрессивной окраски.

В языке художественной литературы фразеологизмы носят целенаправленный характер. Так, в «Письмах к Фалалею» Н. И. Новиковым намеренно употреблены полудиалектные фразеологизмы: передавая оценку предмета мысли, они несут дополнительную информацию, характе-

ризируют автора писем как провинциального, необразованного крепостника-помещика, речь которого почти ничем не отличается от речи его крестьян: «... а! угодьев-та сколько! И мужики какие богатые: живут себе, да и гадки не мают, богатеет иного дворянина» (с. 352); «... Великая экономка: у нее ни синей пороха даром не пропадет; такую-то сынок, тебе невесту сыскал» (с. 353). В Словаре В. И. Даля помещен морфологический вариант этого фразеологизма: *ни синя пороха нет*. «Пиши к нам про свое здоровье: *таки так* ли ты поживаешь, ходишь ли в церковь...» (с. 442). «Как закуралесит, так и *святых вон понеси*» (с. 355). В той же функции, как средство речевой характеристики, встречается в комедии А. Д. Копьева «Обращенный мизантроп»: «Затейкин. ...Да по городу на другой день прославят его женихом, да взведут на него церковную татьбу, так же наклепают в городе, как на виновного, *да понеси святыя вон...*» (с. 518). В XIX в. этот фразеологизм стал употребляться с другими вариантами глагольного компонента: *неси, выноси, уноси*.

В комедиях XVIII в. фразеология, отмеченная в «Словаре Академии Российской» (1789—1794 гг.) словами *простореч.*, *простонар.*, используется в речи персонажей, представляющих или отрицающие образы помещиков, судей, чиновников, или людей из «простого народа».

Писатели-реалисты, начиная с А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, значительное количество фразеологизмов подвергают модификации.

Естественно, что не каждый оборот обладает возможностями быть преобразованным. Фразеологические сращения, или идиомы, потерявшие внутреннюю форму в своей семантике (типа *Андроны едут, турысы на колесах*), не поддаются преобразованиям, потому что в сознании говорящих утрачена связь общей семантики этих оборотов со значениями входящих в них слов-компонентов. Поэтому обновить заложенное в них представление, восстановить метафору не удастся. Она не находит опоры в семантике слов современного русского языка, не мотивируется ими.

В отличие от сращений фразеологические единства и словосочетания сохраняют внутреннюю форму. Писатели, чувствуя ее, угадывают в таких оборотах стершийся метафорический образ и в нужных для них целях «возобновляют» его, изменяя привычное устойчивое окружение

или заменяя один из компонентов другим (известны и иные способы преобразования). В результате фразеологизм перестает быть фразеологизмом: он теряет постоянство компонентов и лексической среды (обязательного окружения), в которой реализовалась его семантика. Но он не превращается в обычную новую метафору: сказывается давление фразеологической семантики.

При восприятии такой модификации сознание человека, владеющего русским языком как родным, прежде всего останавливается на привычной фразеологической семантике; однако новое слово в составе оборота или другие слова в окружении его заставляют осмыслить по-новому содержание оборота, объяснить, мотивировать его. Возникает двуплановое понимание измененного фразеологизма. Рассмотрим конкретные примеры. Фразеологизм *водит за нос* (кого-либо) имеет значение *вводить в заблуждение, обманывать*. Гоголь употребляет это выражение в таком контексте, который реализует прямое значение словосочетания свободного типа, но поскольку прямое значение у такого словосочетания в языке невозможно (оно не находит опоры в фактах действительности: за нос водить человека незачем), сознание возвращается к восприятию фразеологической семантики, которая поддерживается широким контекстом отрывка:

Тогда она отбирала ключи и весь дом брала на свои руки. Это было очень неприятно Ивану Никифоровичу, однако ж он, к удивлению, слушал ее, как ребенок, и хотя иногда и пытался спорить, но всегда Агафия Федосеевна брала верх.

Я, признаюсь, не понимаю, для чего это так устроено, что женщины хватают нас за нос так же ловко, как будто за ручку чайника?

Или руки их так созданы, или носы паши ни на что более не годятся. И несмотря, что нос Ивана Никифоровича был несколько похож на сливу, однако ж она схватила его за этот нос и *водила* за собою, как собачку. Он даже изменял при ней, невольно, обыкновенный свой образ жизни: не так долго лежал на солнце, если же и лежал, то не в натуре, а всегда надевал рубашку и шаровары («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

Из примера видно: восстановление внутренней формы фразеологизма *водит за нос* вернуло ему образность, а вместе с тем и представление, выраженное взаимодействием содержания контекста и этого оборота, изменило его семантику. Оборот воспринимается с содержанием: *брать верх, подчинять своей воле, управлять*.

Не следует думать, что писатель, создавая из фразеологизма метафору, во всех случаях восстанавливает реальную внутреннюю форму (для этого необходимо знать историю фразеологических оборотов по письменным памятникам и диалектам, знать их этимологию). Задача писателя — выразить образное представление, поэтому он исходит из ассоциаций с семантикой слов и фразеологизмов языка своего времени.

Фразеологизмы, не соответствующие по содержанию, по составу компонентов, по их форме, внутренней структуре и другим качествам современным фразеологизмам, если они не отмечены в словарях XVIII—XIX вв., требуют осторожности при отборе их во фразеологический словарь. Чтобы отличить в этом случае авторскую модификацию от обычной нормативной общенародной формы (если она не засвидетельствована в нормативных словарях), необходимо привлекать для сопоставления данные исторических диалектных словарей, языка фольклора, языка других писателей той же эпохи, создавая обширную фразеологическую картотеку.

Выбор фактического материала для этой главы автор сознательно ограничил тремя авторами, представителями разных направлений в русской литературе XVIII—XIX вв.

Процесс развития русской фразеологии в литературном языке отражен в третьей главе, где использован фразеологический материал почти всех известных писателей конца XVIII — начала XIX в.

Несомненно, было бы важно дать подробное описание фразеологии Фонвизина, Державина, Радищева, Крылова, Новикова, Карамзина, Дмитриева и многих других писателей, но тогда изменилось бы направление исследования (оно носило бы стилистический характер). Нас же интересует в данном случае язык писателя как источник выявления русской национальной фразеологии.

1. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ, УПОТРЕБЛЕННЫХ А. П. СУМАРОКОВЫМ

Г. А. Гуковский о А. П. Сумарокове пишет следующее: «Его многолетняя деятельность по уточнению и очищению русского языка, . . . его работы по созиданию простой, естественной речи оказали чрезвычайно благотворное влияние

на все развитие русского литературного языка до Пушкина»³².

А. П. Сумароков в своем творчестве первый из русских писателей XVIII в. попытался преодолеть стилистическую замкнутость теории М. В. Ломоносова о трех стилях. В. В. Виноградов отмечает, что для Сумарокова нормой литературности становится «общее употребление»³³, речь дворянского общества, которое не чуждалось мещанского просторечия, свободно пользовалось элементами «простонародного», крестьянского языка, даже областными, диалектными. В числе этих элементов значительное место занимали народно-разговорные фразеологизмы.

Сумароков считается создателем и теоретиком первых русских классических комедий, в которых соблюдались три единства и стилистические нормы теории М. В. Ломоносова, изложенные в «Рассуждении о пользе книг церковных в российском языке». Всего в 13 комедиях Сумарокова употреблено 202 фразеологизма. Большинство из них встречается один раз. Максимальное число употреблений имеют обороты:

<i>сходить (сойти) с ума</i>	12
<i>бить челом</i>	12
<i>статное ли это дело</i>	6
<i>по миру ходить (пойти)</i>	6
<i>дать оплеуху (кому)</i>	6
<i>с ума спятить</i>	5

36 фразеологизмов из 202 употреблено по 2—3 раза. Всего в языке комедий 64 884 словоупотребления, фразеологизмы использованы 288 раз, таким образом, на каждые 225 слов приходится один фразеологизм. В комедиях фразеологизмы встречаются в три с лишним раза чаще, чем в притчах.

Дело, конечно, не только в количестве, но и в стилистической характеристике. В языке комедий абсолютное большинство фразеологизмов носит разговорно-просторечный характер (в отличие от языка трагедий). Фразеологизмов книжных в комедиях насчитывается около десяти: *иметь честь, кончати живот, суд божий, страшный суд, паче чаяния* и др.

³² История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941, с. 417.

³³ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 127—132.

Разговорно-просторечные предпочтительнее вводятся в речь отрицательных персонажей, характеризуя людей необразованных, непросвещенных. А это может служить косвенным источником для установления сферы употребления экспрессивных качеств фразеологизмов в XVIII в.

В соответствии с поставленной задачей извлеченные нами из художественных текстов материалы подразделяются на две группы. Одну из них составляют фразеологизмы, которые в измененном виде (с изменением состава компонентов, их формы или семантики) или в неизменном зафиксированы в толковых словарях русского языка XVIII—XX вв. Другую, меньшую, часть составляют обороты, не зафиксированные в этих словарях. Такие обороты пока можно считать фразеологизмами условно.

Задача изучения первой группы состоит в том, чтобы установить, является ли оборот, употребленный писателем, авторской модификацией общенародного фразеологизма, помещенного в первом академическом словаре, или в нем отражен один из вариантов. Чтобы установить наиболее типичную форму фразеологизма (условно назовем ее фразеологической доминантой) и ее варианты, необходимо располагать богатой фразеологической картотекой. Критерием доминанты можно считать устойчивую повторяемость фразеологизма в языке разных писателей с сохранением компонентов, модели их сочетаемости и фразеологического окружения.

Само собой разумеется, что этот критерий верен лишь по отношению к определенному историческому периоду. Если же брать историю существования того или другого фразеологизма в языке вообще, то изменения в его форме, семантике, валентности будут носить другой характер. Они определяются «давлением» развивающейся системы языка в целом и «внешними» (не языковыми) причинами.

Изучение фразеологизмов второй группы, т. е. извлеченных из текста писателей прошлого, но не зафиксированных в словарях того времени, сопряжено со значительными трудностями. Прежде всего необходимо установить, фразеологизмы ли это или авторские метафорические словосочетания. Если тот или другой оборот из этой группы зафиксирован в неизменной форме или с изменениями в поздних словарях, в том числе и в словарях XX в., это уже дает основания считать оборот фразеологизмом. Остается определить, была ли обнаруженная форма единствен-

ной, не представляет ли она собой авторскую модификацию общенародного фразеологизма. Сделать это не трудно, если такой оборот (или его варианты) встречается в языке других писателей. Тогда можно проследить и исторические изменения.

Сложнее изучать те фразеологизмы, которые не зафиксированы в словарях, редко встречаются в языке других писателей или имеют только разовое употребление в языке одного писателя. При установлении фразеологического характера такого словосочетания важно иметь в виду, в авторской речи или в речи персонажа оно употреблено. Необходимо также установить, не входят ли его компоненты в состав фразеологизмов, отмеченных в диалектных, исторических и толковых словарях. Такие сведения важны для этимологического и стилистического анализа этих словосочетаний, в результате которого можно прийти к определенному убеждению: является ли замеченный оборот фразеологизмом или авторским словосочетанием с образной семантикой.

Прежде всего рассмотрим те фразеологизмы, о которых можно получить некоторые сведения из словарей XVIII—XX вв., исключая обороты, не претерпевшие за этот период никаких изменений. Разделим их на семь подгрупп: 1) фразеологизмы, имевшие в XVIII в. другие морфологические варианты в компонентном составе; 2) с разными лексическими вариантами компонентов; 3) с изменившимся лексическим окружением; 4) с изменившейся семантикой; 5) ставшие архаичными; 6) обороты, которые в XVIII в. находились на пути перехода во фразеологизмы; 7) авторские видоизменения фразеологизмов.

В текстах комедий Сумарокова шесть раз встречается фразеологизм *статное (это) дело*: «Дюфиза: Право, русские наемни пела песни. Дюлиж: Русские песни? Ха, ха, ха, ха! *Статное ли это дело?* Нет, вы издеваетесь» («Ссора мужа с женою», с. 79). «Финета (Дюфизе): *Статное ли это, государыня, дело, чтоб таких разумных пересмежать девиц...*» (Там же, с. 81). «Касандр: ... а ехать уже сюда, добыли мы медведя, да чуть было я ему в лапы не попался: бросился на меня, и чуть я от него увернулся. Хавронья: *Статное ли это дело*» («Рогоносец по воображению», с. 214). «Вакул: У меня эдакое дело с женою начинается. Дворецкий: *Статное ли дело?*» (Там же, с. 240). «—*Статное ли это дело, чтоб я дочь свою выдала за ябедника?*» («Чудо-

вищи», с. 7). «Пасквин: Не унывай, еще тебе спасение осталось. Салидар: *Статное ли дело?* Пасквин: Только надобно тебя анатомить» («Приданое обманом», с. 244).

М. А. Матинский употребляет этот фразеологизм с другими морфолого-фонетическими вариантами первого компонента. «Смекалов: Хозяин!.. *Статошное ли пить-сте дело* ты затеял, якобы в одиночестве можно со всем своим скарбишком перетащить...» («Санкт-Петербургский гостинный двор», с. 267). «*Статимое ли пить это дело?* Ведь он был полон?» (Там же, с. 247).

В двух вариантах встречается этот фразеологизм и у Н. П. Николева: «Лесник: Да кто с ней расстанется? А особенно наш-то брат? *Статимое ли дело!* Нам хмельное-то, государь, и во сне-то грезится» («Розана и Любим», с. 179). «Лесник: У нее парень добрый подтибрен, детина, *статное ли дело!*» (Там же, с. 181).

Также в двух вариантах употребляет этот фразеологизм и А. Д. Копиев: «Еремеевна (кладет в карман): *Статошно ль дело*, возьму ли я! Нет, нет, мой батюшка!» («Обращенный мизантроп», с. 516). «Еремеевна (берет и отговаривается): Ах, батюшка мой! возьму ли я? *Статимо ли дело?* Помилуй! Нет, нет, нет!» (Там же, с. 515).

В САР (1822, ч. VI, с. 79) этот фразеологизм не выделен, а помещен в качестве единственной иллюстрации к значению слова *статный* и его морфологического варианта *статочный*, истолкованного: *могущий статья, случиться. Это дело нестаточное.*

Вариантность одного из компонентов этого словосочетания свидетельствует о том, что оно находилось в XVIII—начале XIX в. в стадии фразеологизации. Об этом говорят также примеры свободного употребления слова *статочный*. У Н. С. Лескова: «Эта мысль показалась Дукачу *статочною*» («Некрещеный поп»). В Словаре В. И. Даля оборот как языковая единица фразеологического типа не выделен. Он помещен без толкования как иллюстрация в статье на слово *статимый* с его вариантами *статочный* и *сталый*. В XIX в. в литературном употреблении закрепляется слово *статочный*, что способствовало фразеологизации словосочетания *статочное ли дело*, образованию в нем общего значения *допустимо ли, возможно ли*. Выбор именно этого слова в качестве компонента обусловлен тем, что оно точнее мотивировало фразеологическую семантику. Слово *статный* не подходило для этой цели, так

как могло ассоциироваться с семантикой омонимичного слова в свободном употреблении (*стройный, пропорционально сложенный*), а слову *статимый*, по-видимому, мешала причастная форма, семантика которой была немотивированной.

Фразеологизм *вешаться на шею (кому-либо)* отмечен в современных словарях в значениях: 1) *Приставать с ласками, нежностями* и т. п.; 2) *навязываться, усиленно добиваться расположения, взаимности, любви*. В XVIII в. он имел большее разнообразие форм, его глагольный компонент мог употребляться в повелительном наклонении с приставкой: *повесься на шею* (в современном русском языке такая форма этого фразеологизма в словарях не зафиксирована).

«Финетта: Эраст приехал, сударыня. Бурда: *Повесься к нему на шею*. Финетта: Это не учтиво, сударыня, ежели служанка господину на шею повесится; не изволите ли вы ему эту сделать честь?» (А. П. Сумароков. *Вздорщица*, с. 179). «Бурда: Так вы с нею и вешайтесь ему на шею. А я ни тебя, ни его не хочу видеть» (Там же).

В Словаре В. И. Даля помещен фразеологизм *запоешь не тем голосом, не своим голосом — острастка, угроза; или о бедствии*. Сумароков употребил глагольный компонент этого оборота в прошедшем времени. «Кашей: Как он опомнился, так *иным запел голосом*» («Лихоимец», с. 28). В такой форме фразеологизм можно толковать иначе: *стал говорить не то, что говорил прежде; повел себя иначе*. Можно было бы предположить, что Сумароковым в данном случае допущена авторская переделка (свободное употребление) фразеологизма, помещенного в Словаре В. И. Даля, но против такого предположения свидетельствует известное в говорах Сибири выражение *поет другим голосом, запел другим голосом*. По-видимому, В. И. Даля была известна только одна форма (с будущим временем глагольного компонента), но в народной речи существовали и другие. Фразеологизм и сейчас распространен в народе, хотя и не помещен в ФС.

Семантически недифференцированы в комедиях Сумарокова фразеологизмы *молоть вздор, молоть околесную, говорить околесницу, молоть пустое*. «Тигрова: ... В другой раз был он здесь, как скоро ты отсюда вышел, и такой же *вздор молот*, а впредь я его сюда пускать не велела ...» («Три брата совместника», с. 96). «Чужехват: Вот коли бы

я тебя не велел учить, так бы ты эдакой наглости не имела и эдакого бы *вздору не молола*» («Опекун», с. 25). «Тигрова: А ты, муженек мой, *мелешь околесную*; ты ослышался, он Святослав, а не Ярослав» («Три брата совместника», с. 81). «Кащей: Как без сердца обойтись? Я прошу у него надлежащего, а он *мелет околесную*, как сумасшедший» («Лихоимец», с. 96). «Кащей: Что вы, государи мои? Ведь не все с вами *пустое молоть*! Надобно хозяину и покой знать» (Там же, с. 145). «Олимпия: Да диво, не так ли!.. А ты, Палестра, давнече столько *околесницы говорила*, что мне инда досадно было...» («Мать совместница дочери», с. 263).

Как видно из примеров, названные фразеологизмы употреблены Сумароковым с общим значением *говорить бессмысленно, длинно; пустословить*. Не различаются они и по стилистической окраске. Этимологический анализ компонентов позволяет считать, что такое недифференцированное употребление было не всегда, оно возникло в результате развития переносного значения слов. *Вздор* — *бессмыслица* (первоначально: *то, что содрано при очистке дерева от коры; стружки, хлам, отбросы*); *околесная, околесица* — *вздорный рассказ, речь, нелепица, бессмыслица* (первоначально: *окольная дорога, окольный, не прямой путь*). Когда-то эти обороты различались, надо полагать, строгим выбором глагольных компонентов: *городить вздор* (*городить нечто из опилок, стружек*, т. е. заниматься пустым, бессмысленным делом); *молоть вздор* (*молоть щепки, опилки* — то же). По-видимому, слово *вздор* в значении *опилки, щепки, древесный мусор* в XVIII в. вышло из употребления и сохранилось только в переносном значении. То же следует сказать и о словах *околесица, околесная*. Внутренняя форма у каждого из приведенных фразеологизмов была утрачена, что в свою очередь вызвало контаминацию компонентов и фактически привело к образованию различных вариантов одного и того же фразеологизма, использованных не только Сумароковым, но и другими писателями XVIII — XX вв. (см. ФС). Завершение этого процесса отражено в языке басен И. А. Крылова. Появились стилистические синонимы первого компонента, утратившие свое лексическое значение: *нести вздор, пороть вздор, болтать вздор*. «Мешок завеличался, заумничал, зазнался. Мешок заговорил и начал *вздор нести*, О всем и рядит он и судит» («Мешок»). «Хавронья хрюка-

ет: „Ну, право, *порют вздор*. Я не заметила богатства никакого“» («Свинья»).

Можно считать, что развитие экспрессивности этого фразеологизма шло вместе со становлением в его компонентах переносного значения: первый (глагольный) компонент приобрел значение всего оборота — *пустословить* — и употреблялся в разговорной речи параллельно с вариантом, который имел соответствующий глагольный компонент *пороть* (*что ты порешь!?*) — *пороть вздор*; *нести вздор* (*что ты несешь — какой вздор, чепуху ты несешь!*).

О полной утрате словом *вздор* первоначального значения свидетельствует его употребление в словосочетаниях *говорить вздор*, *болтать вздор*. Обратимся к примерам из произведений И. А. Крылова. «Вакула: Нет, нет совсем не то. Ты, слышь, *болтаешь вздор*» («Трумф», с. 660). «Хоть ныне мы ученый древних стали, Но и они не все же *вздор болтали*» («Письмо о пользе желаний», с. 281). «Как вдруг, — о чудо, о позор! — *Заговорил* Оракул *вздор*» («Оракул», с. 53).

Известный в современном русском языке фразеологизм *ни во что (не) ставить (кого, что)* в значении *совсем не считаться с кем-либо или с чем-либо, относиться с пренебрежением, не придавать никакого значения кому-либо или чему-либо* в XVIII — начале XIX в. имел несколько вариантов: *вменять, ни во что, в ничто вменять, ни за что почитать, ни во что не считать, за ничто ставить*. Если попытаться установить, какой из этих вариантов был более перспективным, то на основании языка художественной литературы сделать это, по-видимому, нельзя. Вариант с компонентом *вменять*, употребленный А. П. Сумароковым, известен и у многих других авторов XVIII—XIX вв. «Тот гордостью надут, людей *в ничто вменяет*» (А. П. Сумароков. Кривой толк, с. 185). «Средь бурь недвижимы стоят. Все грозы *ни во что вменяют*» (Я. Б. Княжнин. Ода на торжественное бракосочетание их императорского высочества, с. 630). «Отменный дар красот *вменяли ни во что*» (И. Ф. Богданович. Душенька, с. 110). Не реже употреблялся фразеологизм с другими синонимичными компонентами. «И всем своим клялся родом, доколь она жива, *Не ставить ни во что* Оракулова слова» (И. Ф. Богданович. Душенька, с. 62). «Матвей: ...барские-та лакеи нас деревенских *за ничто ставят*» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 412). «Иван: Я знавал в Париже,

да и здесь превеликое множество разумных людей..., которые божбу *ни во что ставят*» (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 140). «Стародум: Оба стали друг другу в несносную тягость. Оба *ни во что уже ставят* доброе имя, потому что у обоих оно потеряно (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 348). «Знай, если бы не мы тобою управляли, Тебя бы, собственно, *ни во что не считали*» (И. И. Хемницер. Стрелка часовая, с. 31). «Как член суда иной, что в члены он попал, Судейскую осанку принимает, возносится и всех *ни за что почитает*» (И. И. Хемницер. Осел, приглашенный на охоту, с. 112). «А мишка, видя то, и вдвое тут потщился, и зрителей своих *поставил* всех в ничто» (И. И. Хемницер. Медведь-плясун, с. 75).

По-видимому, фразеологический вариант с компонентом *вменять* в XVIII в. употреблялся преимущественно в книжной речи, в разговорной ему соответствовал другой, с компонентом *ставить*. В свободном употреблении слово *вменять* в XIX в. стало архаичным, оно вытеснилось синонимичными *считать*, *ставить*, *засчитать*. Этим и можно объяснить архаизацию оборота *вменять в ничто*. Слово *вменять* сохранилось в современном русском языке только во фразеологически связанных оборотах *вменять в обязанность*, *вменять в честь*, *вменять в вину* (см. ССРЛЯ, т. 2, с. 458).

Известный в современном русском языке фразеологизм *заедать век* (*кого, чей*), т. е., *всячески мешая, вредя, создавать для кого-либо невыносимые условия жизни*, в XVIII в. употреблялся также с местоимением *свой* и поэтому имел отличие в значении. «Кашей: Имение плюнуть, да мне жаль тебя, чтобы ты не посадила уroda себе на шею и *не заела бы своего века*» (А. П. Сумароков. Лихоимец, с. 105). «Ниса: Выросла я в Москве, а ныне должна я, донашивая оставшее свое платье, жить по-деревенски и слышать о севе, о жнитве... и, *заедая свой век*, должна еще ожидать такого жениха, который будет говорить: чаво тебе, сердцуcко, надоть?» (А. П. Сумароков. Рогоносец по воображению, с. 206).

Исходя из этих примеров, можно считать, что содержание рассматриваемого оборота не было еще фразеологическим, оно было ближе к содержанию свободного сочетания, в котором семантическим центром оставался глагол *заедать* в метафорическом значении. Это мнение подкрепляется примерами, иллюстрирующими в Словаре В. И. Да-

ля одно из переносных значений глагола *заедать* — присваивать, поживляться чем, отымать, захватывать, зажиливать. «Свет завидлив, свет обидлив, всяк чужой век заедает. Аль я не рожен, не крещен, аль я чужой век заел? Век наш короток: заесть его недолго. Знать, наш век заеденный. Как ни тяни, а чужого веку не заешь. Один день у меня весь век заел».

Многие фразеологизмы, употребленные А. П. Сумароковым, имеют в современном русском языке другое лексическое окружение. Эти различия требуют объяснения: необходимо установить, является ли сочетаемость оборота с окружением авторской или языковой нормой XVIII в. Рассмотрим примеры.

В современном языке распространен оборот *хоть трава не расти* (ему, ей, мне). Сумароков употребляет его в другой форме «Герострат: *По мне хоть трава не расти*, а на мой век таких людей, которые меня хвалят, очень довольно» (А. П. Сумароков. Ядовитый, с. 277). «Кимар: На что мне тогда слава, когда меня не будет; *по мне хоть трава не расти*» (А. П. Сумароков. Тресотиниус, с. 278). Тот факт, что оборот использован Сумароковым дважды с одинаковым окружением и в речи персонажей, позволяет предполагать, что это отличие — отражение реального употребления фразеологизма в общенародном языке. Предлог *по* в сочетании с предложным падежом личного местоимения первого лица в XVIII в. имел значение *после* (см. у А. С. Пушкина в «Истории Пугачева»: «... именовался фельдмаршалом и был первым по самозванце»). Все выражение *по мне хоть трава не расти* можно толковать как пословицу — *после меня хоть трава не расти*. Поэтому в Словаре В. И. Даля оно помещено в разных вариантах без толкования как иллюстрация к словам *трава* и *расти*: «*По мне хоть и трава не расти. А после нас (по нас, после меня, по мне) хоть трава не расти*». Процесс фразеологизации этой пословицы шел вместе с архаизацией предлога *по* в значении *после*. Исчезновение архаичного значения предлога в свободном употреблении вызвало затемнение содержания пословицы. Редуцирование ее за счет предлога было причиной изменения семантики: выражение утратило указание на время, стало означать полное равнодушие, безразличие к чему-либо.

Фразеологизм *по уши* в XVIII в. обладал более широкой валентностью и имел метафорическое значение, что

и нашло отражение у Сумарокова. «Дромон: ...да меня же хотя *по самы уши* в золото посади, так я, подражая своему помещику, плутовать не хочу» («Ядовитый», с. 263). К середине XIX в. выражение утратило второстепенный компонент — определительное местоимение *самы*, точное указание на меру мешало образованию обобщенного фразеологического значения, обусловленного главным образом изменением лексического окружения *по уши* (*влюбиться, втрескаться; по уши в работе, в делах, в долгах, в меланхолии* и т. п.). По синтаксической модели, по окружению и по семантике словосочетание *по самы уши* соотносится с другими: *по горло (в воде), по пояс (в грязи)* и т. п. А это свидетельствует о том, что семантика его еще не была фразеологической. В таком виде словосочетание употребляется и в современном русском языке и по отношению к фразеологизму *по уши (в долгах, влюбиться* и т. п.) выступает как омоним.

Обязательное словесное окружение не во всех случаях может служить полноценным критерием обнаружения фразеологизма. Например, фразеологизм *и так и сяк* помещен в Словаре В. И. Даля в сочетании со словом *живет* и истолкован: *всяко, разное, посредством, не худо*. Однако оборот употреблялся в XVIII—XIX вв. не только в сочетании с этим словом. «Менедем: Ты каков? Демифон: И я тебе тоже отвечаю: *и так и сяк*; мог я возвратиться, да не могу возвратити потерянного (А. П. Сумароков. Ядовитый, с. 258). «Демифон: Благоденствуешь ли, возлюбленный мой друг? В добром ли ты здоровьи, и в хороших ли обстоятельствах? Менедем: *И так и сяк*; однако, как ты видишь, жив еще по сие время» (Там же). Разумеется, только этих примеров для подтверждения высказанного положения недостаточно. Необходимы иллюстрации из фразеологического словаря XVIII в. Но пока таких материалов нет, можно воспользоваться косвенными данными: не подлежит сомнению, что наречие *так-сяк* возникло из фразеологизма *и так и сяк*, сочетаемость наречия и его семантика (второе значение) соответствуют сочетаемости и семантике фразеологизма (см. ССРЛЯ, т. 15).

У некоторых оборотов исторически произошло расширение значения. Об этом можно судить, сопоставляя толкования семантики в Словаре В. И. Даля и в ФС, а также на основании наблюдений над современным употребле-

нием. Например, фразеологизм *заткнуть за пояс (кого)* в современном русском языке имеет значение *превзойти кого-либо в чем-либо*. Внутренняя форма этого оборота мотивирует его современное широкое значение. Между тем, примеры из произведений Сумарокова свидетельствуют о том, что семантика этого фразеологизма была ближе к этимологической, она указывала главным образом на превосходство человека над другим в физической силе. Общее значение оборота, по-видимому, тогда только начинало развиваться. «Чужехват: Да я так бодр, как лучше быть нельзя, и молодого детину *заткну за пояс*» («Опекун», с. 28). «Викул: Я бы и развелся с нею, да много с нею детей и внучат нажил, а скоро и правнучата будут; да и ее люблю я страстно, и хотя она уже и за шестьдесят лет, а когда примахнется, так и двадцатилетнюю женщину *за пояс заткнет*» («Рогоносец по воображению», с. 240).

Фразеологизм *давать (дать) себя знать* в современном языке употребляется в значении *оказывать свое воздействие на кого-либо или на что-либо, становиться ощутимым, проявляться, сказываться на ком-либо или на чем-либо, о чем-либо* (см. ФС, с. 125). В XVIII в. он имел другую семантику, которая в Словаре В. И. Даля определена следующим образом: *показать свою силу, власть*. В этом значении употребил его и Сумароков: «Салмина (Оронт): Да и по твоему не стало. (Деламиде.) А тебе, упрямица, бездельница, *дам я себя знать*. Даром-то, что ты прытка и что я с тобой не могу сладить: я это все (указывая на мужа) на нем вымещу» («Пустая ссора», с. 186). Исторически произошло изменение валентности и семантики. Значение оборота стало широким. Первоначальное устарело уже в XIX в., оно противоречило общему значению *проявлять себя, воздействовать, сказываться*. Архаизации и исчезновению первоначального значения и формы первого лица могла содействовать близость семантики оборота переносно-идиоматическому употреблению глагола *узнать* в форме 2 — 3-го лица будущего времени *узнаешь (ты) узнает(он, она)* при выражении угрозы кому-либо.

Образованием нового обязательного окружения обусловлено изменение семантики и фразеологизма *слово в слово*. «Арликин: Иль ты не заметила, что у осла нашего *слово в слово* такой же голос, как у него, когда он поэт песни или хохочет?» (А. П. Сумароков. Чудовищи, с. 381). «Критициондиус: Такие хорошие слова говорить перед

ябедником *слово в слово* как перед глухим петь» (Там же, с. 20). В Словаре В. И. Даля значение оборота истолковано как *буквально, точно*. В современном языке этот наречный фразеологизм употребляется в качестве обстоятельства только при глаголах речи (*пересказывать, повторять, переводить* и т. п.) в значении *дословно, совершенно без искажений*. Сужение валентности вызвало и сужение значения.

Можно было бы привести другие фразеологизмы Сумарокова, которые соотносятся с одинаковыми по форме в современном русском языке и отличаются от них значением и валентностью, но отличия эти не находят пока подтверждения в языке других писателей XVIII в. и в словарях. Поэтому только условно можно такого рода словосочетания отнести к авторским переделкам (модификациям) общенародных фразеологизмов. Обратимся к другим примерам, не оставляющим сомнения в том, что они видоизменены Сумароковым.

«Корнилий: Эта клятва у ней *на шею повиснет*, ведь Бог нашей неосновательной клятвы не утвердит, я это и от ученых священников слышал» («Мать совместница дочери», с. 274). В ФС: «*Висеть на шею (у кого)*: 1. Ласкаться к кому-либо, обниматься с кем-либо. 2. Обременять кого-либо, быть в тягость кому-либо» (с. 69). Оборот, употребленный Сумароковым, соотносится со вторым значением, но имеет другое лексическое окружение. В Словаре В. И. Даля помещен фразеологизм *на шею*: «Он у меня *на шею*. Бременит, тяготит меня». Можно считать пример из языка Сумарокова авторской контаминацией двух фразеологизмов, один из которых помещен в Словаре В. И. Даля, другой — в ФС.

«Брамбарбас: Клянусь рыцарством своим и всеми славными своими делами, что хотя Тресотиниус три стопы против меня бумаги вымарает, что храброе свое сердце буду против него *держатъ в узде*, и в шляпе мимо двора его не пройду» (А. П. Сумароков. Тресотиниус, с. 288). В ФС: «*Держатъ в узде (кого)*. В строгих правилах поведения, в строгости» (с. 491). «Пасквин: Не худо ли вы спали эту ночь? Салидар: *Глаз с глазом не сходился*» (А. П. Сумароков. Приданое обманом, с. 238). В Словаре В. И. Даля: «Во всю ночь *глаз не смежил, не сводил, не смыкал*». В ФС: «*Не смыкать глаз. Не сомкнуть глаз*. Совсем не засыпать, даже на самое короткое время»

(с. 440). «Ниса: Эдакой жентьбе и куры смеяться станут, мне семнадцать лет, а вам семьдесят» (А. П. Сумароков. Опекун, с. 28). В Словаре В. И. Даля: «*Это курам смех*». В ФС: «*Курам на смех*. Крайне бессмысленно, глупо, нелепо» (с. 217).

Не останавливаясь на других бесспорных примерах авторских преобразований фразеологизмов, рассмотрим устойчивые словосочетания, употребленные Сумароковым, о которых пока нельзя определенно сказать, были ли они фразеологизмами языка XVIII в. или представляют собой также авторские преобразования.

«Хабзей: Я для вас, милостивый мой государь, *хоть в воду готов*» («Чудовищи», с. 11). По форме этот оборот буквально совпадает с известным в современном русском языке *хоть в воду*, который означает *впору утопиться*. О крайне безвыходном положении (см. ФС, с. 74). По содержанию он совпадает с содержанием другого фразеологизма: *Идти в огонь и воду за кого — идти (пойти) на все, на любые самоотверженные поступки, не раздумывая, жертвуя всем* (Там же, с. 294). Вполне возможно, что фразеологизм (*идти, готов*) (*хоть*) *в огонь и в воду* в XVIII в. имел редуцированный вариант *хоть в воду*. То же можно сказать про оборот *подавать голоса* и др. «Додон: ...извольте *подавать голоса*, какой ей за это штраф сделать» («Чудовищи», с. 55). В ФС: «*Подавать голос*: 1. Произносить, говорить что-либо, обычно обнаруживая тем самым свое присутствие. 2. Давать о себе знать» (с. 327). «Нарцисс: — Что ты, девушка, смотришь на меня пристально? Никак ты влюбилась в меня? Тирса: И! сударь! ведь не только свету в окошке, что вы одни?» (А. П. Сумароков. Нарцисс, с. 137). В ФС: *Только и света в окошке (окне) у кого*. Единственное утешение» (с. 413).

В числе фразеологизмов Сумарокова 8 устарело, некоторые вышли из употребления уже в XIX в. Проанализируем эти примеры, чтобы определить причины их архаизации и выпадения из лексико-фразеологической системы русского языка.

Так, в языке Сумарокова и других авторов XVIII в. часто встречается оборот *бить челом (побить челом)*, который имел 5 значений: 1) почтительно кланяться; 2) выражать чувство глубокой признательности за что-либо; 3) выражая признательность, благодарность за что-либо, преподносить подарок, давать взятку; 4) почти-

тельно просить; 5) жаловаться на кого-либо. Сумароков употребляет этот фразеологизм в 3, 4, 5-м значениях. «Бомбиус (дает ему шило): Предревними вещьми вашему превосходительству *челом бью*» («Тресотиниус», с. 275). «Граф: Руку целовал я у нее за то, что она мне Нису уступила. Викул: Я бы тебе, государь, десять Нис и даром *челом бил*, а Хавронья-то мне самому надобна» («Рогоносец по воображению», с. 250). Значение *просить* реализуется у этого фразеологизма при сочетании его с предлогом *о* (*об*). «Викул: Как же ты думаешь, *бить челом об* этом или нет?» («Рогоносец по воображению», с. 242). «Викул: Скажи мне, что по уложению положено за присажение рог? и в которой коллегии *об* этом *бить челом* надлежит?» (Там же, с. 239). «Кашей: Для чего ты давно *о* повороте деревни своей *не бил челом*?» («Лихоимец», с. 124).

В значении *жаловаться* так же, как названный глагол, фразеологизм употребляется с предлогом *на* и без него. «Подьячий: Я это заявляю, господин мой, и буду *на* вас *бить челом*; так ты мне заплатишь бесчестье» («Тресотиниус», с. 280). «Палемон: Великий бы я получил успех, ежели бы я ему же и *на* него же *бить челом* начал» («Опекун», с. 64). «Гидима (дает ему пощечину): Поди же да *бей челом*. Бармас: Я на тебя в Судном Приказе подам челобитную, а ходить за меня есть кому. Гидима: *Бей челом*, а свидетелей нет» («Чудовищи», с. 10).

В 1-м значении этот фразеологизм, по-видимому, стал выходить из употребления уже в XVIII в. Об этом можно судить по произведениям, в которых он встречается. «Я вам даю свободу мыслить И разуместь себя, ценить, Не в рабстве, а в подданстве И в ноги мне *челом не бить...*» (Г. Р. Державин. Изображение Фелицы, т. I, с. 192). «Способа: Тут нужна еще догадка. Ну, *побей-ка* мне *челом*. Тороп: Рад я, светик, поклониться (кланяется)» (Г. Р. Державин. Добрыня, т. IV, с. 63). «Прости! — не ведал я того, Бессмертная, сему кумир, Чтоб *била* ты когда *челом*» (Г. Р. Державин. Тоска души, т. III, с. 51).

К концу XIX в. (как можно судить об этом по материалам ССРЛЯ и ФС) этот фразеологизм устарел во всех своих значениях. Первое значение стало архаичным потому, что исчезла привычка усердно и очень низко кланяться, доставая лбом до земли или до полу. С его исчезновением утратили мотивированность и 4 остальных переносных.

По этой же причине (затемнения или утраты внутренней формы из-за исчезновения соответствующего факта действительности) потерял мотивированность семантики и вышел из употребления в начале XIX в. фразеологизм *под рукой* — *тайно, секретно*. «Палемон: ... так сказано мне было *под рукой*, что ежели я хотя намекну о том когда, так места я себе и в Камчатке не сыщу. Чужехват: Так бы ты *бил челом* на него» (А. П. Сумароков. Опекун, с. 64). В этом значении фразеологизм часто употребляет Г. Р. Державин в описательных прозаических текстах. «Прошу *под руку* взять дружеские меры...» (Переписка, т. VI, с. 3). «...Нельзя, чтоб Терский открыл ему такую тайну без сведения императрицы; а потому и решился также *под рукою* сказать любимцу Зубову, дабы испытать его, как он отзовется» (Записки, т. VI, с. 650). «...Имел влияние на все дела, частью явно и *под рукою*, быв близок к Государю» (Там же, с. 655). «...Да и *под рукою* одним евреем сказано ему было, что он получит за осмотр аренд две тысячи душ и орден св. Андрея» (Там же, с. 697).

Употребителен был этот фразеологизм и в языке А. С. Пушкина. «Всего минутный наблюдатель, Ты посмеешься *под рукою*». «Продажа рекрутов была в то время запрещена, но производилась еще *под рукою*». «Некоторые из наших современников явно и *под рукою* стараются вразумить нас» (см. «Словарь языка А. С. Пушкина», т. III, с. 1055). Первоначально, как можно судить по примерам, фразеологизм сочетался с глаголами *сказать, сообщить, рассказать*, и все словосочетание означало *сказать (сообщить и т. п.) тихо, на ухо, загораживая рот рукою, так, чтобы не слышали посторонние*. По-видимому, причиной утраты образного представления о таком способе передачи секретов, тайн было исчезновение привычки говорить из-под руки о чем-либо секретном. Омоним этого фразеологизма, имеющий другое обязательное окружение: *под рукой (находиться, быть)* сохранился потому, что сохранилась мотивированность его предметного значения: *под рукой* — *на близком расстоянии, рядом (так близко, что можно достать рукой)*.

Недостаточная, ослабленная оценочность называемого факта во фразеологизме *переносить вести* в значении *сплетничать*, описательность оборота, близкого по семантике к перифразе, была, по-видимому, причиной

его слабой экспрессивности. В результате этот фразеологизм, известный в XVIII—XIX вв., вышел из употребления. «Дромон: А другого должен я репортовать, а поясное сказати: одному должен я служить, а другому как спиион *переносить вести* ради поношения здешнего дома, каких вестей мне взять негде» (А. П. Сумароков. Ядовитый, с. 252). В Словаре В. И. Даля фразеологизм *переносить вести* помещен со значением: *наушничать, лазутничать, сплетничать, тайком пересказывать чужие речи или поступки*.

По-видимому, не было преимуществ в экспрессивности и у фразеологизма *срезать с ног* по сравнению с синонимичными словами *ошеломить, смутить, огорошить, поразить* и т. п. «Викул (один): О Хавронья! *С ног ты меня срезала!*...» (А. П. Сумароков. Рогоносец по воображению, с. 239). Возможно, что оборот не был вполне литературным, принадлежал полудиалектной речи, о чем свидетельствует его разовое употребление в речи Викула (образ человека из «простонародья»). У других авторов XVIII и XIX вв. не обнаружен.

Фразеологизм *не устоять в своем слове*, имея общее содержание с оборотом *не сдержатъ слова*, отличался от последнего также границами распространения. По-видимому, он употреблялся не повсеместно и воспринимался как нелитературный, «простонародный» оборот речи. Не случайно Сумароков вводит его в речь отрицательных персонажей, Тресотиниуса и Подьячего, в комедии «Тресотиниус». «Тресотиниус (написал зело): Вот, та же запись, да лучше стала. Что ты написал, ежели господин Оронт, паче чаяния, *в слове не устоит?*» (с. 290). «Подьячий: У меня другая запись заготовлена, в которой и неустойка написана; неустойка в ней имеется в такой силе, что ежели господин Оронт *в слове своем не устоит*, то все его движимое и недвижимое имение отдать вам бесповоротно. Да как знал я, что и зело, а не землю в заглавии написал» (с. 291).

В речи Исабеллы из комедии «Лихоимец» употреблен другой, широко известный синонимичный фразеологизм *держатъ слово*. «Исабелла (Доранту): *Держите свое слово*, а мы своего всеконечно не переменим» (с. 99). В Словаре В. И. Даля фразеологизм помещен без отрицательной частицы и без факультативного компонента: *устоять в слове — сдержатъ его*.

Некоторые фразеологизмы, известные в современном русском языке, в XVIII в. только начинали формироваться как единицы языка с общим смыслом. Об этом свидетельствует свободное употребление слов, входивших компонентами и во фразеологизмы в языке произведений Сумарокова, что подтверждается также сведениями из словарей XIX в. Так, в современном русском языке продолжает употребляться выражение *без обиняков* в значении *прямо, откровенно, открыто, не прибегая к намекам* (говорить, спрашивать и т. п.). В XVIII и XIX вв. было известно в свободном употреблении слово *обиняк*. «Олимпия: Да, пожалуй, не промолвился в этом ты с Барбарисом и *не сказывай* ему ни *обиняком* того, что я к матушке ревную» («Мать совместница дочери», с. 257). «Клариса: А вот вам и *безо всяких обиняков*: он человек совсем не на мой нрав, так пускай его красота остается с ним» («Нарцисс», с. 126). Наличие уточняющего определения при слове *обиняк* позволяет считать все словосочетание *безо всяких обиняков* в этом предложении полусвободным, в нем еще не оформилось обобщенное фразеологическое значение, а слова, его составляющие, не утратили своей семантики. Слово помещено в Словаре В. И. Даля: «*Обиняк* М. *Намек, иносказание*. Не говори обиняком, говори напрямком».

Следовательно, слово *обиняк* в XVIII — начале XIX в. употреблялось в творительном падеже с глаголами, обозначающими выражение мысли: *сказать, сказывать, говорить, писать* и т. п. Оно употреблялось также и в других косвенных падежах и даже в именительном падеже в роли подлежащего, но всегда в предложениях, содержание которых указывало на окольное, иносказательное, осторожное выражение мысли. У И. А. Крылова и Г. Р. Державина слово *обиняк* употребляется только с предлогом *без*, образуя устойчивое словосочетание с глаголом *сказать*: «...И *без обиняков* *сказать*, ты по справедливости претерпел кораблекрушение» (И. А. Крылов. Почта духов, с. 278). «Губернатор *без обиняков* сказал ему, что ежели он не исполнит своей должности.., то он прямо принужден будет донести о всех *беззаконных* происшествиях императрице» (Г. Р. Державин. Записки, т. VI, с. 568). В XIX в. слово *обиняк* выходит из свободного употребления и приобретает фразеологически связанное значение в сочетании с предлогом *без*. Так образуется фразеоло-

гизм без обиняков — прямо, открыто, не прибегая к намекам (говорить, спрашивать и т. п.).

По такому же принципу развивались фразеологизмы *ни аза* (не знать, не понимать), *всю поднаготную* (узнать, выведать), в которых слова, составляющие семантический центр — *аз* и *поднаготная* (и наречие от этого слова *поднаготно*) — в переносном значении в XVIII—XIX вв. не были еще фразеологически связанными, употреблялись свободно, что находит отражение в языке Сумарокова и других писателей и фиксируется в словарях. «Дорант: В других местах ябедники и стихотворцы всех прочих людей грамотнее, а у нас они по большей части и *аза не знают...*» («Лихоимец», с. 75). В Словаре В. И. Даля слово *аз* раскрывается в значениях: 1) *первая буква* с пометами *црк.* и *стар.*; 2) *первое лицо, я*. Оно встречается в этом словаре в составе пословицы, приведенной в качестве иллюстрации к слову *смышлять*: «Дурак дурака учит, а оба тебе *ни аза не смыслят*». Вполне вероятно, что словосочетания *аза не знать*, *ни аза не знать* в начале XIX в. употреблялись параллельно. В процессе фразеологизации оборота *ни аза* необходимость в употреблении словосочетания *аза не знать* отпала. Фразеологизм *ни аза* в языке писателей XVIII в. нами не обнаружен. Он не помещен и в САР. Нет его в языке А. С. Пушкина. Впервые, если судить по имеющимся материалам, его употребил Н. В. Гоголь в «Мертвых душах» (см. ФС, с. 30).

«Старуха: ...и чтобы это господский сын был, мы этому не верим, хоша она в том доме, куды я младенца-то отнесла, и все о нем *поднаготно рассказывала*» (А. П. Сумароков. Опекун, с. 66). Слово *поднаготная* помещено в Словаре В. И. Даля³⁴ в значении *правда, истина, дотоле скрытая; заветное, задушевное и никому неведомое*. Толкование проиллюстрировано: «*Всю поднаготную сказал*».

В комедиях Сумарокова встречаются устойчивые фразы типа пословиц, части которых совпадают с современными фразеологизмами. «Кашей: ...так не введи меня на старости в соблазн, а от того бы тебе не было греха; *плохо лежит, брюхо болит*; не худо бы было, ежели было какое

³⁴ Мы намеренно не делаем ссылок в таких случаях на САР, так как в нем не было четких принципов отбора: в словаре нет многих слов, употреблявшихся в XVIII в., но много архаичных (*Примеч. автора*).

обязательство, чтобы мне не повихнуть душою; надобно как возможно от искушения остерегаться» («Лихоимец», с. 119). Пословица помещена в Словаре В. И. Даля с толкованием: *плохо лежит — брюхо болит — хочется стянуть*. В ФС: «*Плохо (близко) лежит — легко можно украсть*» (с. 222).

По-видимому, приведенный фразеологизм возник в XIX в. в результате эллипсиса названной пословицы. В просторечии этот оборот употреблялся первоначально с меньшими ограничениями в парадигмах, что отражено в авторской речи Л. Н. Толстого, стилизованной под речь персонажа в рассказе «Поликушка». «Поликей любил выпить, а не любил чтобы где что плохо лежало. Гуж ли, седёлка ли, замок ли, скворень ли, или подороже — все у Поликея Ильича место себе находило» (т. III, с. 306). В современных сибирских говорах (Маслянинский район Новосибирской области) был зафиксирован местный вариант этого фразеологизма: «Парень-та кончил школу, шофер, а пить начал, да говорят, *не любит, где плохо лежит*». Эти факты также свидетельствуют о фразеологизации пословицы.

«Чужехват: ... те, которых я избираю, люди или совершенно старомодные, или совершенно новоманерные; а ты, друг мой, *ни то ни се, ни мясо ни рыба*, и не следуешь никакой моде, ни прародительской, ни нынешней» (А. П. Сумароков. Опекун, с. 56). Трудно сказать, существовало ли это выражение в XVIII в. как цельное пословичное, или Сумароков в данном случае объединил два синонимичных фразеологизма. В Словаре В. И. Даля приведена другая пословица, первая часть которой совпадает словесно и по структуре со второй в приведенном примере. Пословица помещена без толкования, в качестве иллюстрации к слову *рыба*: «*Ни рыба ни мясо, ни кафтан ни раса*». В этом же словаре отмечены и другие синонимичные пословицы: *ни то ни се; ни в горобе Богдан, ни в селе Селифан* и др. По-видимому, в целях усиления экспрессии части этих и других синонимичных им пословиц контаминировались в живой речи, а это придало каждой из частей возможность употребляться самостоятельно, что способствовало фразеологизации оборотов *ни рыба ни мясо, ни то ни се*.

Вторую группу в языке Сумарокова составляют обороты, которые в отличие от рассмотренных не зафиксиро-

рованы в словарях и не известны в современном русском языке. Многие из них встречаются в языке других авторов XVIII в., некоторые обнаружены пока только в языке Сумарокова.

Выделяется эта группа чисто условно. Можно полагать, что некоторые из оборотов, когда появятся достаточно полные исторические и диалектные фразеологические словари, найдут подтверждение в фактическом материале этих словарей, другие, вероятно, будут отнесены к авторским метафорам. Критерием выделения этой группы гипотетических фразеологизмов для нас является самостоятельность, независимость их семантики от содержания контекста. Семантика их носит общий характер. Компоненты соотносятся с компонентами известных фразеологизмов. Таким образом, они примыкают по составу компонентов и семантике к фразеологизмам, объединенным по наличию общего компонента в гнезде. Важно отметить также, что эти обороты употреблены автором в речи действующих лиц, их оценочность и экспрессивность соотносятся с общим стилем высказывания.

1. *Ни дай ни вынеси*. «Хавронья: Какой это урод! Разбил бабу *ни дай ни вынеси* за что: приревновал к вашему сиятельству...» («Рогоносец по воображению», с. 231). В данном случае семантику оборота *ни дай ни вынеси* можно истолковать следующим образом: *не ясно, никому не известно, не понятно (за что); без всякой причины*. Такое определение значения подтверждается примером из комедии А. И. Клушина: «Вскипятилин: ...а эта старая образина разругала меня *ни дай ни вынеси за что*» («Алхимист», с. 477). По-видимому, фразеологизм имел еще и другое значение — *прямо, определенно, несомненно*. «Нарцисс: Мне он уже и жалок. Ввели *ни дай ни вынеси* детину в дураки» (А. П. Сумароков. Нарцисс, с. 130). «Еж, *ни дай ни вынеси*, на зайцев наступает, Щетину колку напрягает» (И. И. Хемницер. Зайцы и еж, с. 146). «Во всех делах положиися на меня, а ты со стороны, *ни дай ни вынеси*, будешь братъ жалованье» (Н. И. Новиков. Письма к Фалалею, с. 360). В Словаре В. И. Даля это выражение помещено в качестве иллюстрации в статье на слово *давать*. Причина использования выражения в качестве иллюстрации (т. е. без толкования его содержания) непонятна: фразеологизмы, как правило, толкуются в этом словаре. По-видимому, к середине прошлого века

этот оборот выходил из употребления, семантика его потеряла мотивированность и экспрессивность.

2. *Идти на перелом*. «Октавий: Это не от моей зависело воли. А влюбился, сказал ли бы я тебе, ежели бы я на перелом тебе *идти* хотел! Я только в мысли имел то, что ежели она за тебя не пойдет, как бы тогда отведали своего счастья» (А. П. Сумароков. Нарцисс, с. 143). Вполне возможно, что этот оборот был в XVIII в. мало употребительным вариантом фразеологизма *идти на перекор*, от которого его отличает только один синонимичный компонент. Семантика, модель сочетаемости компонентов и обязательное окружение у этих оборотов совпадают. В Словаре В. И. Даля оборот *идти наперекор*, в *перекор* помещен без толкования значения, как иллюстрация к слову *перекор*.

3. *Чтобы и мыши не видели (кого)*. Надежно, так, что никто не найдет, не обнаружит. «Викул: ...а ты, неверная жена, куда-нибудь запрячься, чтобы тебя и мыши не видели» («Рогоносец по воображению», с. 237).

4. *И свет на том стоит*. О чем-либо важном, существенном. «Клара: ...а на пересмешников нечего смотреть: у нас де и свет на том стоит, только что друг друга пересмевают» («Лихоимец», с. 86).

5. *Сидеть за красным сукном*. Семантика этого выражения неясна. «Бармас: Где ты, друг мой, учился? Ты так говоришь, будто б ты лет тридцать за красным сукном сидел» («Чудовищи», с. 12).

6. *На прямые денежки*. По-видимому, прямо, откровенно. «Чужехват: Коли вы меня это сказать принуждаете, так я вам это на прямые выговорю денежки: те, которых я избираю, люди или совершенно старомодные, или совершенно новоманерные» («Опекун», с. 35).

7. *Сбить с кривой дороги*. Наставить на путь истинный. «Кашей: Эдакая разумница одним словом привела его к рассудку, а я тысячами с кривой дороги его не сбил» («Лихоимец», с. 97). Значение этого оборота соотносится с содержанием пословицы: «По кривой дороге вперед не видать».

8. *Броситься в воду*. Утониться. «Гидима: Ты содержи хотя одну меня, а он пусть, как мы положили, бросится в воду» («Чудовищи», с. 65).

9. *Зубы голодни (у кого)*. Сильно, непреодолимо хотеть чего-либо. В ФС: «Зубы разгорелись на что-либо», с. 104.

«Критициондиус (особливо): У меня, господин Дюлиж, у самого *зубы голодни*. Я рад, что ты меня ввел» («Чудовищи», с. 62).

10. *В моей воле. Зависит от меня.* «Фаткой: Будто это *в моей воле*? Ведь суженой и конем не объедешь» («Ссора мужа с женою», с. 76). В ССРЛЯ (т. 2, с. 644) выделен оборот *в твоей, вашей воле* с тем же значением. По-видимому, авторы искусственно ограничили сочетаемость оборота *в воле* только притяжательными местоимениями *твой, ваш*.

11. *С двора долой.* *Выражение категорического требования, чтобы кто-нибудь быстрее ушел и не появлялся.* «Фишетта: Да мне одной-то из дома не хочется. Бурда: Вот высокопреизящный!.. *С двора долой, негодная!*» («Вздорщица», с. 205). «Чужехват: А тебе, дружок, до этого дела нет. Я уже давно приметил то, что ты за нею волочишься; так ступай *с двора долой*, ступай, ступай; и чтоб духа твоего здесь не было; вон, вон из двора вон, негодный» («Опекун», с. 62). В XVIII в. этот оборот имел синонимы: *чтоб духу твоего не было, дух твой не пахни*.

12. *Сбить с двора (кого).* *Сбить с толку, озадачить.* «Арликин: Знаешь ли что? он нас всех *с двора собьет*, и нашего осла дворецким сделает. Он это тем, которые на нем возят воду и невежливо его погоняют, выместит» («Чудовищи», с. 38).

13. *Плясать по нитке.* *Быть в чьей-либо власти, зависимости, в повиновении.* «Кашей: Он у тебя *по нитке пляшет*; так ты сделай предисловие в приеме денег: а то сердце у меня дрожит...» («Лихоимец», с. 103). В Словаре В. И. Даля помещен вариант этого фразеологизма: *ходить по ниточке — быть в строгом послушании*.

Народная фразеология в комедиях А. П. Сумарокова чаще используется в речи отрицательных персонажей как средство их характеристики. Язык комедий по отбору и употреблению фактов, главным образом лексических и фразеологических, соответствует теории «трех штилей» М. В. Ломоносова и воспринимается как искусственный. Условные образы положительных героев — оронтов, флориз, валериев, сострат — наделены речью литературно-книжной. Отрицательные героини заметно отличаются от них. Отбор языковых средств приведен в соответствие с социальным положением персонажа, с его профессией, складом характера. Создавался своеобразный речевой

стандарт. Достаточно сопоставить, например, речь Флоризы и Хавроньи из комедии «Рогоносец по воображению», чтобы убедиться в этом. «Флориза: Когда другие веселятся или ко приятному препровождению времени изготавливаются, тогда я обыкновенно печальна, воображая себе, что меня судьбина к бедности и к унынию произвела на свет» (с. 203). «Хавронья: На один-ат день станет нас! а тебе, графское сиятельство, нашей хлеба-соли можно не постыдно покушать: даром это, что хоромы наши не цветны: не красна изба углами, красна пирогами» (с. 201).

Совсем иной отбор характерен для трагедий и од Сумарокова. Большинство из употребленных в них фразеологизмов носит архаично-книжный характер. Они встречаются в произведениях высокого стиля XVIII в. Некоторые по традиции продолжали употребляться в высокой поэтической речи XIX в.

«Кто в сердце дерзость ощущает Восстать когда против меня, Смирю рушителей покою, *Сломлю рог* гордой сей рукою, *Покрою* войском горизонт» («Ода государыне императрице Елисавете Первой», с. 64). В САР (1822, ч. V) этот фразеологизм дан с двумя вариантами глагольного компонента: *сотреть, сломить рог. Сокрушить, уничтожить гордость, высокомерие*. Ему стилистически противопоставлен *сбить (кому) рога*. В просторечии — *унизить гордость, надменность*.

Фразеологизм *золотой век* Сумароков употребляет во множественном числе с неполногласной формой первого компонента, что придает обороту искусственно-книжный характер. «*Златые* возвращенны *веки* Елисаветой ради нас» («Ода государыне императрице Елисавете Первой», с. 66); «...Времена *златого века*» («Оды разные», с. 106).

«*Кровь* тогда *лилась реками...*» («Ода государыне императрице Екатерине Второй», с. 68). Этот оборот встречается часто и в различных вариантах. «Лице горячайшими слезами омывала И *кровь* свою своей рукою *проливала...*» («Хорев», с. 323). «Ксения: Невинну *кровь* мою подобно ты *пролей* И, руки обagrив без сожаленья в ней, *Взведи* на небеса окровавленны руки...» («Дмитрий Самозванец», с. 464). «Георгий: Оставь невинную, *моей лей токи крови* И сотвори конец несчастнейшей любви!» (Там же, с. 469). «Семира: ...Умерщвляй, повергни чувств лишенну! *Пролей, мучитель, кровь, тобой воспла-*

мененну!» («Семира», с. 400). В САР (1792, ч. III, с. 1229) этот фразеологизм помещен в двух значениях, которые зависят от различной сочетаемости со словами окружения: «1) Не щадить жизни своей за кого или за что. 2) Предаю смерти кого». На с. 1243 приведен морфологический вариант: *Пролитие крови. Сл. умерщвление*. Помета *сл.* (словенское) указывает не только на происхождение оборота, но и на его стилистическую окраску. В ФС (с. 227) помещен в форме *лить (проливать) кровь. Пролить кровь* — с теми же значениями, которые отмечены в САР. Примеры употребления этого фразеологизма у Сумарокова свидетельствуют о большей свободе парадигматических форм и сочетаемости компонентов с другими словами. Сумароков использует фразеологизм как свободное словосочетание метафорического типа, вводя в него зависимые и управляющие слова и даже изменяя синтаксическую структуру оборота (*кровь лилась рекою*). Другие фразеологизмы в языке трагедий стилистически однородны с фразеологизмами од. Количество их незначительно. Все они носят чисто книжный характер.

Стилистически и структурно однороден с вышерассмотренным оборот *лить (проливать) слезы*. «Семира: Удобно ль тамо мне к веселию предстать, Где горький долг велит мне *слезы проливать...*» («Семира», с. 378). Автор создает модификацию фразеологизма *проливать потоки слез*. «Шесть месяцев уже, Астрида, унываю И слез в одре моем *потоки проливаю*» («Хорев», с. 323). При таком изменении структуры для усиления гиперболы происходит разрушение фразеологической единицы, превращение ее в перифразу, ограниченную употреблением в произведениях высокого стиля.

Рассмотрим примеры других часто встречающихся в драмах Сумарокова фразеологизмов, которые позже стали архаичными по составу компонентов или по содержанию.

Снидти (сойти) в гроб. Умереть. «Ростислав: Но *сниду ль в гроб* с родительской любовью! Не вображаючи моих жестоких вин...» («Семира», с. 411). «Оскольд: О коль ты счастлив, Дир, что ты, *сходя во гроб*, Не видел времени нам самых лютых злоб!» («Семира», с. 376).

Лишать живота (кого-либо). Убивать. «Семира: Коль, варвар, я тебя бессильна умягчать, Коль *хочешь живота любовницу лишать*, Что медлишь? Умерщвляй, повергни

чувств лишенну! Пролей, мучитель, кровь тобой воспламененну!» («Семира», с. 400).

Живот кончать. Погибать, умирать. «Разбито воинство от тучи стрел бежало, И множество людей в Днепре живот кончало» («Семира», с. 375).

Отверзнуть (отверзта) гроба дверь. *О предсмертном состоянии человека.* «Олег: Неукротима смерть, отверзта гроба дверь. Умри и заплати преступок тяжкий кровью!» («Семира», с. 411).

Взять мечом. Захватить в результате победы (что-либо). «Ростислав: Невинен пред тобой, Семира, я ни в чем, Не лествю вшел во град, я град сей взял мечом» («Семира», с. 400).

В принадлежности этих оборотов к фразеологии, и именно к книжной, нет сомнений: регулярность их употребления с сохранением компонентного состава, валентности и, следовательно, семантики в произведениях высокого стиля XVIII — начала XIX в. — тому свидетельство. Отдельные из таких оборотов к тому же помещены в САР в пометой *сл.*

В языке трагедий Сумарокова употребляются и стилистически нейтральные, широко известные фразеологизмы, но они единичны.

В руках (кого, чьих): 1) во владении; 2) во власти, в подчинении, в зависимости. «Величество мое и наша прежняя слава Давно в твоих руках» («Хорев», с. 355).

Дать (подать) знать. Сообщить, оповестить. «Воин: Подай то свету знать, что тягости оков, В темницах как они нас вредно не тягчили, Отважности в сердцах нимало не смягчили» («Семира», с. 371).

Приложить руку. Подписать бумагу, документ. «Олег (подписывает): К чему отважился я руку приложить? Оскольдова глава от тела отделится!..» («Семира», с. 390). Книжный характер фразеологизмов в языке трагедий стилистически соотносится с другими языковыми средствами.

Совсем иной отбор характерен для притч. В языке этих произведений Сумароков употребляет главным образом народно-разговорную, стилистически сниженную фразеологию.

«Трусливый заяц их хотя не побеждает, Однако досажает: — Я трус, Однако без войны я дал лягушкам туз» («Отрекшаяся мира мышь», с. 207). В САР (1822, ч. VI):

«Дать кому туза. Простонар. поговорка. Ударить кого кулаком». В XIX в. этот фразеологизм вышел из употребления, послужив семантической основой для просторечного глагола *тузить*, образованного от слова *туз* в значении *удар кулаком* (см. Словарь В. И. Даля).

«На милосердие судью маня. И говорил: *«Попутал черт меня»* («Протокол», с. 216). В том же, просторечном, стилистическом качестве фразеологизм употребляется и в современном русском языке (см. ССРЛЯ и ФС), имея несколько вариантов компонента *черт*: *бес*, *леший*, *нечистый*. Не известно пока, существовали ли эти варианты изначально в разговорной речи или возникли позже, отвечая потребности говорящих сохранить экспрессивность выражения, усилить ее.

Из многочисленных просторечных фразеологических вариантов со значением *стремительно, поспешно убежать* и с общим компонентом *дать (задать)* в структуре: *дать (задать) тягу (стрекача, стречка, ходу, деру, драла)* — в притчах Сумарокова встречается только первый — *дать тягу*. «Кричит хозяин мой, хватается за шпагу, Однако повара с поварни дали тягу» («Два повара», с. 219). На вопросы, какой из названных вариантов в XVIII в. употреблялся предпочтительнее и все ли варианты были известны тогда, можно ответить при наличии полной фразеологической выборки из языка художественной и публицистической, мемуарной литературы и эпистолярного стиля.

Некоторые разговорно-просторечные фразеологизмы встречаются также в эпистолах и хорах Сумарокова. «Сказали дурище, внимая то, соседки: „Какой плетешь ты вздор! Кур делают наседки“» («Шалунья», с. 228). В «Эпистоле II»: «О чудные творцы, перестаньте *вздор сплетать!*» (с. 124). В «Хорах»: «*Вздору там ораторы не мелют*» (с. 280). Морфологические и словарные варианты компонента *плести (сплестать, молоть)* не изменяют стилистической окраски.

В эпистолах встречаются и другие стилистически сниженные фразеологизмы, хотя и не во всех, что зависит от содержания. Так, в «Эпистоле его императорскому высочеству государю великому князю Павлу Петровичу» разговорно-просторечных фразеологизмов нет. В «Эпистоле II» кроме приведенного выше *сплестать вздор* употреблены два других просторечных оборота *дать перебъку* и *без памяти*.

В языке писателей XVIII — начала XIX в., из произведений которых нами выбрана фразеология, оборот *дать перебыаку* не встречается. Судя по его компоненту *перебыака*, который словообразовательно соотносится с глаголом *бьякать — бросать, ронять со стуком, грохотом* (см. Словарь В. И. Даля, где помещено это слово с пометами *печ., смб.*), можно полагать, что фразеологизм *дать перебыаку* в XVIII в. был территориально ограничен, его употребление в устной речи носило диалектный характер. Такого рода выражения противоречили системе языковых средств эпистол, в том числе и стилистически нейтральным фразеологизмам типа *слово в слово* (*буквально, точно*) и книжным, характерным для высокого стиля (*лечь слезы, потоки слезны* и т. п.). «Иль слово в слово он в слог русский переводит...» («Эпистола I», с. 113). «В стенании своем единогласны были И только лишь о ней потоки слезны лили» («Эпистола II», с. 119).

Этого нельзя сказать об употреблении разговорно-просторечных фразеологизмов в хорах, где им стилистически соответствует и значительная часть лексики. «Дьячата гостинцев не просят, *За нос там судей писцы не водят*» («Другой хор ко превратному свету», с. 279). «За морем людей не скучают, *Сору из избы не выносят*. За морем ума не пропивают. *Вздору там ораторы не мелют*. В землю денег за морем не прячут, со крестьян там *кожи не сдирают*, *Деревень на карты там не ставят*» (Там же, с. 280).

У некоторых фразеологизмов в эпистолах и притчах расширен круг сочетающихся с ними слов, изменена валентность. В результате такой, чисто авторской, сочетаемости семантика приобретает переносный характер. «И басенным стихом преславлен в свете стал, *Наполнил с головы до ног все притчи шуткой!*» («Эпистола II», с. 122). «Известно, голоса сердитых баб не слабы. Льет баба злобу всю, *сердитая до дна*» («Отчаянная вдова», с. 233). «Известно, что у Вши нет *песней ни на грош*» («Притча на несмысленных писцов», с. 226).

Фразеологизм *с головы до ног* в XVIII в. (как и в современном языке) выступал в роли обстоятельства при глаголах *осмотреть, оглядеть, пересыпать (ся), перемочить (ся)* и т. п.; фразеологизм *до дна* в той же синтаксической функции сочетался с глаголами *испытать, узнать, изведать, понять* и т. п., в начале XIX в. он мог употребляться и переносно при словосочетаниях *испить (выпить) чашу жизни*

(*радости, горести*) до дна в языке романтической сентиментальной поэзии; фразеологизм *ни на грош* приобрел широкую сочетаемость также в XIX в.: *ни на грош (поэзии, таланта, правды, самостоятельности, обаяния, мужества и др.)*.

Оборот *взять свое* по структуре является предложением. Его замкнутость не позволяет употреблять при нем зависимые члены. Такие фразеологизмы используются в роли предиката. Их семантика определяется широким контекстом предшествующего или последующего высказывания. Широта содержания различных контекстов определила многозначность фразеологизма *взять свое*: 1) *добиться желаемого, поставленной цели*; 2) *проявлять себя во всей полноте*; 3) *одолевать кого-либо*; 4) *сказываться на ком-либо* (см. ФС, с. 46). В «Сказке I» (с. 247) этот оборот теряет фразеологическую семантику, сближаясь по смыслу со свободным словосочетанием. «Не плачь, любезный муж, — речь женина была. — Тебя мне только жаль, а я *свое взяла*». (В сказке речь идет о том, как жена обманула мужа, принимая любовника, от которого обманутый муж терпит побои; *взять свое* в устах жены, обманувшей мужа, приобретает конкретный нефразеологический смысл.

Значительное место в языке Сумарокова среди фразеологизмов занимают стилистически нейтральные. Их употребление не ограничено жанровыми рамками. «Но поверь, что в мыслях *крепко я стою*» («Песни», с. 272). «Я *крепко в том стоюти* буду» (Притча «Единовластие», с. 245). «*От глаз моих сокрылся*» (Песня «О места, места драгие», с. 262). «*Мы золотые веки* Тщимся возобновить» (Песня «Благополучны дни», с. 261). То же в «Хорах» (с. 282), в «Первых стихотворениях» (с. 301). «*Подай* то свету *знать*» (Трагедия «Семира», с. 371). То же в комедии «Сора мужа с женой» (с. 84).

Коротко следует охарактеризовать фразеологизмы в языке избранных прозаических произведений Сумарокова³⁵. На 11 страницах текста встречается 6 фразеологизмов, приблизительно на 3300 словоупотреблений. Характерно, что в прозе М. В. Ломоносова, помещенной в этом же издании, на 17 страницах текста употреблен лишь один фразеологизм.

³⁵ Русская проза XVIII века, т. I. М.—Л., 1950.

Выбор фразеологизмов в языке прозы дифференцируется в зависимости от других языковых средств произведения. В сатирическом «Письме о некоторой заразной болезни» Сумароков употребляет разговорно-просторечные обороты *куда занес черт, черт ведает*: «*Куда меня занес черт*» (с. 66). «*Черт ведает, как отселе сойти*, — говорил подьячий, а черт говорил ему, что он этого не *ведает*» (Там же). Глагол *ведает* во второй части сложносочиненного предложения с противительным значением соотносится с глагольным компонентом оборота, разрушая фразеологическую семантику. В результате двупланового восприятия словосочетания *черт ведает* как фразеологического и свободного возникает каламбур. Употребление фразеологизмов для выражения иронии придает стилю характер непосредственности, естественности, сближает его в какой-то мере с разговорной речью. Этой же цели служит и пословица, употребленная в авторской речи: «Точек и запятых не ставят они для того, чтобы слог их темнее был, ибо в *мутной воде* удобнее *рыбу ловить*» (Там же).

Совсем другой отбор в произведениях «Сон „Счастливое общество“» и «О думном дьяке, который с меня взял пятьдесят рублей». Сумароков использует здесь нейтральные фразеологизмы. «Те, которые неправильно *бьют челом*, сверх потеряния тяжбы и убытка, всех в презрение приходят» («Сон „Счастливое общество“», с. 71). «Дай боже, чтобы они, подобные сну сему, многим виделись, а особливо *наперникам фортуны*» (Там же, с. 73). «. . . Перед праздником *полагают* на себя сию *епитимью*, подобием христиан Западной церкви» («О думном дьяке», с. 68). «На дворах приказных служителей *стоят на часах сабаки*» (Там же).

Итак, рассмотренные материалы из языка произведений Сумарокова показывают, что при изучении фразеологии по источникам языковед имеет большие возможности для выявления фразеологии, для изучения закономерностей ее развития, для стилистической характеристики. Чем больше источников будет использовано при этом, тем больше возможностей точнее отграничить общенародную фразеологию, использованную писателем, от авторских переделок ее и от метафорических и сравнительных словосочетаний. Разумеется, язык Сумарокова далеко не лучший источник для этой цели: ограниченный рам-

ками классицизма, Сумароков не мог широко использовать богатств русской народной речи и не знал их. Понятно, что в языке Фонвизина, Новикова, Державина, Радищева и особенно в языке писателей-реалистов XIX в. фразеологический словник неизмеримо богаче и разнообразней.

2. ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. В. ДАВИДОВА

В литературоведении принято считать, что по темам и образам поэзия Дениса Давыдова примыкает к «легкой поэзии» К. Н. Батюшкова. А между тем творчество Давыдова с самого начала характеризуют произведения, проникнутые высоким настроением гражданина, осуждающего бюрократизм и деспотизм царского двора и высокопоставленных чиновников, низкопоклонство, светскую чопорность.

Участие в Отечественной войне 1812 г. и в других военных кампаниях, жизнь среди солдат оказали влияние на мировоззрение Давыдова и определили его отношение к народно-разговорному языку как основному источнику языка художественной литературы.

По количеству простонародных и просторечных слов и фразеологизмов язык Давыдова значительно ближе к языку Пушкина и Вяземского, чем Батюшкова, воспитанного на классических образцах античной поэзии, и романтика Жуковского, в произведениях которых народная фразеология отсутствует.

Всего в поэзии и прозе Давыдова насчитывается 210 фразеологических употреблений на 141 840 словесных (из расчета среднего количества слов на страницу стихотворного и прозаического текста). Это значит: на каждые 675 слов приходится один фразеологизм. При этом в стихотворных текстах насчитывается 37 фразеологических употреблений на 13 440 слов, в прозаических 171 на 129 350 слов.

Таким образом, в прозе Давыдова фразеологизмов в два раза меньше, чем в поэзии. Причина в том, что проза Давыдова деловая, публицистическая, мемуарная, а не художественная. Автор использует в ней фразеологизмы лишь в тех случаях, когда необходимо описание

события, факта сопроводить оценкой, или в тех местах, когда в авторский текст включается диалог в виде прямой речи.

По частоте употребления первое место занимает фразеологизм *по крайней мере*. Он употреблен 19 раз. Этот оборот часто встречается в прозаических текстах XVIII — начала XIX в. Почти утративший предметное значение и лишенный образной экспрессии, по семантике он приближается к служебному слову, выступая в функции усиительно-выделительной частицы. Поэтому он был и остается удобным средством описательной речи при уточнении высказывания, выделении смысла высказывания.

«За полчаса до полуночи меня с братом разбудили, чтобы видеть Суворова или, *по крайней мере*, слышать его» («Встреча с великим Суворовым», с. 177). См. то же в других произведениях Давыдова (с. 41, 245, 249, 251, 259, 316, 331, 347, 356, 359, 367, 381, 384, 388, 390).

По частоте употребления к этому фразеологизму приближается оборот *как бы то ни было*, который служит средством соединять два предложения или две части одного предложения и имеет значение: *независимо от фактов, действий, о которых сообщается в предшествующем высказывании, происходит то, о чем говорится дальше*³⁶. «*Как бы то ни было*, но французы и те из русских, которые впервые увидели башкирцев, встретили их единодушным смехом» («Тильзит в 1807 году», с. 235). См. то же в других произведениях (с. 36, 282, 354).

Сближается по семантике с рассмотренной фразеологической единицей оборот *как и что ни говори*, который в отличие от предшествующего имеет уступительно-противительный оттенок: *вопреки тому, о чем говорится, о чем судят, происходит то, о чем сообщается в последующем высказывании*. «*Как и что ни говори*, но победа в этом случае несомненно и неоспоримо осталась за нашим императором» («Тильзит в 1807 году», с. 245). В словарях современного русского языка этот фразеологизм помещен в двух вариантах: 1) *что ни говори*; 2) *как ни говори*. Наличие

---

³⁶ Толкование этого фразеологизма в ФС (с. 52) и в ССРЛЯ (т. I, с. 731) нельзя считать точным. В первом он истолкован как уступительный союз *хотя*: «несмотря ни на что, вопреки всему». Во втором: «оборот, не ограничивающий выбора или пределов предмета и действия» (*Примеч. автора*).

что в роли уступительного местоимения и *как*, совмещающего два значения, обстоятельственного наречия образа действия и уступительного союза, в составе компонентов одного фразеологизма придавали ему семантику, близкую к значению свободного словосочетания. Процесс фразеологизации оборота был связан с эллипсисом в одних случаях *что*, в других — *как*. В результате возникло два фразеологизма, отличающихся по содержанию в зависимости от различий в семантике *что* и *как*.

Среди фразеологизмов, употребленных 'Давыдовым, выделяется группа таких, компонентный состав которых в сравнении с соответствующими оборотами в современном русском языке шире. А это определяет их семантику: она была ближе к содержанию свободных словосочетаний или предложений. Так, оборот *пасть как снег на голову* у Давыдова по содержанию и свободному порядку слов близок к предложению сравнительного типа. «Стремглав бросался на него усиленными переходами, которые донные именуются суворовскими, и *падал как снег на голову*» («Встреча с великим Суворовым», с. 117). «Дабы *пасть как снег на голову*, мы свернули с дороги и пошли полями, скрываясь опушками лесов и по лощинам» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 323). «...Обратись к Деревещину и Красному Холму, прийти со стороны Вязьмы в тыл к неприятелю и *пасть* на него *как снег на голову*» (Там же, с. 342).

Дальнейшее развитие этого фразеологизма шло по пути устранения компонента *пасть*, что изменило и семантику оборота, и синтаксические функции его. Он стал по структуре не самостоятельным предложением, а членом предложения, обстоятельством образа действия. Расширилась его валентность, фразеологизм стал сочетаться с глаголами, обозначающими движение: *прибывать, сваливаться, являться, появляться* и др. (см. ФС, с. 441). Элемент сравнения в его содержании сократился, отошел на задний план, мотивируя семантику *внезапно, неожиданно*.

Близкое по характеру явление в становлении фразеологизма наблюдается в предложении «поставить противника между двух огней». Давыдов употребляет это выражение с его терминологическим⁷ специальным содержанием: «Наступательное действие состояло в движении войск, растянутых и рассеянных по чрезмерному пространству, чтобы, как говорили тогда, охватить оба крыла

противника и *поставить между двух огней*» («Встреча с великим Суворовым», с. 169). Развитию метафорического значения и последующей фразеологии этого оборота в XVIII в. препятствовало прежде всего существование в военном деле самого явления, описанного Давыдовым. Исчезновение этого вида военной тактики давало возможность обозначить названным оборотом сходные явления, употреблять его метафорически. Но метафоризации выражения мешал глагол *поставить*, ограничивающий сферу применения его. Устранение глагола способствовало расширению валентности оборота, следствием чего было развитие общего широкого значения, превращение терминологического оборота во фразеологическую оценочную единицу *между двух огней* (*быть, стать, находиться, оказаться* и т. д.) — *в таком положении, когда неприятность или опасность угрожает с двух сторон.*

Несколько сложнее шло развитие фразеологизма *фортуна обернулась (повернулась) задом (к кому)*. В XVIII и начале XIX в. обороты типа крылатых слов, в составе которых употреблялось слово *фортуна*, были популярны в книжной речи, в языке художественной литературы и публицистики: *колесо фортуны, любимец (баловень) фортуны, фортуна улыбается — кому-либо сопутствует удача; фортуна оборачивается, поворачивается (обернулась, повернулась) задом (к кому-нибудь) — кому-либо перестала сопутствовать удача.* Этот оборот речи встречается и у Давыдова.

«Тут *фортуна обращается к нему задом.* Давыдов предстает пред лицом генерала Винцегероде и поступает под его начальство. С ним пресмыкается он чрез Польшу» («Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова», с. 32). В современном русском языке с этим выражением соотносится по содержанию и структуре фразеологизм *поворачиваться (повернуться), спиной (к кому, чему-либо)* в значении *проявлять пренебрежение, безразличие; перестать обращать внимание.* Трудно сказать, развился ли этот оборот из выражения *фортуна повернулась (обратилась) (к кому-либо) задом* или существовал в XVIII в. параллельно с ним. В САР (1789—1794) ни тот, ни другой не зафиксирован. В ССРЛЯ фразеологизм *повернуться спиной (к кому-либо чему-либо)* проиллюстрирован только примером из письма Грановского. Более ранняя фиксация этого оборота неизвестна. Вполне возможно, что фразео-

логизм *поворачиваться (повернуться) спиной (задом)* мог развиваться по рассмотренному выше способу преобразования метких, крылатых выражений посредством эллипсиса метафоризации и расширения значения редуцированной части оборота.

А. М. Бабкин считает, что становление фразеологизмов в русском языке всегда связано с развитием отвлеченности их содержания и с расширением диапазона сочетаемости фразеологических единиц³⁷. Рассмотренные примеры подтверждают этот путь. Но есть и другие факты, когда диапазон сочетаемости оборота сокращается, сужается, что придает семантике большую определенность. При этом может изменяться соотношение синтаксической структуры компонентов внутри фразеологизма и его связь со словами окружения.

В современном русском языке фразеологизм *как вкопанный* сочетается с глаголами *останавливаться, стоять* (см. ФС, с. 70; ССРЛЯ, т. 2, с. 407). В языке Давыдова этот фразеологизм сочетается с глаголом *остаться*. «С этим словом он исчез, а я остался *как вкопанный!*..» («Встреча с фельдмаршалом графом Каменским», с. 187). Можно было бы предположить, что расширение сочетаемости фразеологизма в данном примере — явление речевое, характерное для Давыдова, если бы не были известны другие примеры, из которых достаточно указать на иллюстрацию, помещенную в САР (1806, ч. I, с. 533): «*Как вкопанный. В простор. Весьма смиренный. Сидит как вкопанный.*».

Редко употребляемый в современном русском языке фразеологизм *царство (царствие) небесное (кому)*, сопровождаемый в словарях пометой *устар.*, не сочетается с глаголами *получить, обещать, дать*. Выражение употребляется при упоминании о покойном как пожелание ему загробной жизни в раю. В XVIII — начале XIX в. фразеологизм сочетался с названными глаголами (т. е. сочетаемость его была шире). «Они содрогнулись быть не только помощниками, но даже свидетелями сих бесполезных кровопролитий и оставили его с одним его сеидом — Ахтырского гусарского полка унтер-офицером Шишовым, человеком неустрашимым, но кровожадным и по невежеству своему надеющимся *получить царство небесное*

---

³⁷ Бабкин А. М. Указ. соч., с. 20.

за истребление неприятеля каким бы то образом ни было» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 361). «Покойный батюшка ваш, дай боже ему *царство небесное*, редкий был человек. Арбузы и дыни всегда бывали у него такие, каких теперь нигде не найдете» (Н. В. Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка. Собр. соч., т. I, с. 203). Резкое сужение диапазона сочетаемости, изменение синтаксической функции (фразеологизм употреблялся в функции дополнения при глаголах и как самостоятельное предложение, сохраняя предикативность) обусловлено «выветриванием», ослаблением семантики фразеологизма в связи с развитием просвещения в России, утратой веры в религиозные представления о загробной жизни. Фразеологизм остался в языке своеобразным выражением этикета и употребляется главным образом в речи представителей старшего поколения, недостаточно образованных.

Обороты *очертя голову* и *вверх дном* в современном русском языке встречаются только в роли обстоятельств: первый в значении *безрассудно, не думая о последствиях*, второй в значении *совершенно противоположно тому, как надо; кувирком*. Давыдов употребляет эти фразеологизмы и при глаголах и при существительных в роли несогласованных определений. «Они, подобно Давыдову во всех минувших войнах, появлялись во многих журналах наездниками, по одиночке, наскоком, *очертя голову*; день их был век их» («Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова», с. 35). «...едва отделились они от главных наших сил, как безмятежные дотоле пути сообщения неприятеля приняли иной вид: все обратилось на них *вверх дном* и в хаос...» («О партизанской войне», с. 457). «Во время обеда я не мог есть: не кровь, но огонь пробегал по всем моим жилам и голова была *вверх дном!*» («Встреча с фельдмаршалом графом Каменским», с. 189).

Фразеологизм *чем бог послал* в начале XIX в. имел значение *тем, что есть в наличии*, употреблялся с обязательным лексическим окружением, которое было несколько шире, чем в современном русском языке: *угощать, потчевать, обедать, завтракать, жить* (см. ФС, с. 40). В таком традиционном употреблении он встречается и у Давыдова. «...Потчую собственным стряпаньем и *чем бог послал*» («Воспоминание о Кульнэве в Финляндии», с. 266). Но он же использует его и в другом окружении:

«...Употребить все способы до прибытия требуемых мною войск, чтобы не спускать с глаз означенное дело, дабы, в случае движения его за Днепр, напасть на него с тем, чем бог послал» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 373). Приведенные примеры носят метафорический характер. Но этот авторский свободный характер сочетаемости фразеологизмов был не случайным: он свидетельствует о меньшей степени фразеологизации этих оборотов, хотя, разумеется, примеры только из языка Давыдова недостаточны для такого утверждения.

Свободно обращался Давыдов и с другими фразеологизмами. Оборот *пускать пыль в глаза* в роли предиката управляет у него существительным в творительном падеже в значении содержания:

И хозяин, слава богу,
Не великий господин,
Он — гусар, и не пускает
Мишурую пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.

(«Бурцеву», с. 50)

Фразеологизм *пойти по миру* управляет словосочетанием в творительном падеже (*гнушной прихотью*) в значении причины. «Любимцы ж царство разоряют, Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают Их *гнушной прихотью* кто по миру пошел» («Орлица, турухан и тетерев», с. 49).

Оборот *бросаться в глаза* в значении *привлекать к себе чье-либо внимание, быть особенно заметным* употребляется в современном русском языке в роли предиката при подлежащем, выраженном существительным неодушевленным или указательным местоимением. Такая сочетаемость была нормативной уже в начале XIX в. и, в частности, в языке Давыдова. «Мне давно уже в *глаза бросилось* неудобство усиливать их с тыла» («Воспоминание о Кульневе в Финляндии», с. 269). «Кто мало-мальски сведущ был в высшей военной науке, тому последствие превосходного движения светлейшего в *глаза бросалось*» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 325). Но этот же фразеологизм Давыдов употребляет в функции дополнения при деепричастии *ненавидя*. «Толь и князь Кудашев вышли ко мне в сени и звали меня в избу. Но я,

ненавидя бросаться в глаза начальникам, отказался» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 391). Подлежащее выражено здесь личным местоимением 1-го лица.

¶ В. П. Жуков пишет: «Общей особенностью фразеологизмов, входящих в состав главной части сложноподчиненного предложения, является то, что ни с одним из компонентов фразеологизма не может быть связана придаточная часть сложноподчиненного предложения»³⁸. В. П. Жуков, несомненно, прав: фразеологизм воспринимается как целостное, неделимое выражение, обладающее единством семантики. Поэтому его компоненты не являются самостоятельными лексемами и не могут поясняться придаточным предложением. Но в авторской речи в редких случаях возможно присоединение к фразеологизму придаточного предложения. Так, у Давыдова встречаем пример такого употребления. «Партизан Сеславин шел на местечко Забреж, которое 22 ноября он занял с боем. *За малым делом стало*, чтобы на другой день сам Наполеон не попался ему в руки» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 394). В этом примере придаточное присоединено к главному, выраженному фразеологизмом. Синтаксически оно связано с глагольным компонентом *стало*, который главным образом и изъясняется придаточным. В результате такого употребления фразеологизм теряет целостность семантики и приближается к словосочетанию свободного типа.

Расширение круга слов, входящих во фразеологическое окружение, в некоторых случаях приводило к существенным изменениям семантики. Например, в начале XIX в. существовало два близких по составу компонентов фразеологизма: *на счет (кого, чей, какой)* в значении *на чьи-либо средства, деньги и на счет (кого)* в значении *по отношению к кому-либо, относительно кого-либо, о ком-либо (говорить, высказываться и т. п.)*. Давыдов употребляет фразеологизм *на чей счет* в функции дополнения к глаголу *веселить*. «Частенько *на наш счет* себя ты веселишь насмешкой, колкими словами» («Голова и ноги», с. 41). В результате такого употребления возникает контаминация семантики двух приведенных оборотов. Значение фразеологизма приобретает метафорический характер.

---

³⁸ Жуков В. П. Указ. соч., с. 50.

Его значение нельзя истолковывать в отрыве от контекста: *смеясь над нами, говоря о нас колкости, веселишься.*

Рассмотренные и другие примеры свидетельствуют о более широкой сочетаемости фразеологизмов в языке Давыдова. Остается с точностью установить, в каких случаях такое употребление является проявлением тенденции развития литературного языка конца XVIII — начала XIX в. и где субъективное авторское расширение границ сочетаемости. Чтобы разграничить авторскую фразеологическую валентность с общеязыковой, необходим подробный фразеологический словарь XVIII — начала XIX в. или достаточно богатая фразеологическая картотека. Пока нет ни того ни другой, можно лишь описывать существующие факты, не делая категорических выводов.

Во многих фразеологизмах, употребленных Давыдовым, можно отметить отличия в компонентном составе, отчего некоторые из них имеют отличия и в структуре.

В языке произведений Давыдова:	В современном русском языке:
<i>неунылого десятка</i>	<i>не робкого (не трусливого) десятка</i>
<i>взять поверхность (над кем)</i>	<i>взять верх (над кем)</i>
<i>по шею (прогнать) без кола и двора</i>	<i>в шею (гнать, прогнать) ни кола ни двора</i>

Обратимся к примерам из произведений Давыдова: «Однако, так как все мы были *неунылого десятка*, то и начали расспрашивать Храповицкого о подробностях» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 326). «Я рассчитывал так, что ежели армия наша возьмет поверхность над неприятельской армией, то последняя не минует того пространства земли, на коей я находился» (Там же, с. 352). «(Дюрат) мог бы меня прогнать *по шею* из Нового Города, когда бы ему захотелось» («Занятие Дрездена», с. 443). «Я, господа, живу по-донкишотски, странствующим рыцарем печального образа, *без кола и двора*» («Воспоминание о Кульневе в Финляндии», с. 266).

В многокомпонентных фразеологизмах, организованных по типу простого предложения и представляющих собой описательные обороты, уже в языке Давыдова можно отметить устранение одного из второстепенных компонен-

тов, что способствовало большей фразеологизации этих оборотов. Например, в языке Давыдова без каких-либо семантических и стилистических различий употребляются: *подать (кому-либо) руку* и *подать руку помощи (кому-либо)*. «...Дворянский предводитель Семен Яковлевич Храповицкий *подал* мне *руку помощи* со всюю ревностью истинного сына Отечества» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 324). «Соименный мне покоритель Индии (Вакх, иначе Дионизий) *подал* мне *руку помощи*, чарка за чаркою, влитые в глотки моих узников, возбудили их к многоглаголанию» (Там же, с. 366). «Герои! Они опирались брат на брата и штыками пробili себе путь к Бугскому полку, который *подал* им *руку*» (Там же, с. 331). «Шестнадцатого сей отважный и неутомимый партизан, открыв сообщение с графом Витгенштейном, получил от него повеление во что бы то ни стало *подать руку* адмиралу Чичагову чрез Борисов» (Там же, с. 393).

Устранение компонента *помощи*, факультативность, необязательность его в составе фразеологизма были по-видимому, в начале XIX в. явлением языка (а не только стиля Давыдова!). Это определило и современное его употребление, хотя оно имеет книжный, архаичный характер (см. ССРЛЯ, т. 12, с. 1531).

Можно отметить также случай употребления фразеологизма с заменой одного из компонентов, в результате которой изменяется синтаксический тип внутренней связи. Так, фразеологизму *ум за разум заходит* в значении *потерять способность трезво, разумно рассуждать, действовать* и т. п. у Давыдова соответствует оборот *перепускать ум за разум*. «За таковое слушание я достоин был строжайшего наказания. Партизан должен и необходимо должен уместовать, но не *перепускать*, как говорится, *ум за разум*» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 389). Ссылка на то, что так принято говорить, выраженная во вводном предложении, не позволяет считать этот оборот авторской модификацией фразеологизма *ум за разум заходит*. По-видимому, оборот *перепускать ум за разум* был известен в разговорной речи, но его употребление было или локальным, или ограниченным социальной средой.

О локальном характере употребления в разговорной речи другого фразеологизма *катить голову*, отмечен-

ного в языке Давыдова, можно судить по словарным и фразеологическим материалам, помещенным в 6-м выпуске «Словаря русских народных говоров»³⁹: «Головня, и., ж. *Головней катить (прокатить), повалить*. Все выжечь, ничего не оставить. Волог., 1822. А если не отдаст (замуж дочь), то весь его град *головней прокачу* (т. е. выжгу). Волог., Едемский. Ворочусь, говорит, все царство поплению, *головней повалю*. Новг., Соколовы. Не дадите из города поединчика, так я с конца зажгу и *головней прокачу*. Олон., Рыбников. Онеж.» Как показывает датировка, фразеологизм был известен в начале XIX в. в севернорусских говорах. По-видимому, он употреблялся и в речи смолян, где его мог слышать Давыдов во время Отечественной войны 1812 г. «Если бы партия моя была бы вдесятеро сильнее, если бы у каждого казака было по десяти рук, и тогда невозможно было бы захватить в плен десятую часть того, что покрывало большую дорогу. Предвидя это, я решился, еще пред вступлением в поиск, предупредить о том казаков моих и позволить им не заниматься взятием в плен, а, как говорится, *катить головнею по всей дороге*» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 355). Содержание этого оборота можно определить следующим образом: *идти (наступать), не останавливаясь*. Важно отметить в этом фразеологизме подоснову содержания, его этимологический элемент, передающий образное представление о характере движения казачьих партизанских отрядов: они должны идти, не останавливаясь, не задерживаясь для взятия в плен французов так же, как распространяется огонь пожара. Приведенный пример свидетельствует о том, что компонентный состав фразеологизма был шире, чем он представлен в диалектном словаре, хотя форма глагола несовершенного вида *катить*, употребленная Давыдовым в этом примере, может быть результатом метафоризации диалектного фразеологизма.

Но метафорическое употребление этого оборота, по-видимому, возникло в народной речи, а не в авторской. На это указывает ссылка, выраженная вводным предложением *как говорится*.

---

³⁹ Словарь русских народных говоров. Л., 1970, вып. 6, с. 311.

Не помещен в словарях литературного языка и в имеющихся словарях областных и другой фразеологизм, который дважды употребил Давыдов, — *во все поводи́я* (*ехать, скакать*). «...Сел на лошадь, толкнул ее шпорами и поскакал, как приехал: почти *во все поводи́я*» («Тильзит в 1807 году», с. 253). «...Оба они скакали *во все поводи́я* по направлению к Грушевке; это был Суворов с одним из своих ординарцев» («Встреча с великим Суворовым», с. 180). Выражение *во все поводи́я* не сохранилось в русском языке. По-видимому, употребление его было ограниченным, а внутренняя форма недостаточно выразительной, она слабо мотивировала содержание фразеологизма.оборот обладал ограниченной сочетаемостью, уступая и в этом отношении синонимичному фразеологизму *во всю прыть* (*бежать, скакать, ехать, мчаться* и т. п.), который в произведениях Давыдова употребляется в 4 раза чаще. «Не прошло получаса, как услышал я топот многочисленной конницы и увидел толпу всадников, несущихся *во всю прыть* по главной улице к дому его величества» («Тильзит в 1807 году», с. 261). «...За три версты от села, при выходе на чистое место, встретились с неприятельскими фуражирами, числом человек в сорок. Увидя нас, они быстро обратились *во всю прыть* к своему отряду» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 323). «Сначала все шло удачно: перестрелка умолкла, и мы продолжали путь беспрепятственно; но едва успели пройти около семи верст, как оба первые разезда *во всю прыть* прибыли к нам навстречу» (Там же, с. 353). «Он обратился прочь *во всю прыть*, отряды — за ним, стреляя из пистолетов» (Там же, с. 371). См. также на с. 370: «...бежавшего *во всю прыть*». «Мы выбежали и увидели Суворова во ста саженьях от нас, скачущего *во всю прыть* в лагерь» («Встреча с великим Суворовым», с. 178). На с. 180: «...поскакал *во всю прыть*». Эти примеры свидетельствуют об активности употребления оборота *во всю прыть* в русском языке XIX в., что подтверждают и словари. Вполне возможно, выражение *во все поводи́я* было окказиональным оборотом, созданным по модели фразеологизма *во всю прыть* в целях обновления, усиления экспрессии, и употреблялось среди военных.

Некоторые фразеологизмы, извлеченные из текстов Давыдова, по сравнению с современными отличаются меньшей определенностью, дифференцированностью семан-

тики. Так, фразеологизм *без оглядки* в современном русском языке имеет 5 значений⁴⁰: 1) очень быстро, не оглядываясь; 2) во всю, очень сильно, забывая обо всем (делать что-либо); 3) безгранично, не раздумывая, не рассуждая (верить, любить); 4) неосторожно, без необходимой осмотрительности; 5) решительно, без колебаний. В употреблении Давыдова этот фразеологизм совмещает в своей семантике, по крайней мере, 4-е и 5-е значения и некоторые семантические признаки 1, 2 и 3-го значений. «...Уверен будучи, что в таковых обстоятельствах наглость полезнее нерешительности, называемой трусами благородием, я пошел в бой *без оглядки*» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 351). «Не принимая ничего этого в уважение, он, в чаду успехов своих, шел вперед *без оглядки*» («Воспоминание о Кульневе в Финляндии», с. 277). Содержание фразеологизма в этих контекстах можно определить следующим образом: *решительно, без колебания, забывая о необходимой осмотрительности, осторожности, не рассуждая, забывая обо всем, кроме главного*. По-видимому, в ФС семантические признаки фразеологизма *без оглядки* разделены на пять значений в известной мере искусственно.

Семантически отличались фразеологизмы *под рукой* и *под руками*. Первый из них в современном русском языке имеет два значения: 1) поблизости, рядом (быть, находиться) и 2) *устар.* тайно, незаметно для других.оборот *под руками* помещен в ФС как морфологический вариант фразеологизма *под рукой* в первом значении. У Давыдова это не варианты, а две самостоятельные фразеологические единицы. «Недостаток в продовольствии сказался уже по истечении двадцатидневного срока, ибо все то, что еще оставалось *под рукою*, все окончательно израсходовалось...» («1812 год», с. 291). В этом контексте содержание фразеологизма можно толковать как *в наличии, в распоряжении*. «Наполеон, занимая центральный пункт относительно наших армий, имел *под руками* восемьдесят тысяч человек» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 384). В данном контексте семантику фразеологизма следует определить иначе: *поблизости, рядом и в подчинении*. Давая такое толкование фразеологизмов, мы понимаем, что они носят не общеязыковой, а контекстуально-

---

⁴⁰ См. ФС, с. 293.

авторский характер, но это не значит, что они употреблены Давыдовым переносно. Примеры из произведений авторов XIX в., приведенные для иллюстрации значений в ССРЛЯ и ФС, показывают, что содержание этих оборотов было также более широким и менее определенным, они подтверждают в какой-то мере мнение Х. Касареса о неопределенности фразеологической семантики.

С Х. Касаресом нельзя полностью согласиться: фразеологическую семантику можно определить точно. Поскольку в семантике фразеологизмов больше экспрессивности, оценочности, ее надо определять подробнее, полнее, исходя из максимально большего количества примеров, взятых из произведений разных авторов, из разговорной речи, из языка фольклора. Категоричные толкования в словарях, подтвержденные небольшим количеством примеров, не всегда удачных, могут неверно представить реальное состояние семантики и экспрессии фразеологизмов, существующее в языке того или другого исторического периода.

Язык писателя может служить также источником для выявления устаревших фразеологизмов. В языке Давыдова таких немного: *рука с рукою, скончать жизнь, ни сень пороха, наложить печать на уста, твердою ногою, на русскую руку, глаз на глаз*. «Скитаться будем мы по рощам, по горам. Куда глаза глядят. . . Но только все со мною, не разлучаясь, *рука с рукою*» («Договоры», с. 61). «Но наконец она Всемощною Рукой, По правилам природы, Прожив назначенные годы, Взята была судьбой, А попросту сказать — Орлица *жизнь скончала*; Тоску и горести на птичий род нагнала» («Орлица, турухан и тетерев», с. 46). «Ты увидишь, кормилец, село его, ни один хранц (то есть франц или француз) до него не дотронулся, потому что он с ними же грабил нас и посылал все в Вязьму — все разорил; у нас *ни сень пороха* не осталось по его милости!» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 357). «Этого было довольно, чтобы *наложить печать на уста мои*» («Гильзит в 1807 году», с. 238). «Противник мой имел неосторожность забыть о ковке лошадей своего отряда, которого половина была не подкована. Однако, по приходе моем к Лосмину, он меня встретил *твердою ногою*. Дело завязалось. В передовых войсках произошло несколько схваток» («Дневник партизанских действий 1812 года», с. 342). «Я рассудил, что если уж го-

няться за светскими увеселениями, — выгоднее для меня ехать обратно в Москву, где этого рода увеселения на *рускую руку*: шумны, роскошны и, сверх того, полны поэзией: присутствием моей красавицы!» («Воспоминание о Кульневне в Финляндии», с. 263). «Мы будем жить одни, с глаза на глаз, ты да я. Здесь тьма насмешников, которых разговоры кипят злословием...» («Договоры», с. 57).

Во фразеологизме *рука с рукою*, наряду с конкретным значением *держась за руки, под руку*, в первой четверти XIX в. начинало развиваться отвлеченное значение *совместно, дружно*. Об этом позволяют судить материалы «Словаря языка А. С. Пушкина»⁴¹. По-видимому, употребление этого оборота носило книжный характер, чаще он встречался в поэтической речи. А. М. Бабкин считает, что выражения *рука с рукою* и *рука в руку* были вытеснены из употребления фразеологизмом *рука об руку*, в котором развилось отвлеченное значение⁴².

Оборот *скончать жизнь* в XVIII — начале XIX в. встречается в книжной авторской речи с разными вариантами второго компонента: *скончать век* (И. И. Хемницер, И. Ф. Богданович), *скончать дни* (А. П. Сумароков). По-видимому, уже в начале XIX в. этот фразеологизм не обладал достаточной экспрессией, воспринимался как описательный оборот типа перифразы. Его вытеснили из книжной речи многие синонимические выражения с оценочностью, мотивированной выразительной внутренней формой, присущие живой разговорной речи: *протянуть ноги, сойти в могилу, испускать дух, отправиться к праотцам* и т. д. Архаизации этого фразеологизма способствовало также давление лексической системы языка, из которой выпал глагол *скончать*.

В отличие от рассмотренных фразеологизмов *ни сину пороха* в конце XVIII — начале XIX в. употреблялся в живой разговорной речи. В языке художественной литературы он обычно используется в прямой речи как одно из средств речевой характеристики людей из простонародья, когда необходимо указать на полное отсутствие, исчезновение, утрату чего-либо (полезного, нужного). Неясность внутренней формы лишала семантику этого

⁴¹ Словарь языка А. С. Пушкина, т. 3. М., 1959, с. 1055.

⁴² Бабкин А. М. Указ. соч., с. 54.

оборота мотивированности и экспрессивности в оценке выражаемого понятия. Утратив качества, отличающие его от слова с тем же логическим содержанием, оборот в конце XIX — начале XX в. стал архаичным. По тем же причинам вместе с этим фразеологизмом архаизировался и другой, с общими компонентами *синь* и *порох* — *синь порох в глазу*, который в XIX в. употреблялся в других значениях: 1) о самом близком, дорогом человеке; 2) о надоевшем, назойливом человеке.

В оборотах *наложить печать на уста* — *заставить молчать*; *твердою ногою (встретить)* — *проявить стойкость*; *на русскую руку* — *по-русски, по русскому обычаю* не развилось в полной мере отвлеченно-фразеологическое значение. Они употреблялись, по-видимому, окказионально, как метафоры, созданные в экспрессивных целях. Иначе говоря, эти выражения были явлениями речи и не получили распространения в языке. Первый и второй обороты не обладали достаточной образностью, не вызвали рельефных представлений о каких-либо повседневных явлениях, фактах, а это не позволило сформировать фразеологический (образный и экспрессивный) смысл этих выражений. Первый из них (*наложить печать на уста*) оказался к тому же избыточным средством языка и не мог противостоять фразеологизмам *замазывать рот* и *затыкать рот*.

Оборот *на русскую руку* соотносится по содержанию с фразеологизмами *на широкую руку*, *на широкую ногу*, обладавшими большей выразительностью и поэтому более распространенными в языке. Причина этой выразительности в том, что семантический центр у фразеологизмов, созданных по этой модели, заключен в определении (*на скорую руку* — *скоро*, *под горячую руку* — *сгоряча*, *под пьяную руку* — *в состоянии опьянения* и т. д.), где качественные прилагательные передают своей семантикой характеристику явления действительности, названного фразеологизмом, чего нельзя сказать про оборот *на русскую руку*, в составе которого определение выражено относительным прилагательным. Вполне возможно, что оборот *на русскую руку* был создан как синоним по модели *на широкую руку*.

Значительный интерес в определении экспрессивных качеств фразеологических оборотов представляет изучение их стилистических функций в языке Давыдова.

Д. В. Давыдов принадлежит к тем писателям, которые отбирают из народной речи наиболее известные и обладающие экспрессивностью фразеологизмы. Рассматривая их как выразительное средство, эти писатели приспособляют их к тексту произведений, часто внося изменения в компонентный состав или включая их в необычное лексическое окружение. Давыдов употребляет фразеологизмы независимо от жанра произведения, придавая языку естественность живой разговорной речи. «И завтра — черт возьми — *Как зюзя* натянуся, На тройке ухарской стрелую полечу; Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся, И пьяный в Петербург на пьянство прикачу!» («Решительный вечер», с. 104).

Фразеологизм *как зюзя* в сочетании с прилагательным *пьяный* употреблен Пушкиным в романе «Евгений Онегин» (гл. VI). «И то сказать, что и в сраженьи Раз в настоящем упоеньи Он отличился, смело в грязь С коня калмыцкого сваясь, *Как зюзя* пьяный...» В ФС этот оборот не помещен, в ССРЛЯ (т. III, с. 1361) он расположен в статье под словом *зюзя*: «*Простореч.* презрительное название вялого, нерасторопного человека. *Как зюзя* (о вымокшем, пьяном человеке)». Значение фразеологизма проиллюстрировано в этом словаре теми же цитатами из Давыдова и Пушкина. Вторая часть определения (о вымокшем) не подтверждена ни одним примером, что заставляет сомневаться в правомерности широкого толкования значения. К сожалению, в настоящее время не представляется возможным установить этимологию оборота, что помогло бы определить и сферу употребления его. По приведенным примерам можно предполагать, что оборот был распространен в офицерской, гусарской среде в первой половине XIX в. Несмотря на употребление Пушкиным, он, по-видимому, не получил распространения в языке художественной литературы, а в разговорной речи ему противостояли многие синонимичные: *в доску, в дым, в лоск, как сапожник, до упора*. В современной разговорной речи известны *в дугу, до чертиков, до обалдения* и др. Приведем примеры широко известных в русском языке просторечных фразеологизмов, использованных Давыдовым преимущественно в стихотворных текстах.

«Вы видели: я не боюсь Ни пуль, ни дротика куртинца; Лечу стремглав, *не дую в ус*, На нож и шашку кабардинца» («Полусолдат», с. 118). В ФС этот оборот охарактеризован

пометой «устар.» Его значение: *не бояться кого-либо*. В XIX в., как можно судить по примерам в ССРЛЯ (т. 3) и в ФС, этот оборот не был устаревшим.

«Давно с почтением я умоляю их Не заниматься мною и убираться к черту!» («Я вас люблю так, как любить вас должно», с. 139). В ФС этот фразеологизм помещен в значениях: «1. Прочь, долой, вон (гнать, прогонять и т. п.); выражение злости, пренебрежения к кому-либо, желания отделаться, избавиться и т. п. от кого-либо или чего-либо. 2. Прахом (пойти, лететь и т. п.)». Давыдов употребляет этот фразеологизм в первом значении. В СРЛЯ и ФС он охарактеризован как просторечный.

«Что ж ты, зевака, *Повесил нос?* Хватай, собака, Голодный пес» («Голодный пес», с. 130). В ССРЛЯ и в ФС фразеологизм охарактеризован пометой «простореч.» и помещен с другим видовым глагольным компонентом — *вешать нос* в значении *приходить в уныние, в отчаяние, огорчаться*. Приведенные в этих словарях и имеющиеся в нашей картотеке примеры свидетельствуют о том, что с глагольным компонентом совершенного вида *повесить* фразеологизм употребляется в 4 раза чаще, чем с компонентом *вешать*. С этим, по-видимому, следует считаться при разработке статей словаря, учитывая развитие тенденции к ограничению морфологических показателей у компонентов фразеологизма. В приведенном обороте основной формой надо считать *повесить нос*, вариант с несовершенным видом глагола надо было бы отразить как редкий, но еще возможный, в конце словарной статьи.

«Ты нас, как ссылочных невольников, морочишь И, сидя наверху, лишь *хлопаешь глазами*» («Голова и Ноги», с. 41). В ФС *хлопать глазами* помещен в двух значениях: «1. Безумствовать, молчать; 2. Проявлять растерянность, смущение, удивление».

«Но другие *горло драли*: и до нас придет пора!» («Гусарский пир», с. 53). В ФС: «*драть горло*. Простореч. Очень громко говорить, петь, кричать и т. п.»

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что Давыдов употребляет просторечные фразеологизмы в стилистически однородной среде, они соответствуют своей экспрессивной окраской общему стилю словесного окружения, не противоречат ему. То же можно сказать и о смысловых контактах со словами контекста. Становится понятным, почему ни в одной из элегий Давыдова не встре-

тилось ни одного фразеологизма. Они нарушили бы стилистическое единство языка этих произведений с интимно грустной тематикой. И это касается не только элегий Давыдова, но и Пушкина, Баратынского, Батюшкова.

Просторечная фразеология иногда вводится Давыдовым и в нейтральный, описательный стиль. «Этой попыткой я не мог удовольствоваться; *закусив повод*, я бросался на каждую стезю, которая, как казалось мне, могла вести меня к моей цели» («Встреча с фельдмаршалом графом Каменским», с. 188). В ФС этот оборот не помещен, а отражен другой: *закусывать удила. Простореч.* Действовать, не зная удержу, идя напролом, не считаясь с обстоятельствами, со здравым смыслом, распалившись». По отношению к этому фразеологизму оборот, употребленный Давыдовым, является полным семантическим и стилистическим синонимом. В описательном тексте авторской речи он имеет определенную стилистическую цель: откровенно, с чувством легкой иронии автор характеризует этим оценочным выражением поступки своей молодости; вместе с тем в нейтральном окружении экспрессивно окрашенный фразеологизм оживляет повествование. Употребление такого рода (просторечных и разговорных) фразеологизмов в стилистически нейтральном окружении, если даже оно встречается часто и у многих авторов, не изменяет их стилистической окраски. Это подтверждают многочисленные примеры употребления фразеологизмов в языке Пушкина, Гоголя, Лермонтова, А. Толстого, Помяловского, Чехова и других писателей. Стилистической устойчивостью фразеологизмы существенно отличаются от лексики: известно, что многие десятки слов, впервые введенных Пушкиным и его последователями в язык произведений разных жанров литературы, постепенно стилистически адаптировались, нейтрализовались. Причина — в различиях функций фразеологизма и слова в языке: основное назначение слова — назвать предмет, фразеологизма — характеризовать его.

Такой же стилистический эффект наблюдается в употреблении Давыдовым фразеологизма *писать мыслете*. «В это бешеное время он писал стихи своей красавице, которая их не понимала, потому что она была полька, и сочинил известный призыв на пушш Бурцову... который читать не мог оттого, что сам *писал мыслете*» («Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова»,

с, 31). В ФС этот фразеологизм не выделен самостоятельно, а помещен как один из вариантов другого в словарной статье, представляющей своеобразную коптаминацию нескольких синонимичных фразеологизмов: «*Выделявать (выписывать, писать) ногами кренделя, вензеля, мыслете. Идти нетвердым шагом, шатаясь, заплетаясь, заплетающейся походкой, двигаясь зигзагами*». Если иметь в виду существенный элемент фразеологической семантики, внутреннюю форму, которая мотивирует номинативное значение, то, разумеется, из данной словарной статьи нужно сделать три, потому что каждый из этих оборотов в зависимости от семантики входящих в него компонентов передает отличное от другого представление: *выделявать кренделя, выписывать вензеля, писать мыслете* (старое название буквы М). Каждый из этих фразеологизмов по-своему определяет один и тот же вид нетвердой, заплетающейся походки пьяного человека.

Характеристика стилистических функций фразеологизмов на основании их использования в различных жанрах поэтической и прозаической речи одного писателя, разумеется, далеко недостаточна для определения стилистической окраски фразеологизма. Она должна подтверждаться анализом большого фактического материала языка многих писателей, а также языка фольклора, анализом компонентного состава, потому что окраска фразеологических компонентов соотносится со стилистической окраской соответствующих слов, входящих в лексическую систему языка. И все-таки при всех обстоятельствах определение соотношения экспрессивных качеств фразеологизмов и текста может дать существенно важные сведения для характеристики стилистической окраски фразеологизмов в прошлом.

3. СВОЕОБРАЗИЕ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАРОДНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ А. С. ПУШКИНЫМ

О языке и стиле А. С. Пушкина написано около 100 работ, но ни в одной ничего не сказано об использовании народно-разговорной фразеологии.

Изучение специфики фразеологических оборотов позволит расширить представление о стилистических богатствах языка великого поэта, глубже понять его произведе-

ния. Но наша цель состоит не в этом, а в определении места фразеологии в разных произведениях Пушкина, в ее семантической и стилистической характеристике. Точный и образный язык Пушкина 20—30-х годов служит для этой цели благодатным источником: Пушкин-реалист использует языковые средства, в том числе и фразеологизмы, в соответствии с его принципом: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» (т. VII, с. 53).

Поскольку фразеологический состав языка Пушкина выявлен и лексикографически описан⁴³, а детальное изучение его, на наш взгляд, должно быть предметом самостоятельного исследования, мы считаем возможным в этой работе лишь сообщить о результатах предварительных наблюдений над фразеологией произведений Пушкина 20-х годов.

Профессор Б. А. Ларин справедливо указывал, что значительное количество фразеологизмов разговорно-просторечного характера помещено в первых русских словарях, особенно в «Словаре Академии Российской», но это не значит, что вся народно-разговорная фразеология входила в литературный язык того времени. Не случайно многие обороты в этих словарях обозначены стилистическими пометами «простореч.», «простонарод.», т. е. они не имели прав литературного употребления, хотя, как показывают примеры из языка Хемницера, Державина, Фонвизина, Дмитриева, Радищева, Давыдова, очень много просторечных и простонародных фразеологизмов было использовано в произведениях среднего «штиля».

В языке поэзии Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского народной фразеологии нет: она не соответствовала языковым эстетическим принципам сентиментализма и романтизма.

Нарушает эти принципы Д. В. Давыдов.

В языке ранних стихотворений А. С. Пушкина фразеологических оборотов тоже нет, и не потому, что они не всегда укладываются в размер стихотворной строки, ведь в стихотворениях и поэмах, написанных Пушкиным в конце 20-х и в 30-х годах, размер и ритмика не мешают употреблению фразеологизмов.

---

⁴³ Словарь языка А. С. Пушкина в 4-х т. М., 1956—1961.

В начальный период творческой деятельности Пушкин не вышел за пределы традиционных стилистических представлений и, по-видимому, не знал еще в достаточной мере богатств народной речи, в том числе и фразеологии. Единичные фразеологические обороты в стихах лицейского и послелицейского периода употреблены им в соответствии с литературными нормами первой четверти XIX в. Редкие из стилистически сниженных выражений вместе с просторечной лексикой употребляются в эпиграммах и сатирах, в стихотворных шутках как средство юмора, иронии и сатиры. В этих произведениях встречаются и стилистически нейтральные фразеологизмы. Их назначение — уточнение, конкретизация мысли с различными авторскими целями.

Рассмотрим отдельные примеры.

«Больны вы, дядюшка? *Нет мочи*,
Как беспокоюсь я! три ночи,
Поверьте, *глаз я не смыкал*.
— «Да, слышал, слышал: в банк играл».

(т. I, с. 292)

Разговорный фразеологизм *нет мочи* означает *нет сил, терпения*.оборот *не смыкать глаз* не имеет сниженной стилистической окраски. Он употребляется в разговорной речи и в языке фольклора для усиления высказывания, уточняет мысль: *не смыкать глаз* — это не просто бодрствовать, а *ни на минуту не засыпать*. Использование этих фразеологизмов в приведенном контексте усиливает иронию и привносит характер непринужденности, непосредственности живой разговорной речи.

В сатирическом «Послании цензору» употреблен фразеологизм с просторечно-пренебрежительной стилистической окраской — *хлопать глазами*. Характер этого оборота приведен автором в соответствие со стилем словесного окружения, а выбор слов соответствует сатирическому содержанию стихотворения в целом, т. е. в этом стихотворении языковые средства используются в традиционном плане. «А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами? Где должно б умствовать, ты *хлопаешь глазами*» (т. II, с. 122).

Стремление Пушкина сделать язык художественной литературы удобным и гибким орудием мысли и чувства проявляется уже в ранний период его творчества не только

в умении вводить в контекст разговорно-просторечную лексику, но и в творческом преломлении семантики отдельных фразеологизмов. К середине 20-х годов Пушкин преодолевает метафизически условный язык поэзии русского романтизма с его перифразами и условно-поэтической лексикой, противопоставляя ему «прелесть нагой простоты» народно-разговорной речи с определенностью семантики ее слов и фразеологических оборотов. Он употребляет фразеологизмы и для речевой характеристики персонажей, и в авторской речи, стилизованной в известной мере под речь народа, когда содержание ее относится к описанию русского быта. См., например, в поэме «Граф Нулин»:

...*Чем свет* уж на конях сидят...

(т. IV, с. 239)

Но кто же более всего
С Натальей Павловной смеялся?
Не угадать вам. Почему ж?
Муж? — *Как не так*, совсем не муж.

(т. IV, с. 250)

! Фразеологизмы *чем свет* и *как не так* можно бы заменить равнозначными словами и свободными синонимичными словосочетаниями: *чем свет* — *рано, с самого утра*; *как не так* — *нет, ни в коем случае*. Но такая замена нарушила бы принцип реалистического соответствия средств языка содержанию изображаемой действительности.

Академик В. В. Виноградов, прослеживая постепенную демократизацию стиля А. С. Пушкина, отметил в романе «Евгений Онегин», который создавался с 1823 по 1830 г., нарастание от главы к главе просторечных слов и разговорных синтаксических конструкций в связи с изменениями взглядов А. С. Пушкина на источники обогащения русского литературного языка. Это наблюдение В. В. Виноградова подтверждается и анализом фразеологических оборотов в языке разных глав романа.

В первой и второй главах встречаются лишь единичные фразеологизмы. Они не имеют резко сниженной стилистической окраски и, по-видимому, в начале XIX в. употреблялись не только в разговорной речи крестьян, но и в речи провинциального дворянства. Не случайно эти обороты введены в строфы, посвященные описанию жизни и быта провинциальных помещиков:

Она езжала по работам,
Соллила на зиму грибы,
Вела расходы, *брила лбы*. . .
(г. V, гл. II, XXXII)

Все стали толковать украдкой,
Шутить, судить *не без греха*. . .
(гл. III, VI)

Язык этих строф намеренно сближен с живой разговорной речью, и одним из средств такого сближения послужили фразеологизмы *бриль лбы*, *не без греха*. Эти обороты к тому же не утратили мотивированности своих значений, т. е. внутренней формы (по классификации В. В. Виноградова их можно отнести к фразеологическим единствам), до сих пор в их значениях сохраняется элемент метафорической образности.

В авторской речи романа употребляется стилистически нейтральная фразеология: *сделать одолжение*, *оставить след*, *отдать отчет*, *до глубины души*. Близка по назначению к нейтральной книжная фразеология, представленная сочетаниями *узы брака*, *войти в роль* и т. п. В отличие от нейтральных такие фразеологизмы вводятся поэтом в контекст, обладающий некоторой приподнятостью, стилистическая окраска книжных оборотов, таким образом, приводится в соответствие со стилем контекста:

Как изменилася Татьяна!
Как твердо « роль свою вошла!
Как утешительного сана
Приемы скоро приняла!

■(гл. VIII, XXVIII)

Приподнятость языка усиливается в лирических отступлениях, выражая взволнованность автора, нарастающие напряженности его лирических чувств.

Увы! на *жизненных браздах*
Мгновенной жатвой поколенья,]
По тайной *воле првиденья*,
Восходят, зреют и падут,
Другие им *вослед* идут. . .
Так наше *ветреное племя*
Растет, волнуется, кипит
И к *гробу прадедов теснит*
Придет, *придет* и наше время,
И наши *внуки в добрый час*
Из *мира вытеснят* и нас!

(гл. II, XXXVIII)

Покамест упивайтесь ею,
Сей легкой жизнью, друзья!
Ее ничтожность разумею
И мало к ней привязан я;
Для призраков закрыл я вежды;
Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.

(гл. II, XXXIX)

В этих строфах грустному раздумью о жизни и смерти человека соответствуют поэтически высокие средства выражения мысли, в их числе и фразеологическое единство *оставить мир*. Даже нейтральный синоним *умереть* (не говоря уже о стилистически сниженных фразеологических или лексических синонимах) в этом контексте был бы неуместен.

В период, когда создавались первые главы романа «Евгений Онегин», Пушкин еще не освободился полностью от средств романтической стилистики. Об этом свидетельствует не только предпочтительное употребление нейтральной лексики, но и использование перифраз типа *утро дней*, которые по структуре напоминают фразеологические сочетания, но отличаются от них сферой употребления и стилистической окраской.

... Обоих ожидала злоба
Слепой фортуны и людей?
На самом *утре* наших *дней*.

(гл. I, XLV)

... Он цел поблеклый, *жизни цвет*
Без малого в осьмнадцать лет.

(гл. II, X)

Подобные обороты употребляются или в лирических отступлениях, где поэт вспоминает свою молодость, время увлечения романтизмом, для произведений которого они были характерны, или для выражения легкой иронии при оценке этого стиля в характеристике Ленского. С этой же целью введены и романтические стихотворные штампы в стихи Ленского, написанные перед дуэлью.

В авторской речи романа (за исключением двух первых глав) таких перифраз нет. Можно лишь отметить отдельные метафоры, созданные в результате преобразования романтических перифраз с сохранением их струк-

туры. Так, в гл. VII встречается метафора *утро года* при образном описании весны:

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает *утро года*...

(гл. VII, I)

Значение этой метафоры можно понять, сопоставляя ее с перифразами *утро дней*, *утро жизни* в языке В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского, где слово *утро* имело значение *начало*, *ранняя пора жизни*.

От первых к последним главам романа заметно возрастает количество просторечных фразеологизмов. Больше всего их в гл. VI. В авторской речи они придают высказыванию характер непосредственности разговорного языка и выражают отношение автора к предмету описания. Особенно отчетливо эта стилистическая особенность проявляется в V, VI строфах VI главы при сатирической характеристике Зарецкого, где употреблены фразеологизмы: *и то сказать, как зюзя, попадаться впросак*.

...И то сказать, что и в сраженье
Раз в настоящем упоенье
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого свалясь,
Как зюзя пьяныйй...

(гл. VI, V)

...Хоть иногда и сам *впросак*
Он *попадался*, как протак.

(гл. VI)

Отдельные фразеологизмы со сниженной стилистической окраской поэт употребляет в этой же главе и при характеристике Ленского:

Все чувства в Ленском помутились,
И молча он *повесил нос*.

(гл. VI, XIV)

Фразеологизм *повесить нос* по своему значению не равнозначен слову *опечалиться*: его значение можно передать описательно — *впасть в сильное уныние, тоску*. Он выполняет функцию более точного выражения мысли и вместе с тем передает оценку состояния, позволяет поэту с большей силой передать чувство смятения Ленского, связанное с необдуманно-поспешным вызовом

Онегина на дуэль. Выражение *повесить нос* сохраняет внутреннюю форму, а по этой причине и образность.

Приведем еще пример. При описании душевного состояния Ленского перед дуэлью Пушкин вводит в контекст авторской речи фразеологический оборот *махнуть рукой*. В общенародном употреблении этот оборот имеет значение *перестать обращать внимание на кого, что-либо, бросить что-либо*. Пушкин сохраняет это значение фразеологизма, но употребляет его без управляемого слова:

Решась кокетку непавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы смотрел.
Махнул рукой напоследок —
И очутился у соседок.

(гл. VI, XIII)

Отсутствие управляемого слова при фразеологизме переводит внимание читателя на содержание предшествующего контекста и заставляет искать в нем то, что заменяет значение этого слова (*махнуть рукой на кого-что*). Фразеологизм, таким образом, сохраняя разговорную стилистическую окраску, приобретает расширенный смысл: *не обращая внимания на свои рассуждения, намерения, вопреки им решиться на что-либо*.

Разговорно-просторечную фразеологию Пушкин употребляет в авторской речи в целях намеренного снижения стихотворной речи, сближения ее с прозой. Например, после описания гибели Ленского средствами романтической стилистики Пушкин приводит развернутое прозаическое сравнение погибшего поэта с опустевшим домом, в котором «...окна мелом Забелены. Хозяйки нет. А где, бог вестъ. Пропал и след» (гл. VI, XXXII).

Прозаичности реалистического описания соответствуют и фразеологизмы. С этой же целью разговорно-просторечные обороты употребляются в авторской речи последней главы романа.

Она его не замечает,
Как он ни бейся, хоть умри.

(гл. VIII, XXXI)

А он не едет; он заране
Писать ко прадедам готов
О скорой встрече; а Татьяне
И бела нет (их пол таков). . .

(гл. VIII, XXXII)

Из двух вариантов одного и того же фразеологизма Пушкин выбирает тот, в котором одно из слов придает всему обороту сниженный стилистический характер. Описывая в конце романа состояние влюбленного Онегина и выражая свое отношение к этому состоянию, Пушкин употребляет просторечный вариант фразеологического оборота *своротить с ума*.

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил. . .

(гл. VIII, XXXVIII)

Но уже в следующей строфе с нейтрально-описательным содержанием употреблен и стилистически нейтральный вариант этого оборота:

. . .И он не сделался поэтом,
Не умер, не сошел с ума.

(гл. VIII, XXXIX)

Анализ стилистического назначения фразеологических оборотов в языке романа показывает, что основное количество из них употреблено Пушкиным как средство речевой характеристики персонажей. При этом автор, соблюдая «чувство соразмерности и сообразности», соотносит сферу распространения фразеологизмов с социальной принадлежностью персонажа, его характером, общим уровнем культуры.

Так, фразеологизм просторечного характера *согнать (сжить) со света* в значении *гонениями, издевательствами довести до смерти*, надо полагать, не употреблялся дворянством. Он был характерен для разговорной речи крестьян. Поэтому Пушкин и вводит его в речь няни:

— И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слышали про любовь;
А то бы *согнала со света*
Меня покойница свекровь.

(гл. III, XVIII)

Просторечные фразеологизмы *рассыпаться мелким бесом*, *не показывать носу (куда-либо)* и другие выходили за пределы крестьянской речи и употреблялись в речи провинциального дворянства, которое усваивало некоторые особенности языка крестьян, в том числе и отдельные фразеологизмы:

Гусар Пыхтин гостил у нас;
Уж как он Танею прельщался,
Как *мелким бесом рассыпался!*
Я думала: пойдет авось;
Куда! и снова дело врозь.

(гл. VII, XXVI)

Фразеологизм *рассыпаться мелким бесом* в приведенном контексте характеризует не только гусара Пыхтина, но и речь матери Татьяны, провинциальной помещицы, и косвенным образом — душевное состояние Татьяны после отъезда Онегина.

«Ну, что соседки? Что Татьяна?
Что Ольга резвая твоя?»
— Налей еще мне полстакана. . .
Довольно, милый. . . Вся семья
Здорова; кланяться велели.
Ах, милый, как похорошели
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа! . . . Когда-нибудь
Заедем к ним; ты их обяжешь;
А то, мой друг, суда ты сам:
Два раза заглянул, а там
Уж к ним и *носу не покажешь.*
Да вот. . . какой же я болван!
Ты к ним на той неделе зван.

(гл. IV, XLVIII)

Стилистически сниженная окраска оборота *носу не покажешь* сочетается со стилем всей строфы: короткие фразы разговорного синтаксиса с его эллипсисами, недоговоренностями, с разговорной, просторечной лексикой и стилистически нейтральной лексикой. В противоположность этой строфе построены другие, в которых Пушкин передает состояние Ленского перед дуэлью в форме стихотворного его послания к Ольге, они написаны средствами романтической стилистики с характерными для нее поэтизмами. Язык этих строф лишен разговорно-просторечной лексики и фразеологии.

В некоторых лингвистических работах можно встретить утверждение о смешении различных стилистических средств в произведениях Пушкина 20—30-х годов. Такое утверждение справедливо, пожалуй, только по отношению к языку поэм «Руслан и Людмила» и «Братья разбойники», произведений, переходных от романтической поэзии к реалистической, стиль которой основан на средствах народно-разговорной речи.

Фразеологизмы в романе «Евгений Онегин» соответствуют стилю строфы, обладающей известной самостоятельностью, законченностью. Абсолютное большинство оборотов употреблено без изменений в их структуре. При этом они введены в типичный контекст, реализующий их общеизвестное фразеологическое значение. Но есть в языке романа и примеры авторского употребления, Пушкин одним из первых в русской литературе принимает трансформацию фразеологических оборотов или употребляет их в необычном контексте, способствующем сдвигу или расширению значения фразеологизма. В романе можно встретить отдельные обороты, значение которых противоречит смыслу словесного окружения. Например, характеристику Зарецкого Пушкин дополняет необычным сочетанием *отец семейства холостой*, где определение *холостой* противоречит значению *отец семейства*. И в результате: фразеологизм приобретает расширительный метафорический смысл, служит прозрачным ироническим намеком на безнравственные поступки Зарецкого в молодости:

...Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой...

(гл. VI, IV)

Следует отметить также примеры трансформированного употребления фразеологизмов.

В обязательном словесном составе фразеологического единства *мерить на свой аршин*, имеющем значение *судить о ком-, чем-либо только по своим представлениям*, Пушкин заменяет слово *свой* словом *наш*. В результате меняется предметная соотношенность фразеологизма, сближается его значение со смыслом контекста:

Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?

(гл. IV, XXII)

При такой трансформации оборот, сохраняя свое значение, позволяет понимать его иначе: *судить о ком-, чем-либо (не по своим!) по нашим представлениям*. Это дает

возможность автору сделать фразеологический оборот проникаемым, ввести в него слово *услужливо* с сохранением его номинативного значения. Фразеологизм превращается в полусвободное словосочетание и вместе с контекстом выражает смысл: *в угоду нам оценивать, с нашей точки зрения*, свои дела и мысли.

В романе есть пример и более существенной авторской переделки фразеологического оборота. Так, слово *нетленный* в начале XIX в. имело фразеологически связанное значение, входя в состав сочетания *нетленные мощи*. Пушкин разрывает сочетание на отдельные компоненты и, взяв из них один — *нетленный*, т. е. *не подверженный тлению, разложению*, — соединяет его с другим словом — *пирог* — по принципу свободных словосочетаний: «И Страсбурга *пирог нетленный*» (гл. I, XVI). В результате бывший фразеологический компонент приобретает метафорическое значение.

До А. С. Пушкина в метафорическом расширенном значении слово *нетленный* было употреблено В. А. Жуковским, но в менее удачном контексте: «В *нетленный* с ног до головы *Булат* закован он» («Гаральд», с. 142). После Пушкина в свободном употреблении это слово встречается у многих писателей. «Они создали книги, которых никогда не коснется забвение, ибо в книгах тех запечатлены вечные истины, *нетленной красотой* веет с их страниц» (М. Горький. Читатель.— ССРЛЯ, т. 7, с. 1216). «Искусство берет быстро текущий отрезок эпохи и создает из него *нетленный кристалл*» (А. Н. Толстой. О себе.— Там же).

В процессе длительного употребления в свободных словосочетаниях слово *нетленный* потеряло фразеологически связанное значение. Этому способствовала и постепенная архаизация сочетания *нетленные мощи*. У слова *нетленный* сформировалось значение *вечный*, при этом оно в значительной степени утратило образность.

В 20-е годы А. С. Пушкиным была создана первая реалистическая русская историческая драма «Борис Годунов». О языке драмы написаны специальные исследования⁴⁴. Но фразеологические обороты, употребленные в «Борисе Годунове», пока еще не привлекали внимания лингвистов,

---

⁴⁴ См., например, Городецкий Б. П. О языке трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». — В кн.: Изучение языка художественных произведений в школе. М.—Л., 1953.

может быть, потому, что их там насчитываются единицы. Это обусловлено разными причинами. Фразеологизмы, будучи характерным показателем своеобразия русского народного языка, не введены, например, в речь поляков. Они говорят по-русски, но автор специально лишил их речь русского национального колорита, сделал ее похожей на своеобразную стилизацию русского языка под польский.

Нет фразеологических оборотов и в речи самозванца в сцене у фонтана. Самозванец разговаривает с полячкой Мариной Мнишек, речь его рассчитана на понимание собеседницы, поэтому лишена русской идиоматики. По содержанию — это любовное признание, и речь самозванца изящна, как любовные стихи поэтов Ренессанса, употребление русских фразеологизмов лишило бы ее этих особенностей. Но когда самозванец остается один, язык его резко меняется, приобретает русский национальный колорит: «Нет — легче мне сражаться с Годуновым или хитрить с придворным езуитом, чем с женщиной — *черт с ними; мочи нет*».

Народно-разговорная фразеология характерна для остряка и балагура Варлаама, полуграмотного бродяги-монаха, и хозяйки корчмы в сцене «Корчма на литовской границе». В речи Варлаама: *чем бог пошлет* в значении *что есть, что найдется*; *нюхать кобылу*, по-видимому, в значении *испытывать наказание кнутом*, слово *кобыла* в старорусском языке имело и переносное значение — доска с вырезами для шеи и рук, на которую привязывали осужденного для наказания кнутом. Сравним с фразеологизмом *не нюхал* — *совсем не имеет никакого представления, не испытывал*.

В речи хозяйки корчмы: *добро пожаловать, господь ведает, беса лысого (не поймут)*. Нет необходимости подробно доказывать, что фразеологизмы употреблены в соответствии с характерами действующих лиц и обстоятельствами разговора. С приходом приставов в этой же сцене язык Варлаама теряет непринужденность живой разговорной речи с ее специфическими синтаксическими конструкциями и фразеологией.

Отдельные фразеологизмы книжного характера (например, *не мудрствуя лукаво* в значении *просто, без затей, хитростей*) Пушкин вводит в речь Пимена, бояр, царя Бориса.

Некоторые из рассмотренных фразеологизмов были помещены в «Словаре Академии Российской». Чтобы судить о стилистических и смысловых сдвигах в оборотах, употребленных Пушкиным, следует привести отрывки тех словарных статей, в которых объясняются эти обороты; хотя у составителей первого академического словаря не было еще достаточно полного представления о стилистической окраске слов и фразеологических оборотов, лексикографические сведения о них могут служить в известной мере историческим фоном, подтверждающим наши наблюдения.

Фразеологизм *нет мочи*, употребленный Пушкиным, не выделен специально в статье на слово *мочь*. Как показывает анализ этой словарной статьи, оборот еще только складывался в конце XVIII в., так как слово *мочь* встречалось в свободном употреблении: «МОЧЬ, чи. с. ж., 4 скл. 1) Сила, крепость телесная. Выбился из мочи. Работай, пока мочь есть. 2) В просторечии иногда означает силу душевную. *Мочи нет* сносить, терпеть обид его, притеснений» (САР, 1814, ч. III, с. 874). В начале XIX в. это слово постепенно выходило из свободного употребления, сохраняясь в просторечном сочетании *нет мочи*. Разговорно-просторечный характер носит этот фразеологизм у Пушкина во всех случаях, в том числе и в стихотворении «Бесы»: «Эй, пошел ямщик!..» — «*Нет мочи*: Коням, барин, тяжело» (т. III, с. 176).

Оборот *мир оставить* (XXXIX строфа гл. II романа «Евгений Онегин») в «Словаре Академии Российской» помещен без стилистической пометы: «Оставить свет, мир. 1) Отречься от сего мира, избрать уединенную жизнь. 2) Умереть» (САР, 1794, ч. V, с. 818).

Просторечный фразеологизм *махнуть рукою*, внесенный в авторскую речь XIII строфы гл. VI романа, охарактеризован следующим образом: «*Махнуть рукою*. В просторечии значит: отступить от чего, отчаясь успеха. Он уже и рукою махнул, что вещи сей назад ему не получить» (САР, 1814, ч. III, с. 719). Нейтральный контекст, в котором употреблен этот фразеологизм, в значительной мере изменяет его просторечный характер.

О фразеологизме *повесить нос*: «В просторечии: задуматься, опечалиться, или отчаяться в успехе своего намерения» (САР, 1814, ч. III, с. 1426). Образность этого оборота сохраняется и в пушкинском употреблении, переда-

вая авторское отношение к предмету речи, она прочно удерживает просторечный характер его стилистической окраски.

Обороту *своротить с ума* (XXXVIII строфа гл. VIII романа) соответствует *с ума сбрести, сойти*, помещенному с пометой *в просторечии* (САР, 1794, ч. VI, с. 431). Пушкин, как это видно из контекста, намеренно употребил более сниженный вариант оборота.

В другом случае, при реалистическом описании печальной гибели Ленского, Пушкин намеренно нейтрализует просторечность выражения *след простыл* заменой одного из его компонентов другим словом. В САР: «След простыл. В просторечии употребляется для означения того, что уже давно прошло, чего уже захватить, сыскать не можно. Ушел и *след простыл*» (1794, ч. V, с. 575). У Пушкина в XXXII строфе гл. VI романа читаем: *пропал и след*. Сохранение фразеологизма в неизменном виде (в каком он помещен в словаре) противоречило бы серьезно-печальному содержанию строфы.

Несколько замечаний о фразеологии в языке прозы А. С. Пушкина. Прежде всего следует отметить, что количество фразеологических единиц тут сравнительно невелико. Не имея фразеологического словаря русского языка конца XVIII — начала XIX в., нельзя с точностью сказать, какую часть русской национальной фразеологии использовал Пушкин. Но материалы, выбранные нами из языка русских писателей XVIII — начала XIX в. и из «Словаря Академии Российской 1789—1794 гг.», показывают, что фразеологический словник, отраженный в «Словаре языка А. С. Пушкина», в несколько раз меньше имеющегося в нашем распоряжении словника, составленного на основе этих материалов.

В числе фразеологизмов, которые не использованы Пушкиным и часто встречаются в языке Сумарокова, Фонвизина, Державина, Крылова, можно отметить группу, куда входят фразеологизмы, носившие диалектный характер употребления или ставшие в начале XIX в. архаичными, типа: *провал бы взял (кого)*, *статимое ли это дело*, *съел гриб*, *в сапогах ходить*, *продавать глаза*, *катить головней* и т. п.

Эти фразеологизмы не встречаются и в языке современников и последователей Пушкина — Лермонтова, Гоголя, Тургенева, но многие из них помещены в словаре

В. И. Даля. Можно полагать, что их судьба в языке художественной литературы была предопределена принципом Пушкина в отборе языковых средств народной речи.

Но в прозе Пушкина не употребляются и многие другие обороты, используемые писателями XIX—XX вв. и вошедшие в толковые и фразеологические словари. Этот факт свидетельствует о строгом отборе Пушкиным выразительных средств в соответствии с его принципом «соразмерности и сообразности» и его требованиями к стилю прозы: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» (т. VII, с. 15).

По количеству использованных фразеологизмов художественная проза Пушкина резко отличается от научной, в которой можно обнаружить лишь немногие обороты, стилистически нейтральные, по сравнению с синонимичными им словами точнее выражающие мысль: *дать знать, предлагать свои услуги, упасть духом, от чистого сердца, час от часу* и т. п. В языке художественных произведений Пушкина такого рода устойчивые словосочетания единичны. Они встречаются в авторской описательной речи.

Фразеологизмы с образно-оценочным содержанием, возникшие из народных метафор, сравнений, пословиц вводятся Пушкиным в речь персонажей, они выполняют свое прямое назначение характеризовать предмет речи и вместе с тем служат одним из средств речевой характеристики. Для примера сравним речь работницы в повести «Гробовщик» и речь Дорвиля в отрывке «Через неделю буду в Париже»: 1. «Что ты, батюшка? Не с ума ли спятил, али хмель вчерашний еще у ты не прошел?» (т. VI, с. 128). 2. «Дорвиль: Граф ничего не узнает, мужья никогда ничего не узнают. Месяца через три он приедет к нам из армии, мы примем его как ни в чем не бывало» (т. V, с. 497).

Анализ соотношения экспрессивности фразеологизмов со стилистическим характером контекста в языке Пушкина при учете соответствующих данных из языка других писателей, его современников и последователей, даст возможность определить стилистическую окраску фразеологизмов периода формирования русского литературного языка на национальной основе. Такого рода сопоставительный анализ позволит также точнее определить наиболее употребительную форму того или другого оборота (при нали-

чий вариантов в его компонентном составе), выделить авторские видоизменения. Кстати, авторских модификаций в языке прозы Пушкина (в отличие от языка поэзии) нами не обнаружено.

Анализ фразеологизмов в языке произведений А. С. Пушкина позволяет сделать некоторые выводы.

1. Постепенное нарастание количества разговорно-просторечных фразеологизмов с начала 20-х до 30-х годов подтверждает еще раз правильность утверждений акад. В. В. Виноградова о демократизации стиля А. С. Пушкина в связи со становлением реалистического метода в его творчестве. Эта демократизация стиля связана с изменением взглядов поэта на основу литературного языка в 20-е годы под влиянием изучения богатств живой разговорной речи и языка фольклора. Следует заметить, что основное количество разговорно-просторечных фразеологизмов (как и просторечных слов) употреблено Пушкиным в V, VI главах романа «Евгений Онегин», написанных в с. Михайловском, когда поэт постоянно ощущал живую стихию народного языка.

2. Выбор фразеологических оборотов в языке произведений А. С. Пушкина 20-х годов в отличие от языка его предшественников в русской литературе не зависит от жанра произведения, он мотивирован содержанием и стилистическим характером широкого контекста. Фразеологизмы имеют в тексте определенное назначение:

а) служат одним из средств речевой характеристики персонажей, своеобразным знаком принадлежности человека к определенной социальной среде, в известной мере они отражают и характер изображаемого в произведении человека;

б) стилистическая окраска фразеологизмов позволяет поэту передать авторское отношение к изображаемому, а смысловая емкость и образность дают возможность точно, лаконично и конкретно передать мысль.

3. Наряду с просторечной и разговорной лексикой А. С. Пушкин использует разговорно-просторечную фразеологию для стилизации авторской речи под речь людей той среды, которую изображает, придавая языку этой части произведения непосредственность живой разговорной речи народа. А «разговорность» приближала язык поэзии А. С. Пушкина по выразительным качествам к языку прозы.

4. Широко используя народно-разговорную фразеологию, А. С. Пушкин не отказывается и от традиционно-книжных фразеологических оборотов, за которыми стояла богатая культура русского литературного языка XVIII — начала XIX в. Фразеологизмы этого типа также соотносятся со стилистическим характером контекста.

5. Фразеологизмы как выразительное средство языка широко использовались в художественной литературе и до А. С. Пушкина. Но в отличие от своих предшественников, А. С. Пушкин строже отбирает фразеологизмы из народной и книжной речи, не использует архаичных и диалектных оборотов. Такой подход оказал заметное влияние на других писателей XIX в., современников и последователей Пушкина, что способствовало нормализации фразеологии в литературном русском языке.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИЗМЕНЕНИЯ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ XVIII — XIX вв.

Анализ семантики, компонентного состава, синтаксических моделей фразеологизмов и их валентности позволяет сделать ряд выводов о характере изменений в русской фразеологии в процессе ее развития. Эти выводы, разумеется, ограничены материалом, выбранным из языка 32 писателей XVIII—XIX вв. Но ограниченность примеров не мешает установить некоторые общие закономерности. Не повторяя фактов, уже описанных нами по языку Сумарокова и Давыдова, попытаемся установить основные пути развития фразеологии на материале языка других писателей.

Некоторые фразеологизмы устарели, вышли из употребления (они составляют около 5% общего количества зафиксированных нами фразеологизмов XVIII в.). Часть из них уходит в пассив в наше время.

Другую группу составляют фразеологизмы, в которых произошли изменения в компонентном составе, в синтаксической модели сочетаемости компонентов, в обязательном лексическом окружении и в семантике. Чем же обусловлены эти изменения?

1. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, УТРАТИВШИЕ ВНУТРЕННЮЮ ФОРМУ ИЛИ ЕЕ АКТУАЛЬНОСТЬ

В лингвистической литературе причины архаизации фразеологизмов еще не выяснены. Попытки объяснить эти причины неубедительны. А. И. Молотков утверждает, что устаревают те фразеологизмы, «смысловое значение которых связывается с понятиями, уходящими из жизни»⁴⁵. Как показывают приведенные им примеры уста-

---

⁴⁵ Молотков А. И. Основы русской фразеологии. Автореф. докт. дисс. Л., 1971, с. 33.

ревших фразеологизмов, автор не понимает истинных причин архаизации, что свидетельствует о смещении им функций фразеологизма и слова в языке. Так, смысловое содержание выражений *забрить лоб*—*взять в солдаты*, *христова невеста* — *монахиня*, по мнению А. И. Молоткова, устарело. Можно ли считать эти понятия уходящими из жизни? Устарели в данном случае не понятия, а их мотивированность, тот образ, который заложен в подоснове содержания, внутренняя форма (призывая в солдаты, в наше время не забривают лоб). Утрата внутренней формы или ослабление актуальности фактов общественной жизни, на которые указывает внутренняя форма, — вот причина устаревания названных фразеологизмов.

Мнение А. И. Молоткова о причинах архаизации не оправдывается полностью даже историей лексики. Разве ушли из жизни понятия, выражаемые словами *око*, *соседственный*, *балтийский*, *рыбарь*, *чело*, *перси* и т. п.? А перечисленные слова давно не употребляются в русском языке, потому что они оказались в период образования литературного языка на национальной основе принадлежностью лишь поэтического стиля и были вытеснены словами-дублетами, пришедшими из живой разговорной речи. Непонимание причин архаизации фразеологизмов обусловлено, по-видимому, тем, что в лингвистике до сих пор бытует мнение, что функция слов и фразеологизмов одна и та же. Между тем это, разумеется, не так. Основная функция слов состоит в том, чтобы выражать понятия, а фразеологизмы появляются в языке для того, чтобы через образное представление характеризовать уже названное словом понятие, конкретизировать его через заложенное в содержании представление, выражая отношение к нему, оценку его. То есть фразеология удовлетворяет потребность носителей языка в экспрессивности. Поэтому исчезают те фразеологизмы, которые утратили подоснову содержания (этимологическое содержание, внутреннюю форму). Иначе говоря, утрачивается образ, представление. В ряде случаев образное представление сохраняется, но теряется его актуальность, потому что реальные факты, явления, отраженные в нем, утратили свою важность.

В XVIII — начале XIX в. был известен фразеологизм *в сапогах ходит*, содержание которого можно передать словом *дброг* (но только применительно к товару). Фразео-

логизм помещен в САР (1822, ч. VI) с толкованием: «Поговорка простонародная. Этот товар ходит в сапогах. То есть весьма дорогою, несходною ценою продается». Фразеологизм встречается в языке комедий и других произведений низкого «штиля», как один из показателей просторечия. «Да полно, нынче и винцо-то *в сапогах ходит*; екое времечко, вот до чего дожили; и своего вина нельзя привозить в город: пей-де вино государево с кружала да делай прибыль откушникам» (Н. И. Новиков. Письма к Фалалею, с. 330). С этим фразеологизмом был связан одним из компонентов другой оборот *на сапоги — взятка, подачка сравнительно крупного размера* «Пожалуй, помоги, а от меня ей-ей *придет на сапоги*» (Я. Б. Княжнин. Чудаки, с. 509). И тот и другой фразеологизм исчезли из языка в XIX в. Их архаизация обусловлена утратой актуальности фактов, отраженных внутренней формой: в сознании носителей языка перестало существовать представление о сапогах как о дорогом товаре, а это лишило семантику мотивированности и экспрессии, тех элементов, без которых фразеологизм совпадает по семантике (но не по валентности) со словом, имеющим с ним общую предметную соотношенность, становится избыточным языковым средством и исчезает.

Рассмотренный фразеологизм в русских сибирских говорах соотносится с оборотом *в котях ходит (щеголяет)* с тем же значением *в высокой цене, дброг*. Этот диалектный оборот также выходит из употребления. Его можно встретить лишь в речи немногих старожилов. Причина его архаизации обусловлена утратой представления о котях (женская обувь в виде сапожек) как о дорогой праздничной обуви.

В XVIII—XIX вв. активно употреблялся фразеологизм *под красную шапку (отдать, пойти) — в солдаты (отдать, пойти)*. «Сквалыгин: Кабы это старые времена, так угодил бы он у меня *под красную шапку*» (М. Матинский. Санкт-Петербургский гостиный двор, с. 298). Фразеологизм помещен в Словаре В. И. Даля без толкования значения. В ССРЛЯ он помещен с пометой *устар.* *Ни синий порох — совсем ничего.* «...Великая экономка: у нее *ни синий порох* даром не пропадет; такую-то, сынок, тебе невесту сыскал» (Н. И. Новиков, Письма к Фалалею, с. 353). В ФС фразеологизм помещен в форме родительного падежа основного компонента: *ни синь (синя) пороха*

с пометой *устар.* Последнее употребление его зафиксировано в языке Л. Н. Толстого и В. Г. Короленко. Совершенно очевидно, что тот и другой фразеологизм утратили мотивированность семантики.

По той же причине устарели и другие фразеологизмы: *убить бобра — просчитаться, обмануться в расчетах; объехать след — перехитрить, хитростью опередить кого-либо; грызть зубы (на что) — зариться; съесть гриб — обмануться, просчитаться; под рукою — тайно; убрать в три листа (жого) — быстро и легко расправиться.*

«Простодум: Попался я к пречестным людям в лапки; я без сенаторства, без денег, как без шапки. Ну! *съел я гриб...*» (Я. Б. Княжнин. Хвастун, с. 426). «*Съел гриб наш царь Итаки. И прочь отходит со стыдом*» (Я. Б. Княжнин. Улисс и его спутники, с. 690).

Грибы при их изобилии в России считались самой дешевой пищей. Не случайно возникла поэтому поговорка «*Дешевле грибов*». Архаизации этого оборота могли содействовать более выразительные синонимичные обороты, типа *получить фигу (шиш), убить бобра*. Последний, в свою очередь, также стал архаизмом, утратив внутреннюю форму. При установлении причин архаизации необходимо учитывать языковое восприятие людей, носителей языка, живших в тот период, когда изучаемый фразеологизм не был еще архаичным.

Так, в русском литературном языке XVIII—XIX вв. были известны два фразеологизма, возникшие из крылатых слов: *Аредовы веки (жить, прожить); Мафусаилов век (жить, прожить)*. С точки зрения современного русского человека, эти фразеологизмы можно считать абсолютными синонимами: они означают *жить очень долго*, и ничего другого, что их различало бы, у них нет. «Кто дал отечеству премудрые законы, Блаженство общее кто собственным нарек, Кто новый кажет блеск вседневно от короны, Та царствуй и живи *Мафусаилов век*» (И. Ф. Богданович. Стансы, с. 177). «Мне ведь *не Аредовы веки жить*, а как умру, то и все останется, и совсем не знаю кому» (М. Д. Чулков. Пригожая повариха, с. 168). «Ведь постылый-то муж — беда, матушка! А он, проклятый, чего доброго, *проживет Аредовы веки!*» (М. Н. Загоскин. Брынский лес, ФС, с. 58).

В начале XIX в. при употреблении этих фразеологизмов в сознании говорящих, по-видимому, еще сохранилось

представление о библейских патриархах Мафусаиле и Иареде, первый из них якобы прожил 969 лет, второй — 962 года. Представление мешало полной фразеологизации этих выражений и их синонимии. Знание библейской легенды о патриархе Мафусаиле позволило Г. Р. Державину употребить это имя собственное в свободном словосочетании: «Во сонме всадников блистал И в смертный черный одр упал! Где слава? Где великолепье? Где ты, о сильный человек? *Мафусаила долголетье* Лишь было б сон, лишь тень наш век» («Водопад», т. I, с. 326). В наше время, когда книги религиозного содержания потеряли свою актуальность и известны лишь специалистам, представления о сюжетах, послуживших основой для некоторых книжных фразеологизмов, утрачены. В результате исчезли мотивированность их семантики и прежняя экспрессивность.

В некоторых случаях устаревание фразеологизмов нельзя объяснить утратой мотивированности в семантике. В XVIII—XIX вв. был в употреблении фразеологизм *взять перед* в значении *опередить*. «Скот глухой *взял перед!* А по какому праву? — шумела Выжлица, — иль я не удала, не обгону его на славу» (И. И. Дмитриев. Апологи, с. 96). «Всяк рвенье прилагает к рвенью, чтоб у передних *взять перед*» (Г. Р. Державин. Горелки, т. I, с. 386). Писатели XIX в. не использовали этот фразеологизм из-за его недостаточной выразительности, описательности (оборот напоминает перифразу, при выражении мысли он ничего не добавляет к словам *опередить*, *обогнать*). Этим и можно объяснить его архаизацию.

То же можно сказать об уходе в пассив фразеологизмов *малой руки* — *о чем-либо небольшом, несущественном; не последней руки* — *не из худших, не из последних*. «...Он велик ростом, тонок и нескладен, голова у него очень *малой руки*...» (М. Д. Чулков. Пересмешник, или славянские сказки, с. 96). «Любовница сего атамана, которая была не выданная и *не последней руки* красавица, обходилась со мною не так, как моя тетка...» (Там же, с. 116). В Словаре В. И. Даля в качестве иллюстрации помещена поговорка: «Бывают дураки *средней руки*, а наши дураки *последней руки*».

Причиной устаревания некоторых фразеологизмов была, по-видимому, чрезмерная гиперболичность выражаемого ими образного представления, из-за чего семантика

не имела достаточно точной мотивированности. К такому прежде всего следует отнести оборот *продавать глаза*, который помещен в САР (1806, ч. I) в значении *заглядеться, зазеваться, праздно шататься*. «Все молоко-сосы собираются быть Парисами и продают глаза свои на вас» (М. Д. Чулков. Пригожая повариха, с. 169). В языке писателей XIX в. этот оборот не обнаружен.

Из всех фразеологизмов, отмеченных нами в языке писателей второй половины XVIII — начала XIX в., только один устарел потому, что ушло из жизни понятие, на которое указывает его семантика, — *крапивное семя*. «Сквалыгин: Эх, кабы зять-то мой смахлевал это дельце-то! Уж бы остригли мы плотно этих бедняков, а там бы постарался я и зятюшку-та от себя отбойрить. Ведь он *крапивное семя!*» (М. Матинский. Санкт-Петербургский гостинный двор, с. 303—304). Первоначально оборот представлял собой презрительное прозвище приказных и подьячих в Московской Руси. В XVIII—XIX вв. им характеризовали чиновников-взяточников и крючкотворов.

Мы рассмотрели фразеологизмы, вышедшие из употребления как экспрессивно-оценочные единицы языка, хотя понятия, выражаемые ими, не устарели, о чем свидетельствуют слова, употребляемые в современном русском языке и имеющие активное понятийное содержание (сравни: *съесть гриб* — просчитаться; в *сапогах ходит* — дóрог и др.).

В связи с этим встает вопрос об объеме семантики фразеологизмов и соотносимых с ними слов.

Если учесть, что семантика слов складывается из трех факторов: 1) номинативной функции или денотативного значения, основанного на соотношении слова с фактами реальной действительности; 2) интеллектуального содержания или сигнификативного значения; 3) структурного значения, отражающего релятивные свойства слова, обусловленные его внутренними и внешними языковыми отношениями, — и перенести эти составляющие на фразеологизм, то совершенно очевидно, что второй элемент семантики фразеологизма, синонимичного слову, будет иметь свои присущие ему специфические особенности, основанные на представлении о каком-либо факте или явлении действительности. Чаще всего не совпадает и третий элемент содержания фразеологизма и соотносимого с ним слова.

Основой синонимичности у слов считается общность их номинативной функции, и, стало быть, для синонимичности слова и фразеологизма нужно совпадение их денотативного значения. Если этимологический элемент содержания фразеологизма не утрачен (а он не может совпадать с внутренней формой соотносимого с фразеологизмом слова!), то едва ли в этом случае слово и фразеологизм, имеющие общий денотат, будут синонимами. Ведь фразеологизмы употребляются в языке, чтобы прежде всего характеризовать называемые предметы или явления, удовлетворяя потребности говорящего в экспрессивности.

Поэтому лишь немногие фразеологизмы, главным образом те, которые утратили внутреннюю форму (а вместе с ней могут исчезнуть и экспрессивно-оценочные признаки), становятся синонимичными словами. Но в этом случае, утратив свои характерные фразеологические качества, фразеологизмы (как это показано на рассмотренных выше примерах) перестают быть необходимыми единицами языка.

На наш взгляд, синонимичными словами могут быть фразеологизмы описательного типа, не имеющие образной внутренней формы (*принимать участие* — участвовать; *как водится* и др.). Можно утверждать, что количество лексико-фразеологических синонимов в языке незначительно.

Примечательны в связи с этим сведения о лексико-фразеологических синонимах английского языка, которые приводит А. В. Кунин в статье «За дальнейшее укрепление позиции фразеологии как „лингвистической дисциплины“», опубликованной в Трудах Самаркандского университета в 1963 году. По мнению А. В. Кунина, в английском языке только три процента фразеологизмов имеют лексические синонимы. Разумеется, наше утверждение о признаках лексико-фразеологических синонимов не претендует на окончательность. До тех пор, пока не будут изучены на большом фактическом материале лексико-фразеологические соответствия, нельзя в категоричной форме высказывать мнение о критериях синонимичности слов и ФЕ.

В лингвистической литературе имеется значительное количество работ о лексической и фразеологической синонимии, где предпринимаются попытки характеризовать и лексико-фразеологические семантические отношения.

Для выявления общих и различных признаков лексических и фразеологических синонимов несомненный интерес представляет статья Л. И. Ройзензона и Ю. Ю. Авалиани «Синонимические отношения слов и фразеологических сочетаний» («Лексическая синонимия». М., «Наука», 1967). Авторы статьи устанавливают, что фразеологизмы соотносятся не со всеми частями речи. Поэтому не каждый фразеологизм может иметь лексический синоним. Различный диапазон синтаксических связей у слов и фразеологизмов сокращает возможности для их семантического сближения и взаимодействия. В этой же книге опубликована статья К. С. Горбачевича «О переменном характере лексической синонимии», в которой говорится: «Понятие „синонимы“ подразумевает наличие минимум двух слов, соотносительных в значении (или значениях) и взаимодействующих в определенной системе языка. Одна лишь смысловая близость или даже тождество не образует синонимических отношений».

Ю. Ю. Авалиани и Л. И. Ройзензон указывают на различный стилистический характер фразеологической и лексической доминант, на редкие случаи многозначности ФЕ, что, по нашему мнению, ограничивает их возможности в синонимическом сближении со словами.

Нельзя, на мой взгляд, согласиться с утверждением авторов этой статьи в том, что среди ФЕ больше дублетов, чем среди лексем. Если иметь в виду сложный характер фразеологической семантики, где этимологический элемент (если он сохранился) играет важную роль в мотивированности семантики и экспрессивности и не может совпадать у ФЕ с одним денотативным значением, то едва ли в этом случае можно говорить о дублетности фразеологизмов.

Вопрос о различного рода соотношениях ФЕ и лексем остается пока далеко не разрешенным, хотя и является предметом активного обсуждения.

2. ВЛИЯНИЕ СИСТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ НА АРХАИЗАЦИЮ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В ряде случаев устаревание обусловлено системными связями фразеологизмов между собой и их компонентов со словами. Причину эту нельзя считать главной, но учитывать ее все-таки нужно.

Первые наблюдения над взаимосвязью в семантике слов были сделаны в конце прошлого века. Русский ученый М. М. Покровский утверждал, что значения одного слова и история их развития могут быть поняты только при сопоставительном изучении со значениями других слов, относящихся к одному кругу представлений. Он писал: «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе) независимо от нашего сознания в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению»⁴⁶.

Вполне понятно, почему рассуждения М. М. Покровского о взаимосвязях в семантике слов носят общий характер: лингвистическая наука, и прежде всего семасиология, находилась тогда в зачаточном состоянии. В развитии взглядов на системные отношения слов в языке известную роль сыграли исследования В. Вунда о роли ассоциативных связей в изменении лексических значений («регулярные» и «сингулярные» связи). В высказываниях В. Вунда много субъективизма, мало доказательности, они основаны (особенно рассуждения о «сингулярных» связях) на интуиции. Но отрицать значение этих высказываний нельзя, особенно в изучении контактных связей слов в языке художественной литературы.

Научное понимание языка как системы и изучение системных связей в нем сформировалось и утвердилось в XX в. после появления работ Фердинанда де Соссюра и не без влияния теории семантического поля. Наиболее плодотворно исследуются системные связи на материале фонетики. Изучение их на семантическом уровне в лексике только начинается. Из работ советских лингвистов, рассматривающих системные отношения между лексемами, следует прежде всего назвать статьи Ю. Д. Апресяна⁴⁷, посвященные дистрибутивному анализу семантики слов, установлению соотношения компонентов значения

---

⁴⁶ Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959, с. 78.

⁴⁷ Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля. — «Лексикографический сборник». М., 1962, вып. V; Он же. К вопросу о структурной лексикологии. — «Вопросы языкознания», 1962, № 3; Он же. Лексические синонимы. Актуальные проблемы лексикологии. — «Тезисы докладов лингвистической конференции». Новосибирск, 1969, вып. II, ч. I.

семантически контактирующих слов. Этот способ анализа позволяет, прежде всего, установить, какой своей частью семантика одного слова накладывается на семантику другого, чем отличаются значения семантически контактирующих слов, установить различия слов в валентности. А все это дает возможность перейти от общих разговоров к конкретному выявлению таких лексических пластов, которые можно назвать «лексическими микросистемами».

В некоторых работах о системных связях слов, принимаются попытки применить способы лингвистического анализа, оправдавшие себя в фонологии. Практически такие попытки сводятся к установлению так называемых оппозиций (противопоставлений) в семантике слов, выражающих однородные или близкие понятия. Безрезультатность такого механического переноса фонологического метода в лексикологию очевидна: фонетика любого языка как предмет фонологии представляет собой устойчивую закрытую систему со строго определенным количеством членов, каждый из них выполняет в ней свою функцию, имея ограниченное число фонологических признаков, которыми фонема противопоставляется другой. Лексика же, своим содержанием отражая все многообразие окружающей действительности, через стилистическую окраску передает отношение говорящего к заключенному в ней содержанию. К тому же, отражение понятий через семантику в словах в каждом национальном языке распределяется по-своему. Связи между семантикой слов очень сложны.

В науке нет пока единого понимания лексической системы. Ф. П. Филин выделяет разряды слов в зависимости от семантики, отличая от этих групп тематическое объединение слов. Распространено и другое, широкое, понимание системы, под которой подразумеваются все слова, входящие в тот или другой язык. Такой взгляд не помогает установить конкретный характер связей в семантике слов и фразеологизмов. Для нас ближе понимание системы, принятое в точных науках, где системой называют совокупность некоторого количества одинаковых или различных элементов, объединенных между собой в единое целое посредством прямых или обратных связей (связи — воздействия элементов системы друг на друга). Отношения (связи) между элементами носят наз-

ванне системных отношений. Этим термином мы и будем пользоваться в дальнейшем.

Всю совокупность лексико-фразеологических отношений можно свести к трем основным типам: 1) фразеологизм в целом, отражая своей семантикой какое-либо понятие, может логическим содержанием соотноситься со словом (*спустя рукава — плохо*), отличаясь от него внутренней формой и оценкой понятия, которые придают семантике фразеологизма дополнительные оттенки *спустя рукава — плохо и небрежно*) и стилистическую окраску; исчезновение (забвение) этих дополнительных семантико-стилистических признаков во фразеологизме делает его идентичным слову, в результате чего фразеологизм становится избыточным фактом языка; 2) компоненты фразеологизма соотносятся со словами свободного употребления и могут реагировать на изменения, которые претерпевают эти слова в содержании, форме и в сферах употребления; 3) фразеологизм может семантически контактировать с другим фразеологизмом, вступая с ним в синонимические связи.

Эти связи носят и более сложный характер, выходящий за пределы синонимических отношений.

Каждый фразеологизм в период становления представляет собой метафору или сравнение, или часть пословицы, крылатого выражения и фонетическим, лексическим составом компонентов, синтаксической моделью их сочетаемости соответствует нормам языка своего времени. Будучи первоначально свободными словосочетаниями, из-за длительного употребления в постоянном лексическом окружении метафоры, сравнения, крылатые выражения фразеологизируются, приобретают постоянную предметную соотнесенность в содержании, теряя первоначальную образность. Слова, входящие в оборот, теряют свое первичное содержание и семантическую связь с соответствующими словами свободного употребления. В результате все выражение приобретает устойчивость в составе компонентов и обобщенный смысл, фразеологическую семантику, которая, несомненно, во многом отличается от семантики слова. Наличие общего смысла у фразеологического единства, в разной степени утратившего связь с содержанием составляющих его слов-компонентов, раздельнооформленность, экспрессивность, оценочность, своеобразие внешних и внутренних связей и

другие признаки — все это дает основание считать фразеологизмы особыми единицами языка.

Но значит ли это, что компоненты фразеологизма совершенно утратили семантические и формальные признаки слова? В лингвистической литературе известна такая точка зрения, согласно которой по компонентному составу фразеологизмы не соотносятся со словами свободного словосочетания, потому что в последнем слова реализуют свою нормативную семантику, а компоненты не реализуют своего значения, следовательно, их нельзя назвать словами⁴⁸. Если согласиться с этим безоговорочно, то, естественно, надо сразу же отказаться от мысли о влиянии изменений в лексической системе языка на изменения в составе компонентов фразеологизмов.

Анализ фактического материала заставляет считать эту точку зрения излишне категоричной. Постоянство состава компонентов и модели их сочетаемости, обусловленное семантикой фразеологизма, придает ему устойчивость от влияний лексики языка. Но эта устойчивость относительна. Влияние лексики на компоненты проходит непоследовательно: даже выпадение слова из языка в результате архаизации не во всех случаях вызывает замену соответствующего этому слову компонента фразеологизма.

Ю. Ю. Авалиани и Л. И. Ройзензон, как мне представляется, справедливо считают, что полного разрыва между семантикой фразеологических компонентов и соответствующими словами лексической системы языка нет, что семантика последних является основой фразеологической семантики.

Эта мысль подтверждается и М. М. Копыленко в его работе «Структура сильно идиоматичных сочетаний-обстоятельств», опубликованной в Трудах Самаркандского университета в 1971 году: «Мы считаем, что смысловые и структурные связи полностью утрачиваются лишь в самых редких случаях, когда комплексе состоит полностью из архаичных, весьма слабо связанных с лексикой современного языка единиц (*ничтоже сумняшеся, шуры-муры*). За исключением этих случаев всегда сохраняются живые ассоциации с явлениями массового ре-

---

⁴⁸ Наиболее последовательно эта точка зрения представлена в предисловии к «Фразеологическому словарю русского языка». М., 1968.

чевого общения, а следовательно, и упомянутые связи» (разрядка моя. — А. Ф.).

Например, в XVIII — начале XIX в. в русском языке существовало слово *пахви* в значении *седельный ремень с кольцом, в которое продевали хвост лошади, чтобы седло не сползло, не сбивалось к шее*. Если это случалось, седло сбивалось с пахвей, ехать было трудно, неудобно. Слово входило в качестве компонента во фразеологизмы *сбить (сшибить) с пахвей, сбиться с пахвей*, которые означали: 1) привести кого-либо в замешательство, в состоянии растерянности; 2) прийти в замешательство, стать растерянным. «Хватов: Нет ни одного на свете умницы, которого бы любовь с пахвей не сшибла» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 445). «Вы так уже сбились с пахвей в своем патриотическом восторге, что не знаете на чем решиться» (П. Вяземский. Старая записная книжка. — ССРЛЯ, т. 9, с. 319).

Слово *пахви* вышло из употребления в XIX в. из-за исчезновения соответствующей реалии. Трудно установить, сразу ли это вызвало архаизацию фразеологизмов. Словари не дают на этот счет достаточно точных сведений. Надо полагать, вначале была утрачена внутренняя форма, образное представление, которое мотивировало логическое содержание. Утрата мотивированности семантики способствовала стиранию оценочности. В результате произошло синонимическое сближение этих оборотов с фразеологизмами *сбить(ся) с толку, сбить(ся) с панталыку*. Возникла избыточность фразеологизмов. Оборот *сбить(ся) с пахвей*, менее значимый по сравнению с другими в синонимическом ряду, стал архаичным и исчез из языка.

Тот же процесс архаизации был характерен для других фразеологизмов, активно употреблявшихся в XVIII в.

Кока с соком — достаток, богатство. В САР: «Кока. Простонар. Яйцо куриное». В словаре В. И. Даля: «Кока с соком. Богатство, достаток». «Матвей:... они ахнут, увидя эти деньги, теперь и у меня есть кока с соком» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 456). «Хитролис: Она не стара и не дурна и принесет с собой коку с соком. Не думайте-ка долго, а соглашайтесь: вы с ней будете жить, как сыр в масле» (Г. Р. Державин. Рудокопы, т. IV, с. 577).

Дать перебяку (кому) — ударить. В Словаре В. И. Даля: «бьять. Пер. смл. Бросать, ронять со стуком, гро-

хотом». «В одном богатыреї ведет отвага в драку, Парис Фетидину дал сыну перебьяку» (А. П. Сумароков. Эпистола II, с. 123).

Провал бы взял (кого, что) — 1) пожелание (чаще шутовское) кому-либо беды, высказываемое в виде брани; 2) пожелание чему-либо исчезнуть. В САР: «Провал. Отверстие в твердом теле... *Провал бы взял.* Образ простонародной брани или укоризны, иногда уверения». В Словаре В. И. Даля: «*Провал:* провалившееся место, яма, впадина». «Смекалов и Разживин: Может быть, и то придет, Самого *провал возьмет*» (М. Матинский. Санкт-Петербургский гостинный двор, с. 279). «Сквалыгин (про себя): Не знаю, что с ними делать. Вижу, что взять печего, а простить жаль. *Провал вас возьми!*» (Там же, с. 303). «Лесник: *Провал бы ты взял,* как напугала меня; чуть-чуть душа не выскочила» (Н. П. Николев. Розана и Любим, с. 200). «Митрофан: *О, провал тебя поberi!* я только разоспался, а ты меня, дьявол, будишь» (П. А. Кропотов. Фомушка — бабушкин внучек, с. 371). «*Провал бы эту ношу взял!* — крестьянин проворчал. — Я эту ношу сброшу» (И. И. Хемницер. Крестьянин с ношею, с. 65). «Так ты думаешь, красная девица, что мы воры? Лукерья: *Провал вас возьми!* Как же не воры?» (Г. Р. Державин. Дурочка умнее умных, т. IV, с. 462). «*Провал их поberi,* — вскричал Нептун, — пообедаем поскорее и оставим здешние места» (И. А. Крылов. Почта духов, с. 238).

Не в пронос — с уговором: никому не рассказывать. В САР: «*Пронос.* Разглашение, рассказ другим говоренного в тайности. Пронос сделал слуга болтливый. *Не в пронос.* В образе наречия. С уговором, чтобы никому не рассказывать». «*Не в пронос* сказать о нашем Абдуле Еремеевиче: хотя он недолго пожил при монастырских крестьянах, да уже всех дочек выдал замуж» (Н. И. Новиков. Письма к Фалалею, с. 357). «Дело такое — *проносу* не любит, надо по тайности» (П. И. Печерский. В лесах. — ССРЛЯ, т. 11, с. 1242). «*Не в пронос* мое слово будь сказано, — запинаясь на каждом слове, отвечал Чубалев» (П. И. Печерский. На горах. — Там же). «Может статься, так слово какое *в пронос* сказал, а ты на себя взял» (Григорович. Антон-Горемыка. — Там же).

На свой салтык — по-своему. В Словаре В. И. Даля: «*Салтык.* Лад, склад или образец». «Этот перекапывает

на свой салтык статьи из славного аглинского «Смотрителя» (Н. И. Новиков. Трутень, с. 311). «Добров: У них все на один салтык заведено» (В. В. Капнист. Ябеда, с. 540).

Поставить на правёж — допрашивать с применением силы, истязая. В САР: «Правёж. Допрашивание, взыскание денег со истязанием». В Словаре В. И. Даля: «Правёж, стар. Взыскание долга, пени и вообще денег с истязанием. Поставить кого на правёж». «Проторгуев: Ну так что же ты меня как на правёж поставил?» (М. Матинский. Санкт-Петербургский гостиный двор. с. 266).

Трясти мошной (мошной) — тратить деньги попусту, транжирить. В ССРЛЯ: «Мошна, ы, род. мн. шон, дат. шнам, Ж. I. Устар. Мешок для хранения денег, кошелёк». «Я трес мошною, как дурак, Платил, платил, — Не тут-то было» (Я. Б. Княжнин. Ладно и плохо, с. 694).

Играть в ёдну — быть, находиться наедине с самим собой; разговаривать с самим собой. В Словаре В. И. Даля: «Едный. Один или единственный». «Пролаз: Лентягина теперь играть изволит в ёдну, т. е. сама с собой изволит говорить» (Я. Б. Княжнин. Чудаки, с. 537).

Влияние архаичных слов на соответствующие компоненты фразеологизмов отличается непоследовательностью, причины которой недостаточно ясны. Например, в XVIII—XIX вв. в русском языке существовало слово *личина* в значении *накладка, скрывающая лицо, маска*. С этим значением оно входило в состав фразеологизмов *снимать личину (с кого)* — *разоблачать, надевать личину* — *скрывать свое подлинное лицо, прикидываться кем-либо, каким-либо*. «Он со всякого лукавца снимает личину и всякого повесу осмеивает» (В. И. Лукин. Щепетильник, с. 97). «Враг был всюду, просачивался во все щели, надевал всевозможные личины. То простым шпионом проползал ночью через пограничное болото, то ловко опутывал простодушных граждан, превращая их в своих агентов» (А. Н. Толстой. Разгневанная Россия. — ССРЛЯ, т. 6, с. 292). Вместе с архаизацией слова *личина* в русском языке вышел из употребления только первый фразеологизм *снимать личину (с кого)*, второй — *надевать, носить личину (маску)* продолжает существовать. Исчезновение первого, надо полагать, содействовало употреблению синонимичного фразеологизма с прозрачной

внутренней формой *срывать маску (с кого)*, обладающего большей экспрессивностью.

Можно отметить и другое явление, когда исчезновение фразеологизма или переход его в пассивный запас обуславливает архаизацию слова в языке, ограниченного употреблением главным образом в составе фразеологизма.

В XVIII—XIX вв. в лексике русского языка было известно слово *бирюлька*, чаще в форме множественного числа — *бирюльки*; в значении *мельчайшие деревянные и металлические вещицы в виде палочек, крючков, шляпок, лесенок* и т. п. Слово употреблялось в названии игры — *игры в бирюльки*. В САР (1806, ч. I) это выражение растолковано следующим образом: «Взяв пучок бирюлек, состоящий из известного числа, окружив двумя палочками и сравнив, распустить так, чтобы упали крест-накрест, а потом крючком подымать одну бирюльку за другую, чтобы подлежащую и прикосновенную не пошевелить». Вместе с тем это выражение имело и вторичное, метафорически разившееся значение, отраженное в том же словаре, из слов *бирюлька* и *играть*: 1) *играть в бирюльки* значит в смысле переносном: *лишившись успеха в каком-либо намерении, заниматься чем-нибудь тщетным*; 2) *играть в бирюльки* в просторечии значит: *за неимением дела заниматься пустяками*. Первое, «номинативное» значение этого оборота было широко известно в XVIII—XIX вв., поскольку существовала еще такого рода игра. «Но будет-таки кто-нибудь, с кем в долгие зимние вечера можно хоть *поиграть в бирюльки*» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, с. 125). Естественно, что чисто фразеологическое значение *заниматься пустяками* было не менее, а более актуальным у этого выражения. Слово *бирюлька* существовало в лексической системе языка только потому, что оно входило в состав фразеологизма: предмет, названный этим словом, имеет единственное назначение в соответствующей игре. Поэтому слово *бирюлька* находилось в полной зависимости от фразеологизмов *играть в бирюльки*, *игра в бирюльки*. В наше время игра в бирюльки устарела, она забыта, едва ли кто-нибудь, кроме филологов или этнографов, знает, что означает слово *бирюлька*. Оно вышло из употребления, а современные словари отражают его только по лексикографической традиции. Поэтому и в переносно-обобщенном

значении это выражение теряет мотивированность и оценочность в семантике, что в свою очередь вызывает и утрату экспрессивности фразеологизма, переводит его в пассивный запас.

Рассмотренные немногочисленные примеры отражают две основные причины архаизации фразеологизмов. Они подтверждают мнение о том, что компоненты фразеологизма в сознании носителей языка соотносятся с соответствующими по форме и содержанию словами, находятся с ними в отношениях, которые можно назвать системными.

Но в русском языке имеется и значительная группа фразеологизмов с архаичными компонентами, соответствующими словам, давно уже вышедшим из свободного употребления: *турусы на колесах — чепуха, вздор; бить баклуши — бездельничать; точить балясы — попусту болтать* и т. п. Совершенно очевидно, что внутренняя форма в таких оборотах утрачена, но это не вызвало архаизации фразеологизмов: они сохранили свои экспрессивные качества. Причина их активного употребления в языке, по-видимому, объясняется преобладанием экспрессивности над предметным содержанием, так же как в словах типа *шалава, охламон* и т. п. Экспрессивность поддерживается и контекстом речи и ситуацией разговора. Небезразличен, по-видимому, и звуковой состав. К тому же, семантика и экспрессивность этих оборотов не дублируются другими ФЕ.

Значительно последовательней влияют на фразеологизмы изменения в грамматических формах языка и в семантике служебных слов.

В XVIII в. был известен фразеологизм *праздновать трусу — робеть, трусить*. «Старокопейкин: *Трусу*, Сидоровна, *празднуешь!* Политика политикой, а драться надобно» (Г. Р. Державин. Дурочка умнее умных, т. IV, с. 452). «...Перевозчики И днем-то *трусу празднуют*, Паром у них худой» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо, ФС, с. 351). В XVIII — начале XIX в. глагол *праздновать* иногда управлял дательным падежом имени. К концу XIX в. эта форма стала архаичной. Более распространенным был винительный падеж: *праздновать Пасху, Ильин день, Петров день* и т. п. По аналогии с этой формой изменилась и синтаксическая модель приведенного фразеологизма. В современном русском языке он известен только в форме *праздновать труса*. «Витька уже

не казалась мне сказочной хозяйкой горных духов. Просто... костлявая, некрасивая девчонка. И перед этой-то девчонкой я *праздновал труса*» (Ю. Нагибин. Эхо. — ФС, с. 381). «*Труса празднуешь?* Кэргин вынужден был сознаться, что в самом деле немного оробел» (К. Седых. Даурия. — Там же).

Для XVIII — начала XIX в. была нормативной форма фразеологизма *сплескивать руками — подняв руки, ударять в ладоши* в знак радости, удивления. «Старуха няня, видя сие дикое, уединенное жилище посреди непроходимого леса, видя сих вооруженных людей и приметив на лицах их нечто суровое и свирепое, пришла в ужас, *сплеснула руками* и закричала...» (Н. М. Карамзин. Наталья, боярская дочь, т. I, с. 644). «— Да за кого же царь сватает Наташу?— За арапа Ибрагима. Старушка ахнула и *сплеснула руками*» (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого, т. VI, с. 43). В этой же форме фразеологизм помещен в САР (1822, ч. III): «*Сплеснуть руками*. Ударить ладонь об ладонь для изъявления сильной печали, гнева, и проч». Эта форма компонента, по-видимому, была единственной и, когда в свободном употреблении возникла новая приставочная форма *всплескивать*, соответственно изменилась и приставка в глагольном компоненте фразеологизма.

Архаизация синтаксических отношений между предлогом *сквозь* и именем существительным в середине XIX в. вызвала изменение в синтаксической структуре фразеологизмов *сквозь пальцев, сквозь зубов*, известных в XVIII — начале XIX в. «... Ежели начальствующие в губернии и управители таможен сами поводом будут к злоупотреблениям, а я буду на сие *смотреть сквозь пальцев*, то худой я буду оберегатель торговли» (Г. Р. Державин. Переписка, т. VI, с. 10). «...Сказал... *сквозь зубов*: «Напиши о ней докладную записку» (Г. Р. Державин. Записки, т. VI, с. 517). «Молодой вельможа, выслушав все с смущением, несколько минут молчал, а потом *сквозь зубов* сказал: «Не можно ли без дальней огласки миролюбием кончить сию тяжбу» (Г. Р. Державин. Записки, т. VI, с. 591). Эта форма управления была еще употребимой в языке Пушкина. «И долго будто *сквозь тумана* Она глядела им во след» («Евгений Онегин», гл. VII). В говорах Искитимского района Новосибирской области эта форма фразеологизма продолжает сохраняться.

«На нас, пенсионерок, председатель смотрит *сквозь пальчиков*»⁴⁹.

В XVIII в. активно употреблялся фразеологизм *стать в пень* — *прийти в крайнее недоумение, замешательство*. «Праволов:... а с ним весь бился день: Как зайкнется, ну, так тут и *станет в пень*» (В. В. Капнист. Ябеда, с. 565). «Во сне и мать и дочь от страха *стали в пень*, не зная, что начать...» (Я. Б. Княжнин. Попугай, с. 713). «Верхолет: Он сделал то со мной, что в самый свадьбы день я от бездельства сего мошенника *стал в пень*; И право, как мне быть, того не разумею» (Я. Б. Княжнин. Хвастун, с. 323). «Гоняясь за ним напрасно, *стал он в пень*. Что делать?» (И. И. Дмитриев. Человек и конь, с. 76). «Но вечер вдруг повстречалась Лебедь белая со мной... Хвать в колчан... ан стрел уж нету: Лук опущен; *стал я в пень*» (Г. Р. Державин. Стрелок, т. II, с. 153). «Сорвавшись, увязил в снег по колени ноги. Не могли нового пути себе открыть. — Что делать? — *Стал он в пень*, стал горьки слезы лить» (Г. Р. Державин. Басни и притчи, т. III, с. 454). «Но они понадорвали Свой живот и *стали в пень*; Что искали, не сыскали И исчезли будто тень» (Г. Р. Державин. Царь-девица, т. III, с. 88).

Писатели XVIII в. иногда употребляли этот фразеологизм и переносно, изменяя его окружение. «Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и *стало в пень*» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, с. 182).

В этом обороте предлог *в* с винительным падежом имени имеет значение сравнения (сравни — *в версту длиною, высотой в рост человека* и т. п.). Значение предлога перестало быть синтаксически актуальным при образовании словосочетаний по той же синтаксической модели, что вызвало затемнение образного содержания оборота *стать в пень* и привело его к архаизации. Известную роль в вытеснении этого оборота могли сыграть фразеологизмы *стать в тупик, стать как пень*, обладающие ясной мотивированностью.

Во фразеологизмах *плясать по (чьей-либо) дудке, о своем ли ты (он) уме* произошло «выравнивание» устаревшей синтаксической модели под влиянием современной.

⁴⁹ Картоотека словаря русских говоров Сибири ИИФФ СО АН СССР.

Предлог *по* с дательным падежом имени имел значение *в соответствии с*. Предлог *о* (*об*) с предложным падежом имел значение *около* (*об этой поре, об осени* это было). «Дурак:... А его зовут дураком за то, что он *по* жениной *пляшет дудке*. Что дела кому до этого, *по чьей бы дудке я не плясал?*» (А. П. Сумароков. Вздорщица, с. 159). «...И сожителъ ее *пляшет по ее дудке* (М. Л. Чулков. Пересмешник, или славянские сказки, с. 122). «Наживи себе там хороших защитников да приезжай сюда; тогда весь город и уезд *по нашей дудке плясать будет*» (Н. И. Новиков. Письма к Фалалею, с. 350). «...Он должен имениннику *по* векселям шестьдесят тысяч рублей и для того часто *пляшет по его дудке*» (И. А. Крылов. Почта духов, с. 650). «Матвеевна: О мущины! мущины! неблагоприятнейшия для нас животныя! Пока мы молоды, милы, прекрасны, то и вы *плясаете по нашей дудке*; а когда пора наша пройдет, то скидаете с себя личину» (Г. Р. Державин. Рудокобы, т. IV, с. 567). В XIX в. этот фразеологизм продолжает употребляться в той же форме и с тем же значением *поступать, вести себя так, как угодно кому-либо*. «Как смели пустить к себе Фомина, когда ты принять его не хотела? Да и ты хороша. Ты *плясешь по их дудке*; платишь деньги, кто только попросит; эдак хозяйство не пойдет» (А. С. Пушкин. Письмо Н. Н. Пушкиной, 16 дек. 1831, т. X, с. 396). «Нет, — прибавил я потом, — я неправду говорю, что мне не хочется с ними ехать; но я рад, что не поеду. — И отлично, — сказал он, — живи по-своему и не *пляши ни по чьей дудке*, это лучше всего» (Л. Н. Толстой. Юность, т. I, с. 227).

В Словаре В. И. Даля в статье на слово *плясать* помещены фразеологизмы *плясать под чужую дудку* и *плясать по чужой дудке* с различиями в толковании их значений: *плясать под чужую дудку* — *льстиво исполнять чужую волю*; *плясать по чужой дудке* — *исполнять ее* (чужую волю. — А. Ф.) *поневоле, нехотя*. Эти различия семантики, вероятно, не учитывались в разговорной речи. Поэтому к концу XIX в. под влиянием перспективной синтаксической модели типа *плясать под музыку, спать под шумок дождя, шел под песенку* и т. п., где *под* употребляется с винительным падежом имени в значении *делать что-либо в сопровождении каких-либо звуков*, — происходит вытеснение оборота *плясать по дудке* оборотом *плясать под дудку*. Фразеологизм *о своем уме* — в нормальном

психическом состоянии — в XVIII — начале XIX в. был, по-видимому, диалектным вариантом общенародной ФЕ *в своем уме*. Об этом свидетельствует тот факт, что форма употребляется только в языке комедий, как одно из средств речевой характеристики персонажей из «простого народа». «Смекалов: *О своем ли ты уме!* Да эдакой цены нигде и не слыхано» (М. Матинский. Санкт-Петербургский гостинный двор, с. 268). «Влас: *Да о своем ли ты уме?*» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 436). У П. А. Плавильщикова встречается и другой вариант этого фразеологизма: «*Да о своей ли ты голове?* Да как тебе эдакая околесная в голову пришла?» (Там же, с. 435).

Значительное количество фразеологизмов в современном русском языке имеет архаичные грамматические формы компонентов: *еже писах, писах; темна вода во облацех; еле можаху* и т. п. Такие фразеологизмы не испытывают давления грамматической системы языка, воспринимаются как экзотизмы. Они употребляются с иронической экспрессией. Архаичные грамматические формы в данном случае потеряли свое грамматическое значение и выполняют чисто экспрессивную функцию.

3. СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX в.

Наличие во фразеологических единствах сложной семантики, совмещающей в себе этимологическое значение и значение «вещественное», номинацию, а также стилистическую окраску, создает условия для сосуществования в языке нескольких обозначающих при одном обозначаемом, двух или нескольких лексикофразеологических синонимов.

Более существенная роль этимологического элемента в содержании фразеологизма или подосновы содержания — внутренней формы — по сравнению с ролью внутренней формы в содержании слова позволяет говорящему в процессе общения уточнить выражение понятия и, оценивая его, соотнести выбранный фразеологизм или слово со стилем всего высказывания, т. е. точно реализовать речевую интонацию.

В зависимости от различий во внутренней форме и в экспрессивной окраске, в оценочности — слова и фразеологизмы, имеющие одинаковую предметную соотнесенность или номинацию, должны быть разграничены в употреблении, т. е. каждый из них должен существовать в своей стилистической среде.

О фразеологических синонимах в русском литературном языке написано несколько статей и кандидатских диссертаций⁵⁰.

М. И. Сидоренко подробно изучил признаки синонимичности фразеологизмов на значительном фактическом материале. Но сложность проблемы, ее неразработанность не позволили автору с достаточной убедительностью обосновать критерии выделения фразеологических синонимов.

Нельзя согласиться с М. И. Сидоренко в том, что фразеологизмы становятся синонимами только тогда, когда совпадают во всех элементах значения. Автор в подтверждение своих рассуждений приводит действительно несинонимичные фразеологизмы: *как черепаха*, *через час по чайной ложке*. М. И. Сидоренко считает, что они выражают одно понятие *очень медленно*, но сочетаются с разными словами⁵¹. По нашему мнению, приведенные фразеологизмы выражают не одно, а два разных понятия. Первый — *как черепаха* — указывает на очень медленное передвижение, второй — *через час по чайной ложке* — означает *в небольшом количестве, редко, медленно делать что-либо*. «Я тащился, *как черепаха*» (А. С. Серафимович. В пути. — ФС, с. 519). «А вы, молодые писатели, до сих пор писали слишком мало — *через час по чайной ложке*, и знают вас только интеллигенты — подписчики журнала» (М. К. Куприна-Иорданская. Годы молодости. — ФС, с. 516).

Допускает ошибку и Т. И. Коваленко, который выделяет группы фразеологических синонимов в зависи-

⁵⁰ Сидоренко М. И. Принципы составления словаря фразеологических синонимов современного русского литературного языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1964; Коваленко Т. И. Вопросы синонимии глагольных фразеологизмов в современном русском языке. Автореф. канд. дисс., 1969; Шкляров В. Т. О словаре фразеологических синонимов. — В кн.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967, с 227—233; и др.

⁵¹ Сидоренко М. И. Указ. соч. с. 9.

мости от разной предметной соотнесенности и разной их сочетаемости со словами⁵². Совершенно очевидно, что различия в предметной соотнесенности и сочетаемости фразеологизмов — показатель их несинонимичности. Потому и сочетаются эти фразеологизмы с разными словами, что они выражают разные понятия.

Фразеологические синонимы не могут совпадать во всех элементах значения, как полагает М. И. Сидоренко, потому, что они имеют разную подоснову содержания, разную внутреннюю форму, а она — существенный элемент фразеологической семантики. У двух синонимичных фразеологизмов внутренняя форма указывает на различные признаки одного и того же понятия, выделяя их и передавая различное эмоциональное отношение говорящего к этому понятию. Такие фразеологизмы имеют в содержании различные оттенки и разную оценочность, общее у них — указание на одно понятие, которое можно выразить и отдельным словом.

Нельзя не согласиться с критическими замечаниями А. М. Бабкина⁵³ в его полемике с авторами исследований о так называемых вариантах фразеологической единицы — М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляровым, Т. А. Бертагаевым и В. И. Зиминым⁵⁴. С точки зрения А. М. Бабкина, неправомерно противопоставление понятий «фразеологический вариант» и «фразеологический синоним».

Замена одного слова-компонента в составе фразеологизма другим, хотя и синонимичным, с нашей точки зрения, изменяет характер образного представления (внутренней формы), которое мотивирует предметное содержание. От такой замены может измениться и стилистическая окраска фразеологизма, его оценочность. Следовательно, замена компонента синонимичным создает другую фразеологическую единицу, синонимичную первой. Введение понятия «фразеологический вариант» оправдано лишь по отношению к фразеологизмам с различными грамматическими или фонетическими формами одного и того же

---

⁵² Коваленко Т. И. Указ. соч., с. 9.

⁵³ Бабкин А. М. Указ. соч., с. 84—86.

⁵⁴ Сидоренко М. И. Указ. соч., с. 3; Шкляров В. Т. О фразеологических синонимах в русском языке. — В кн.: Труды каф. русского языка, т. II. Иркутск, 1962, с. 123; Бертагаев Т. А., Зимин В. И. О синонимии фразеологических словосочетаний в современном русском языке. — «Русский язык в школе», 1960, № 3, с. 4.

слова, с синонимичными служебными словами, что, естественно, не изменяет внутренней формы: *брать (взять) быка за рога; статочное (статимое, стамошное) ли это дело; как (будто, словно, точно) бельмо на (в) глазу* и т. п. Поэтому едва ли правомерно объединение в одну фразеологическую единицу в качестве ее вариантов по одному из компонентов нескольких синонимичных оборотов, сделанное авторами «Словаря современного русского литературного языка» АН СССР: 1) «*Бог знает; бог (черт, пес и т. п.) его (их и т. п.) знает*»; 2) «*Бог (черт) знает что*»; 3) («*Как бог (черт) знает (чему)*») и др. (ССРЛЯ, т. 4, с.1296).

Фразеологизмы со словом *черт* стилистически несовместимы с другими оборотами, они однородны с бранными выражениями *черт с ним (тобой, вами!)*, *черт (черти) бы их (вас, тебя) взял (взяли)*. И конечно же, за фразеологизмами *бог знает, черт знает* стоят разные представления, т. е. они имеют разную подоснову содержания, внутреннюю форму.

Не удалось избежать подобных ошибок и автором «Фразеологического словаря русского языка». См., например, на с. 38: «*Бог (господь, аллах, черт, бес, леший, шут, пес, хрен) его (тебя, ее, вас, их (ведает) знает*».

При разработке такого типа словарных статей необходимо проявлять осторожность, учитывать стилистическую среду, в которой употреблялись фразеологизмы в XIX в., и современное их употребление. Едва ли православный русский человек XIX и начала XX в. мог сказать *аллах его знает*. Да и в наше время этот оборот в отличие от *бог его знает* сохраняет в себе элемент иронии, легкой шутки, экзотики.

Перейдем к описанию фактического материала, чтобы получить сведения о некоторых закономерностях в развитии фразеологических синонимов.

В изучаемый период истории русского языка в нем употреблялось более 10 фразеологизмов с общим значением *ударить*. Но каждый из них имел свой смысловой оттенок, обусловленный образным представлением о характере удара.

Дать кому-либо туз (туза). В САР (т. I) значение этого фразеологизма определено следующим образом: «*Простонар. Поговорка. Ударить кого кулаком*». Такая семантика мотивирована метафорическим значением слова *туз* — *удар кулаком* (см. Словарь В. И. Даля). «Трусливый заяц

их хотя и побеждает, однако досаждают: «Я трус, однако без войны. Я дал лягушкам туз» (А. П. Сумароков. Отрекшаяся мира мышь, с. 207). «Ревнивый муж ее, подслушав селадона, Такого дал ему туза, Что он неволью лбом отвесил три поклона» (И. И. Дмитриев. Дон-Кихот, т. I, с. 79). Фразеологизм использован в произведениях «низкого штиля», что подтверждает стилистическую помету в САР.

Дать киселя (кому). Этот оборот в словарях XVIII—XIX вв. не помещен. Судя по его употреблению, он имел стилистически сниженную окраску и обозначал *удар в виде шлепка, толчка*. «Вакула: Частехонько — ну срам! — немчина веселя, Под царский, слышь ты, зад дают мне киселя» (И. А. Крылов. Подщипа, с. 305).

Отвесить образум. Фразеологизм имел значение *ударить кого-либо так, чтобы образумился*. Представление, выраженное в содержании этого фразеологизма, отличается его номинативное значение указанием на цель удара. «Влас: Да ты бы ей образума два отвесила, так бы все и прошло» (П. А. Плавильщиков, Бобыль, с. 446). И этот оборот имел сниженную просторечную окраску. В словарях не помещен.

Скроить (дать) треуха — ударить по затылку, по уху. Такая семантика обусловлена также внутренней формой. Слово *треух* помещено в Словаре В. И. Даля: «*Треух*. М. теплая шапка с тремя отпускными лопастями на бока и на затылок, с ушами и задником, иногда еще с узким передником вроде козырька; малахай». В этом же словаре дано и другое значение слова: «заушина, оплеуха, пощечина». В отличие от соответствующего свободного сочетания *скроить треух* фразеологизм имеет другую форму компонента *треуха*. Она возникла под влиянием структуры фразеологизмов, контактирующих с ним по значению (сравни — *дать туза, тумака*). «Аккудин: Ну, уж вот дойдет до драки. Фетинья: Враки!.. Враки!.. Аккудин (особливо): Хоть боюся я греха, А *скрою ей треуха!*» (А. О. Аблесимов. Мельник-колдун, обманщик и сват, с. 238).

Дать заушницу — ударить по уху. «Остромыслов: ... не только что меня презирали и бранили, но нередко и заушницы мне давали...» (П. А. Кропотков. Фомушка — бабушкин внучек, с. 392).

К приведенным примерам фразеологизмов с общим значением *ударить* можно добавить и другие, не иллюст-

рируя их подробно: *дать леща — ударить ладонью по щеке* (синонимы: *дать пощечину; дать каши (чьему-либо) языку — ударить по губам; дать перебяку — сильно ударить, избить; дать тумака — ударить кулаком*).

Все эти обороты объединяет в один семантический ряд выражаемое ими общее понятие *ударить*, они сочетаются с существительным одушевленным или личным местоимением, т. е. имеют одинаковое лексическое окружение. И все-таки их нельзя считать полными синонимами, потому что в содержании каждого существенно не общая часть семантического поля, а указание на образ, характер действия, его цель, а это в свою очередь уточняет и значение фразеологизмов. Иначе говоря: содержание каждого из них имеет свою специфику, по отношению к семантике слова *ударить* содержание рассмотренных фразеологизмов выступает как частное к общему.

По-видимому, указание на различные виды ударов через внутреннюю форму в XVIII — начале XIX в. было актуальным в русском просторечии. Поэтому названные фразеологизмы применялись главным образом в низком стиле художественной речи второй половины XVIII в. Они не отвечали эстетическим принципам карамзинистов, романтиков, раннего Пушкина и не вошли в язык их произведений. Большинство такого рода фразеологизмов не проникло в литературный язык и в послепушкинский период, хотя они продолжали употребляться в живой разговорной речи, о чем свидетельствует Словарь В. И. Даля. В пушкинский и послепушкинский периоды они не соответствовали изменившейся социальной психологии образованной части общества: отпала необходимость «живописать» различного рода оплеухи, поэтому таких фразеологизмов нет в языке Тургенева, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Толстого и других писателей.

К рассмотренной группе тематически примыкает другая с общим значением *побить, физически наказать: надавать поботух — побить кулаком; отделать на обе корки — сильно побить; задать качку — избить, наказать; дать зорю — наказать побоями; дать щипачиху — побить и физически наказать, потаскав за волосы; нагреть шею — надавать подзатыльников* и др. Обратимся к примерам.

«Афросинья: Да, матка моя, он, помилуй бог, крут. Вить без того не обойдется, чтоб уж дома-то *поботух* мне

не надавал за то, для чего я приняла» (М. Матинский. Санкт-Петербургский гостиный двор, с. 290). «Парамон: Не бойсь, дурак, не бойсь, уж мы Матюху-та *отделаем на обе корки*» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 457). «Парамон: А бобылю-та, ведашь ты, надо *добрую качку* задать, чтоб не в свои-те сани не садился» (Там же). «Г-жа Простакова: Простил! Ах, батюшка!.. Ну! Теперь-то *дам я зорю* канальям своим людям. Теперь-то я всех переберу поодиночке. Теперь-то допытаюсь, кто из рук ее выпустил» (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 362). «...Кричал во весь голос, за что соседние слуги собрались было некогда потаскать его; и действительно бы *дали* ему хорошую *щипачиху*, ежели бы не ускользнул он от них в окошко» (М. Д. Чулков. Пересмешник, или славянские сказки, с. 127). «Кабы батюшка жив был и это видел, то бы, даром, что ты господин, *нагрел* бы тебе *шею*» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, с. 145). «Влас: А вот я языку-та твоему *дам каши*, забудет он у меня болтать» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 462).

Эти фразеологизмы по сравнению с первой группой семантически ближе друг к другу. И все же безоговорочно зачислить их в разряд полных синонимов, по-видимому, нельзя, потому что одни из них определенно указывают семантикой на физическое наказание (*надавать поботух*), содержание других (*дать зорю, отделать на обе корки*) шире: они могут означать и физическое наказание, и психическое, моральное воздействие (*разругать, отчитать, побранить* и т. п.).

Преобладание экспрессивности над логическим содержанием во фразеологизмах также осложняет установление критериев их синонимичности.

Мнение Х. Касареса о неопределенности, неточности значения фразеологизмов верно лишь по отношению к тем из них, которые обладают широкой сочетаемостью со словами. Обороты с ограниченной валентностью, имеющие более конкретную, определенную семантику, они могут также соприкасаться между собой в семантике, но тот факт, что ее конкретизация зависит от взаимодействия с семантикой разных и строго определенных сочетающихся слов, делает эти фразеологизмы несинонимичными (семантически составляющие у них разные), т. е. они имеют разную предметную соотнесенность. Так, семантику фразеологизмов *куры не клюют, ешь — не хочу*,

полон рот можно определить одним словом *много*. Но от этого они все же не станут синонимами, так как содержание каждого из них указывает на то, чего много: *куры не клюют (денег)*; *полон рот (хлопот)*; *ешь — не хочу (пищи)*. Поэтому обязательное лексическое окружение у этих фразеологизмов составляют те единичные слова, которые определяют и конкретизируют предметную направленность. В результате семантическая сфера у этих оборотов разная. «Нет, то-то жизнь-та как у нас! *Ешь — не хочу* всего, чего душа желает: после гостей костей, остатков от стола, так столько их бывает, что некуда девать!» (И. И. Хемницер. Воля и неволя, с. 110). «Устинья Наумовна: Ведь я ему сказала, что у Самсона Силыча *куры денег не клюют*» (А. Н. Островский. Свои люди — сочтемся. ФС, с. 218). «Аккудин: Что барьям-та рай жить... бывает и им хлопот *полон рот*...» (А. О. Аблесимов. Мельник — колдун, обманщик и сват, с. 235).

Для фразеологической синонимии важно, чтобы различия в этимологическом содержании не были причиной расхождений в номинации, т. е. в логическом содержании. Это возможно при утрате внутренней формы у одинаково валентных фразеологизмов или частично совпадающих по лексическому окружению. В XVIII и XIX вв. употреблялись выражения *стрень брень с горошком* и *ни кола ни двора* в значении *совсем ничего*, когда речь шла о имуществе. «Отцовское-то у тебя именование *стрень брень с горошком*, так надобно самому наживать» (Н. И. Новиков. Письма к Фалалею, с. 361). В Словаре В. И. Даля значение слов *стрень брень* истолковано как *хлам, скарбишка, всякая ветошь, ничтожные пожитки*. Помещен оборот под словом *бренеть*, что значит *звучать, бренчать, звенеть*. Это толкование позволяет судить о подоснове содержания, внутренней форме, которая определяет ту же предметную соотнесенность и стилистическую окраску, какую имел оборот *ни кола ни двора*. Отличия незначительны: в первом фразеологизме указание на наличие чего-то ненужного, бросового, во втором — на отсутствие существенного. Первый выражал большую степень прони, насмешки. По-видимому, он редко употреблялся в живой разговорной речи, был полудналектным, малопонятным. Поэтому он потерял экспрессивные возможности и не встречается в языке писателей XIX в. Второй, часто употреблявшийся в художественном стиле речи

XVIII—XIX вв., сохранил свою выразительность и в современном русском языке, хотя содержание его теряет опору в фактах действительности. Можно предполагать, что и этот оборот будет выходить в пассив.

Не всегда различия близких или одинаковых по значению фразеологизмов являются препятствием для их сочетаемости с одними и теми же словами лексического окружения. Если они выполняют в предложении одну и ту же функцию и имеют одинаковую предметную направленность, они могут иметь и одинаковую валентность. Тем более, что внутренние связи их компонентов настолько ослаблены, что уже не влияют на характер сочетаемости с другими словами, членами предложения. Например, фразеологизмы с *двора долой, чтоб ноги твоей (его) не было, чтоб духу твоего (его) не было* отличаются по внутренней структуре от фразеологизма *дух твой (его) не пахни*, но они совпадают по лексическому и грамматическому значению со словами *уйди, исчезни*, выступая в функции предиката со значением категорического повеления. «Финетта: Да мне одной-то из дома не хочется. Бурда: Вот высокопреизящный!.. *С двора долой, негодная!*» (А. П. Сумароков. Вздорщница, с. 205). «Чужехват: А тебе, дружок, до этого дела нет. Я уже давно заметил то, что ты за нею волочишься; так ступай с двора долой, ступай, ступай; и *чтоб духа твоего здесь не было*; вон, вон из двора, вон, негодный» (А. П. Сумароков. Опекуи, с. 62). «Фекла: Я слышать не хочу; *чтоб не было и духу его у нас в дому*» (В. В. Капнист. Ябеда, с. 561). «Сквалыгин: Вон, нечестивая собака! *Дух твой не пахни!* (Поет). Вон, мерзавец, *со двора!*» (М. Матинский, Санкт-Петербургский гостинный двор, с. 297).

Фразеологизм с *глаз моих* преимущественно употребляется с глаголами *уйти, исчезнуть, пойти* и т. п. в повелительном наклонении в форме второго лица. Поэтому он отличается по валентности от рассмотренных выше. «Шуйский: *Беги от глаз моих, исчезни ты отселе!*» (А. П. Сумароков. Дмитрий Самозванец, с. 442). «Фекла: И ты туда же? *Пойди с моих ты глаз!*» (В. В. Капнист. Ябеда, с. 642).

Итак, относительно синонимичными можно считать два или несколько фразеологических оборотов, имеющих разную внутреннюю форму, но выражающих одно и то же понятие, указывающих на разные стороны его, с одина-

ковой или близкой оценкой факта действительности (отраженного в семантике), не различающихся семантической сочетаемостью со словами окружения. По нашему мнению, фразеологические синонимы — понятие относительное. По крайней мере, основная часть из них. К полным синонимам можно отнести немногие обороты, обладающие одинаковой оценкой выражаемого ими одного и того же понятия, имеющие одинаковую валентность.

К таким синонимам относятся фразеологизмы, утратившие внутреннюю форму, типа *андроны едут, турысы на колесах, сапоги в смятку*.

Если иметь в виду признаки синонимичности и основанный на их понимании сознательный выбор фразеологизма для употребления в соответствии с речевым намерением, то можно утверждать, что взаимозаменяемых в контексте (полных) синонимов в русском литературном языке XVIII—XIX вв. было незначительное количество. По-видимому, и в современном русском языке их куда меньше, чем указывает М. И. Сидоренко⁵⁵. Это подтверждает также «Фразеологический словарь русского языка», хотя он и не отражает полностью богатств современной фразеологии.

Представление о каком-либо действии, явлении, событии, факте, через которое осмысливается номинативное содержание и передается отношение к явлению или факту, в синонимичных фразеологизмах определяет смысловые и экспрессивные дифференциальные признаки. Это дает возможность подразделять фразеологические синонимы, как и лексические, на три группы: идеографические, стилистические и смешанного типа. Большинство синонимов относится к смешанным и стилистическим, что объясняется самой природой фразеологизмов, их функций в языке — сопровождать выражение мысли экспрессивной оценкой. Если фразеологизм можно назвать избыточным средством языка, то синонимы можно считать избыточным средством в квадрате.

Экспрессивная образная характеристика явления актуальна до тех пор, пока в сознании носителей языка

---

⁵⁵ По мнению М. И. Сидоренко, в современном русском литературном языке существует 500 синонимических фразеологических рядов (Указ. соч., с. 14).

сохраняется конкретность представлений о фактах, отраженных в этимологическом содержании.

В XVIII—XIX вв. состояние опьянения человека в различных стадиях характеризовалось оборотами *насандалить нос*, *писать ногами вензеля*, *в голове булавка бродит*, *до положения риз*. Все эти фразеологизмы передавали проницательное отношение к опьяневшему. *Насандалить нос* — *напиться до состояния, когда краснеет лицо и нос* (*насандалить* — буквально намазать сандалом, красителем, извлекаемым из красной древесины); *писать ногами вензеля* — будучи сильно пьяным, *идти шатаясь*; *в голове булавка бродит* — *напиться до головокружения*; *до положения риз* (*напиться*) — *до потери здравого рассудка, сознания* (по библейскому преданию, Ной, напившись, сбросил с себя одежды, ризы, обнажился догола).

Одноплановость эмоциональной оценки, переданной через образ, обусловила употребление этих фразеологизмов в произведениях «низкого штиля» XVIII в.

«*Насандалил* довольно носы, встали мы из-за стола по обыкновению пьяниц, только благородных, а не подлых. Всяк, желая показать свою бодрость, поднимал голову кверху...» (М. Д. Чулков. Пересмешник, или славянские сказки, с. 101). «Сидоровна: *Насандалил нос*, да и колобродит. Мерещится, видно, в глазах; пьяному море по колено» (Г. Р. Державин. Дурочка умнее умных. IV с. 448) «Полист: Ногами никогда он *вензелей не пишет*, а если о вине он как-нибудь услышит, всегда поморщится, и придет тошнота» (Я. Б. Княжнин. Хвастун, с. 310). «Крючкодей (шатаясь и кривя язык): Равномерным образом и до меня многореченного, сильно *в голове булавка бродит* (повалился)» (М. Матинский. Санкт-Петербургский гостинный двор, с. 292). «Анна: Что называется *до положения риз*. По лестнице к крыльцу уж не сошли, спустились» (В. В. Капнист. Ябеда, с. 623).

Приведенные примеры также нельзя считать вполне синонимичными, хотя первый и второй из них (*насандалить нос*, *писать ногами вензеля*) имеют не только общую предметную соотношенность, но и близкую структуру. Поэтому они выступают в предложении в роли предиката, имеют одинаковую валентность. Семантически контактирующие с ними фразеологизмы *до положения риз*, *в голове булавка бродит* имеют разную модель структуры и разную валентность, выполняя в предложении неодинаковые функции.

Они отличались и по частоте употребления: оборот *в голове булавка бродит* встречается редко даже в произведениях низкого стиля. Недостаточная ясность внутренней формы его и, по-видимому, полудиалектный характер употребления (в Словаре В. И. Даля он помещен в значении *змелен*, без указания на границы распространения) были причиной архаизации этого фразеологизма. В XIX—XX вв. конкретность представлений о характерных признаках понятий во фразеологизмах *насандалить нос*, *писать ногами вензеля*; *до положения риз* стала также исчезать из-за утраты актуальности понятий, выражаемых словами лексической системы, связанных с компонентами словообразовательно (*насандалить* — *сандал*) или омонимической связью (*вензеля* — начальные буквы, инициалы имен собственных в виде рисунка, писались в альбомах, письмах главным образом в XIX в.). В результате исчезла мотивированность оценки понятия. Фразеологизм *насандалить нос* остался за пределами литературного языка и, утратив экспрессивность, оказался почти вытесненным из употребления в разговорной речи глаголом *насандалиться*. В САР (1814, т. III) помещен только глагол *насандалить* — *выкрасить сандалом*.

Экспрессивность оборота *писать ногами вензеля* поддерживается в книжной речи наличием многочисленных близких синонимов: *писать мыслете*, *выводить вензеля*, *выводить мыслете*, *выводить вавилоны*, *писать ногами кренделя*, *выводить ногами кренделя*, *выписывать вензеля*, *выделявать вензеля*.

Фразеологизм *до положения риз* употребляется изредка в литературном книжном языке по традиции.

Что касается разговорной речи, то в ней идет процесс постоянного и непрерывного обновления экспрессивных выразительных средств, утрата привычных и потерявших образную мотивированность семантики и оценочности, возникают языковые единицы, созданные на основе образов, отражающих актуальные и часто наблюдаемые явления. В. В. Виноградов пишет об этом следующее: «Экспрессивность, насыщенность выражения зависит от его значения, от внушительности его внутренней формы, от степени его смысловой активности в общей духовной атмосфере данной среды и данного времени»⁵⁶.

⁵⁶ Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 19.

Если в лексике чаще всего причиной архаизации слов является утрата реалии, факта действительности, отраженного в семантике соответствующего слова, то во фразеологии причина архаизации другая — это утраченная или недостаточная экспрессивность, «моральный износ» фразеологизма, стремление носителей языка обновить его образность.

В XVIII—XIX вв. был известен фразеологизм *перебиваться с копейки на копейку*, синонимичный другим ФЕ: *перебиваться с хлеба на квас*, *перебиваться с куска на кусок*, *перебиваться с корочки на корочку*. При различии внутренней формы они имели общее предметное значение — *жить очень бедно, терпеть нужду*. «Граф: Я, братец, не надивлюсь на твое великодушие, зная, что ты сам с копейки на копейку перебиваешься» (П. А. Кропотков. Фомушка — бабушкин впучек, с. 382). «...Отдаю вам собственно на суд: как вы хотите, поступайте, представляя только, что я кругом должен и сам *бьюсь по истине с копейки на копейку*» (Г. Р. Державин. Переписка, т. V, с. 452). «Анна: Мы и сами-то с куска на кусок перебиваемся, а тут еще ее нам на шею спихнули» (А. Н. Островский. Не было ни гроша да вдруг алтын. — ФС, с. 313). «И стала чубаловская семья с корочки на корочку *перебиваться*» (П. И. Мельников-Печерский. На Горах. — Там же). «В нашем хоре только у одной Моти богатый содержатель, а все мы *перебиваемся с хлеба на квас*» (А. П. Чехов. Хористка. — Там же).

Тенденция к экспрессивности в развитии языка вызывает появление фразеологических синонимов. Но не все они одинаковы по своим качествам. Происходит отбор одного или нескольких, у которых внутренняя форма отражает широко известные явления и лучше объясняет предметное содержание. Примеры, подтверждающие эту закономерность, не единичны.

В XVIII—XIX вв. в русском просторечии был известен фразеологизм *иглы не заточишь*. «Хватов: Ты увидишь, что Хватов так солжет, что *иглы не заточишь*» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 448). По-видимому, существовал вариант глагольного компонента *подобьешь*, который помещен в Словаре В. И. Даля в выражении: тут *иглы не подточешь (не подобьешь)*. В современном русском языке оборот неизвестен. Не удалось его обнаружить и в языке писателей XIX в.

Фразеологизм *мыть (намылить) голову* в значении *сильно бранить, распекать кого-либо* в XVIII в. мог иметь другой глагольный компонент — *мыть (вымыть)*. «Спустя несколько времени, Государыня, призвав к себе Державина в кабинет, ему же *голову вымыла*, что он такие до нее доводит слухи и тем ее беспокоит; а потому, чтоб он и был вперед осмотрительнее» (Г. Р. Державин. Записки, т. VI, с. 628).

Оборот *пускать пыль в глаза* в значении *создавать ложное впечатление о себе у кого-либо, представляя себя, свое положение лучше, чем есть на самом деле*, в XVIII в. имел и другой глагольный компонент *бросать (бросить)*. «...Но таковым шумным действием Державин думал, как говорится, *бросить пыль в глаза* императору, что приказания его ревностно исполняются, чем и был он безмерно доволен» (Г. Р. Державин. Записки, т. VI, с. 696).

Некоторые фразеологизмы с устаревшим компонентом сохранились в говорах, имея в литературном языке на его месте другой. В XVIII в. был в употреблении фразеологизм *поднять на зубки (кого)* в значении *осмеять, высмеять*. «Тут весь собор окончил брани смехом и *поднял* попенька невинность *на зубки*» (Я. Б. Княжнин. Попугай, с. 711). Фразеологизм помещен в САР (1809, ч. II): «*Поднять на зубки — насмеяться*». Известен в современных говорах Ордынского района Новосибирской области⁵⁷: «Бывало если кто не так оденется, бабы *подымут на зубки*». Соотносится по содержанию с другим фразеологизмом *трясти на зубах (кого) — высмеивать, обсуждать кого-либо*. В современном русском языке ему соответствует *поднять на смех*.

Процесс отбора во фразеологии продолжается. Так, в период Великой Отечественной войны актуальными, модными в речи стали выражения *попасть в котел, взять в клещи, на фронте (коллективизации, индустриализации, образования и т. п.)* В последнее время в язык вошли фразеологизмы *до лампочки* (сравни — *хоть трава не расти*), *на орбите, вывести на орбиту*. Появляясь в языке, они начинают семантически и стилистически контактировать с уже известными, вытесняя их.

Утверждению в языке новых выразительных средств, в том числе и фразеологизмов, способствует или мешает

⁵⁷ Картоотека словаря русских говоров Сибири ИИФиФ СО АН СССР.

развитие художественного стиля. Писатель, если он оригинален, старается отойти от сложившихся литературных образцов, отбирая из народной речи наиболее яркие, свежие факты в соответствии с экспрессивной оценкой. Как пишет об этом В. В. Виноградов, «экспрессивная оценка нередко определяет выбор и размещение всех основных элементов высказывания». И, ссылаясь на Георга фон Габеленца, продолжает: «Языком человек не только выражает что-либо, он им выражает также и самого себя»⁵⁸.

В XVIII в. выбор фразеологизмов зависел главным образом от литературного направления, но определялся и субъективными качествами писателей: не все из них считались с «теорией трех стилей» Ломоносова и приводили в полное соответствие стиль произведения с жанром. К концу XVIII в. соотношения языковых средств с жанром нарушаются, создается «общий» стиль, который находит свое завершение в творчестве Н. М. Карамзина и сторонников его школы. «Неисторический язык Карамзина ознаменован печатью какой-то бесцветной общности, — писал В. Г. Белинский. — Этот язык совершенно лишен национального колорита и чужд собственно русским оборотам, которые можно было бы назвать «русизмами», как французские обороты называют «галлицизмами»⁵⁹.

С целью установления различий в отношении к фразеологии карамзинистов и драматургов XVIII в. рассмотрим несколько синонимических рядов.

Из фразеологизмов с затемненной внутренней формой и общим значением *далеко (на край света, за тридевять (тридесать) земель, к черту на кулички (на рога)* Карамзин использует только *на край света*. «Странное чувство! Мне кажется, будто я приехал *на край света*, — там необозримое море — конец» («Письма русского путешественника», с. 517). «Разве бы я не пошел уже с тобой *на край света*, когда бы ты увенчала любовь мою?» («Аркадский памятник», с. 319) «Ах! На старости лет моих я побежал бы за нею *на край света!*..» («Наталья, боярская дочь», с. 651).

⁵⁸ Виноградов В. В. Указ. соч., с. 18—19.

⁵⁹ Белинский В. Г. Русская грамматика Александра Востокова. Полн. собр. соч., т. 8. М.—Л., 1957, с. 253—254.

Фонвизин и Богданович отдают предпочтение другому фразеологизму — *за тридевять (тридесать) земель*. «Правдин (Митрофану): А далеко ли вы в истории? Митрофан: Далеко ль? Какова история. В иной залетишь *за тридевять земель*, за тридешатое царство»⁶⁰ (Д. И. Фонвизин Недоросль, с. 355). «Уже чрез несколько недель, Приехали они *за тридевять земель*» (И. Ф. Богданович. Душенька, с. 64). «Царевну пусть везут на самую вершину неведомой горы, *за тридесать земель*, куда еще никто не хаживал досель» (Там же, с. 60). По-видимому, оборот *за тридевять (тридесать) земель* в XVIII в. был более употребим в языке фольклора (*в тридешатом царстве, в тридешатом государстве*) и в так называемом «простонародном» языке. Поэтому Карамзин предпочел ему стилистически нейтральный — *на край света*.

Что касается оборота *к черту на кулички (у черта на куличках)*, то в языке писателей XVIII — начала XIX в., из произведений которых нами была сделана сплошная выборка, он не встретился. Этот фразеологизм не помещен и в САР. Вероятно, его употребление было ограничено северно-русскими говорами. Об этом позволяет судить один из компонентов — *кулички*: от *куличка (кулига) — небольшой лужок в лесу*.

Такое же разграничение в отборе у разных авторов можно наблюдать и в других синонимических рядах.

Фразеологизмы с общим значением *умереть: сойти (снийти) в гроб; скончать (кончать) свой век; испустить дух; кончать живот; отдать богу душу; оставить белый свет; отправиться на тот свет; заснуть вечным сном; отойти от здешнего света* — по разному характеризуют действие. Поэтому полными синонимами их считать нельзя.

Фразеологизм *снийти (сойти) в гроб* употреблялся преимущественно в произведениях высокого стиля, например в трагедии А. П. Сумарокова «Семира». «Росслав: *Но сниду ль в гроб с родительской любовью? Не воображаючи моих жестоких вин*» (с. 411). «Оскольд: *О коль ты счастлив, Дир, что ты, сходя во гроб, не видел времени нам самых лютых злоб!*» (с. 376). Этот же фразеологизм встречается в стихотворениях Я. Б. Княжнина, которого

⁶⁰ Фразеологизм употреблен автором перепосно. Поэтому со- держание его нельзя считать в данном случае синонимичным другим .

нельзя безоговорочно отнести к классицистам. «Но смерть дверь в вечность отворила; Ты был — и вдруг *во гроб снисшел*» («Стансы на смерть», с. 676). Приводя в соответствие стилистическую окраску оборота со стилем стихотворной сатиры, И. И. Хемницер заменяет книжный компонент *снийти* общеупотребительным *пойти*. «А дело между тем все окончанья ждет, Хоть истец, чье оно, меж тем и *в гроб пойдет*» («Сатира I на худых судей», с. 163).

Значительно шире в языке художественной литературы с тем же общим значением *умереть* употреблялся оборот *скончать свой век*. В отличие от фразеологизмов *снийти в гроб*, *отойти в вечность* он встречается в текстах с ироническим или юмористическим содержанием. «Овидий, коего стихи Кларисе любви, В холодном Севере *скончал свой век* без пшубы» (И. Ф. Богданович. Стихи к деньгам, с. 168). «Увидев наконец, что смерть от ней бежала, насильно Душенька *скончать свой век* искала...» (И. Ф. Богданович. Душенька, с. 101). «„*Скончай мой век*, мне свет постыл!“ — „Но кто ты?“ — старец спросил» (Там же, с. 107). Авторское изменение формы одного из компонентов этого фразеологизма выводит его из данного синонимического ряда, он претерпевает сдвиг в значении. «*Скончал свой век* Приказный человек...» (И. Ф. Богданович. Пословицы, с. 142). Большинство авторов XVIII — начала XIX в. употребляли этот фразеологизм в языке элегических текстов или трагедий, что свидетельствует о его высокой экспрессии. «Возможно ли, что *век* цветущий свой *скончала*, Которая игрой своей нас утешала» (И. И. Хемницер. На смерть Троепольской, с. 225). «Так, Мельпомена *век* российская *скончала*» (Там же). «Росслав: И, показав, как росс свой должен *век кончать*, Тобою положу бессмертия печать...» (Я. Б. Княжнин. Росслав, с. 227).

Фразеологизм *испустить дух* конкретизирует выражение общего понятия *умереть* указанием на признак умирающего — на последний вздох. Поэтому в отличие от приведенных выше этот оборот обычно употреблялся, когда речь шла о недавней смерти знакомого человека. «На лице его ничего не выражалось, кроме изнеможения. *Испустил он дух* спокойно, безболезненно, во время чтения молитвы при соборовании маслом» (П. А. Вяземский. Записные книжки, с. 192). Фразеологизм не имел высокой экспрес-

сии и потому не употреблялся в языке од или трагедий, он встречается в произведениях среднего стиля. «Ни друг, ни сестра не смежили глаз его: он *испустил дух* посреди только своих челядинцев» (И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь, т. II, с. 94). «Дрожащею рукой сожмет твою он руку, Вдохнет... и на твоей груди *испустит дух*» (Он же. Элегия, т. I, с. 176). Иногда этот оборот употреблялся с иронической экспрессией для достижения комического эффекта. «Тогда меньшей покойников сын упал без памяти, лишился всех чувств и перестал бояться родителя, *испустил дух*, сделался неподвижен, а попросту умер» (М. Д. Чулков. Пересмешник, или славянские сказки, с. 99). В преобразованном виде, но в том же стилистическом ключе употребил его И. И. Дмитриев: «Султан и попугай, все в мире умирает. Ах, пусть хоть чучела твоя напоминают вралям, которые все врут, что также и они *со испусканьем духа* к отраде ближних слуха досадные уста когда-нибудь сомкнут!» («На смерть попугая», т. I, с. 114).

Н. М. Карамзин, создавая изящно-сентиментальный стиль прозы, избегает старокнижных, а также разговорно-просторечных фразеологизмов данной синонимической группы. В соответствии с общим стилем он создает описательные обороты типа перифраз. «Но маменька отошла между тем *от здешнего света*» («Рыцарь нашего времени», т. I, с. 762). «Уже давно оплакал он мать ее, которая *заснула вечным сном* в его объятиях!» («Наталья, боярская дочь», т. I, с. 625).

Подобные выражения могут, если они метко характеризуют какое-либо явление, стать крылатыми словами, перейти в язык других авторов. Но в отличие от народной идиоматики они обладают относительным постоянством компонентного состава, подвергаются изменениям в целях обновения образного содержания или приведения его в соответствие с содержанием текста. Например, у Пушкина:

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.

(«Для берегов отчизны дальней»)

Трудно сказать, превратились ли эти авторские выражения в единицы языка воспроизводимого типа. В живой разговорной речи они не употребляются. В языке художественной литературы их также не найти. Они были и, по-видимому, остались принадлежностью стиля русских сентименталистов и романтиков конца XVIII — начала XIX в. Характерно, что в языке стихотворений Пушкина 30-х годов (не говоря уже о языке его прозы) они не встречаются. Поэтому едва ли правомерно помещение названного оборота во «Фразеологический словарь русского языка».

К фразеологизмам книжного происхождения, вошедшим в общее употребление, в данном синонимическом ряду относятся *отправиться на тот свет* и *отдать богу душу*. «На одной изображен император, к которому смерть в виде скелета подходит и докладывает с низким поклоном, что ему пора сложить с себя земное величие и *отправиться на тот свет*» (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, с. 335). Этот фразеологизм употреблен Пушкиным, Лермонтовым и, по-видимому, многими другими авторами. «— А как тому два года Иван Кузмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страха *на тот свет не отправилась*» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка, т. VI, с. 423). «Целые три года оставался он в самом жалком положении; и если б он не получил от природы железного телосложения, то верно бы *отправился на тот свет*» (М. Ю. Лермонтов. Я хочу рассказать вам, т. IV, с. 367). Фразеологизм *отправиться на тот свет* был и остается принадлежностью языка и потому вошел в толковые словари и в ФС. То же следует сказать о выражении *отдать богу душу*, употребленном Фонвизиным: «Бригадирша: Недель через пять, шесть и я тому смеялась, а тогда, мать моя, чуть было *богу душу не отдала* без покаяния» («Бригадир», с. 152). Фразеологизм помещен в САР (1790, ч. II, с. 499), он был широко распространен в языке художественной литературы XIX в., вошел в толковые и фразеологические словари с пометой *устар.* Помета, конечно, неправильная: фразеологизм до сих пор употребляется в разговорной речи и в языке писателей. Другое дело, что не в серьезном контексте, а, скорее, для выражения юмора, иронии. Изменился характер употребления. Причина — в изменении социальной психологии, в частности, отношения

общества к религии. Правильной в этом случае была бы помета *ирон., шутл.*

Фразеологизмы *сойти в гроб, скончать свой век* устарели уже во времена Пушкина. Исчезновению этих и синонимичных им оборотов книжного происхождения (*отдать долг природе, отойти к богу*) способствовала многочисленная группа фразеологизмов, проникавшая в язык художественной литературы из живой разговорной речи: *дать дуба, сыграть в ящик, протянуть ноги* и др. (см. ССРЛЯ и ФС). Последние обладали большей экспрессивной силой и поэтому широко известны.

Примеры различных по стилистико-семантическим качествам фразеологизмов у писателей конца XVIII — начала XIX в. не единичны. Приведем еще четыре синонимических ряда, не комментируя дифференциальных признаков каждого из оборотов.

1) Фразеологизмы с общим значением *громко (кричать)*. У Карамзина — *изо всей силы*. «... Целуя туфель папы, укусил ему ногу и заставил бедного старика закричать *изо всей силы*» («Моя исповедь», т. I, с. 731). У Аблесимова — *что есть мочи*. «Филимоп: Что же мне делать? Ничего иного, как орать *что есть мочи*» («Мельник — колдун, обманщик и сват», с. 222). У Крылова — *во все горло*. «А другие кричали *во все горло*» («Почта духов», с. 637).

2) Фразеологизмы с общим значением *очень быстро*. У Фонвизина — *сломя голову*. «Вся храбрая сволочь, которая за минуту перед тем грозила театр поставить вверх ногами, бежала *сломя голову*» («Письма из Франции», с. 505). У Новикова и Чулкова — *благим матом*. «Тогда госпожа схватила с ноги башмак и не преминула бы разбить оным у бедной Мусы ящик с разумом, если бы сия *благим матом* не убралась со двора» (Н. И. Новиков. Живописец, с. 386). «Пугало зайцев вскочил *благим матом*, ухватил себя за нос» (М. Д. Чулков. Пересмешник, или славянские сказки, с. 100). У Радищева — *что имеется мочи, во всю мочь*. «Тут я растянулся на траве и, отдохнув минут десять, встал и побежал вдоль берега к С... *что имел мочи*» («Путешествие из Петербурга в Москву», с. 89). «Ямщик по обыкновению своему поскакал *во всю лошадиную мочь* и в несколько минут я был уже за городом» (Там же, с. 80). У Карамзина — *изо всей силы*. У него же и у Дмитриева встречается фра-

зоологизм *во весь дух*. «Эраст ахнул и бросился в воду. Леонид хотел удержать его, но не успел; однако ж он не потерял головы, даже не закричал, а только *изо всей силы* пустился бежать к рыбакам» («Чувствительный и холодный», с. 252). «Он испугался и *во весь дух* пустился бежать от них... они за ним, с лаем и визгом...» («Рыцарь нашего времени», т. I, с. 782). «Лишь бледный мечется пастух: То за бараном в лес *во весь* он мчится *дух*, То бросится к овце, которая *отстала*» (И. И. Дмитриев. Царь и два пастуха, т. I, с. 46).

3) Фразеологизмы с общим значением *лишиться разума, рассудка*. У Лукина и Державина — *рехнуться ума*. «Щепетильник: Да, полно, он на этих безделках совсем *ума рехнулся*» (В. И. Лукин. Щепетильник, с. 109; см. также с. 117). «— Вы удивитесь и верно скажете про себя, что я под старость *рехнулся с ума*, путившись по неизвестной мне поныне дороге в храм Мельпомены...» (Г. Р. Державин. Переписка, т. VI, с. 224). «Способа (с сердцем): *Ряхнулся ты ума*. Тороп: Беда стряхнулась» (Г. Р. Державин. Добрыня, т. IV, с. 82). У Николаева — *с ума спявиться*. «Лесник: Постой, постой ты, право, брат, тово, *с ума спявился*. Ну, куда ты хочешь итти!» («Розана и Любим», с. 203). У Карамзина — только *сойти с ума*. «Вы слыхали о Сент-Юберти: ее уже нет! Говорят, что она *сошла с ума*» («Письма русского путешественника», с. 450; см. также с. 453, 539).

4) Фразеологизмы с общим значением *сильно, громко смеяться: умирать (помирать) со смеху; надрывать животики, надрывать кишечки*. «Мы спросили у ключницы, которая, сидя на стуле, *умирала со смеху*, что бы было тому причиной? Она принялась охотно нам рассказывать, чтоб тем больше насладиться ей желанным хохотом» (М. Д. Чулков. Пересмешник, или славянские сказки, с. 104). «Князь и княжна улыбаются, Любовь *помирает со смеху*» (А. Д. Копиев. Обращенный мизантроп, с. 517). «Недоелов: ...Как я те что порасскажу, так *животики надорвешь*» (Там же, с. 490). «Фекла: ...Уж куды смешон! Забавник злодей! *Животики* с ним *надорвешь*» (Там же, с. 495). «Влас: Экой женишок! Ну, слышь ты, как спознают добрые люди, так *кишечки надорвут*, смеясь, глядя на твою глупость» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 496).

А. С. Пушкин и писатели натуральной школы, создавшие литературный язык на народной основе, окончательно

раскрепостили выбор языковых средств от жанра. Последние разностилевая фразеология стала широко употребляться в языке художественной литературы и публицистики как одно из средств характеристики предмета мысли.

Но грубопросторечные фразеологизмы низкого стиля, в соответствии с эстетическими принципами Пушкина, не принимались в язык художественной литературы, они остались принадлежностью живой разговорной речи. В языке писателей XIX в. им, как правило, соответствуют другие, синонимичные обороты. «Матвей: ...а тебе я *утру рыла-та* в миг» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 438). Это век восемнадцатый. В языке авторов XIX в. распространен другой оборот — *утереть нос (кому-либо) — подчеркнуть, показать, доказать свое превосходство* (см. ССРЛЯ и ФС).

«Почтового комиссара нашел я храпящего; легонько взял его за плечо. — Кого *черт давит*? Что за манер выезжать из города ночью?» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, с. 81). В языке писателей XIX в. грубопросторечному *черт давит* соответствует просторечный оборот *нелегкая (нечистая, черт) несет* (см. ССРЛЯ и ФС).

4. ИЗМЕНЕНИЯ В МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ

Изменения в структуре компонентов фразеологизма могут происходить и независимо от морфологической системы языка.

В XVIII в. существовали фразеологизмы: (*хоть*) *святые (святых) вон понеси, за нос водить (поваживать), потерять нечего, положить на себя руки* и др.

«Затейкин: ...да по городу на другой день прославят его женихом, да взведут на него церковну татьбу, так же наклеплют в городе, как на виноватого, *да понеси святые вон...*» (А. Д. Копиев. Обращенный мизантроп, с. 518). «Как *закуралесит, так и святых вон понеси*» (Н. И. Новиков. Письма к Фалалее, с. 355). В Словаре В. И. Даля фразеологизм употреблен в другой форме: «Такой содом, что *хоть святых вон неси*». Формирование семантики этого оборота, раскрывающего содержание

главного предложения, потребовало более четкого постоянного состава компонентов и изменения словообразовательной приставки в глаголе. В результате на месте *да, так*, которые входили в состав оборота, стал употребляться уступительный союз *хоть*, а глагол с приставкой *вы* стал указывать на конкретное движение изнутри: *хоть святых вон выноси*.

По этой же причине изменился префикс и в других фразеологизмах.

«Мы его частехонько *за нос поваживаем*» (Н. И. Новиков. Письма к Фалалею, с. 350). Параллельно с этой формой в XVIII в. употреблялась и другая, ставшая единственной, *водить за нос (кого)* в значении *управлять кем по своей воле, склонять кого на свою сторону, обманывать, употреблять во зло власть и доверенность другого* (САР, 1806, ч. I).

«Те, которым *потерять нечего*, дерзки, как хищные волки» (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, с. 445). В Словаре В. И. Даля помещена форма, ставшая единственной: *«Ему терять-то нечего. В отчаянном положении»*.

«Анюта: ... я грустила, тосковала, плакала и хотела *на себя руки положить*, если за тебя не выдадут» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 454). В ФС: *Наложить на себя руки*.

Фразеологизм *воды не замутить* в XVIII в. употреблялся только с формой творительного падежа компонента *вода* — *водой не замутит*. Форма была единственной и имела первоначальное содержание: *настолько скромн, тих, что даже неспособен что-либо сделать совсем невинное (так же, как трудно замутить чистой водой что-либо)*, т. е. в такой форме фразеологизм обладал большей метафоричностью содержания. «Еремеевна: Смирпой малой, мать моя! то уж *водой не замутит*» (А. Д. Копиев. Обращенный мизантроп, с. 510). «Умно и смирно он проводит честный век. *Водой не замутит*» (Я. Б. Княжнин. От дяди стихотворца рифмоскрыпа, с. 663). В этой же форме фразеологизм помещен в Словаре В. И. Даля в составе предложения: «Он и *водой не замутит*».

Процесс фразеологизации многих других выражений сопровождался более сложными и более существенными изменениями: происходило устранение компонентов, мешавших образованию общего содержания и синтаксиче-

ской связи оборота со словами окружения, упрощение внутренней синтаксической структуры, изменение в форме некоторых компонентов и в обязательном окружении. Приведем группу таких фразеологизмов, регулярно употреблявшихся в XVIII в. для сравнения с развившимися из них фразеологизмами в современном русском языке.

Того и смотрю (что) — вот-вот должно случиться. «Полист: *Того я и смотрю*, что кучею сюда пасдут все придворные кавалеры» (Я. Б. Княжнин. Хвостун, с. 340). «Когда я, будучи в маленьких чинах, обращался с мелким дворянством, бывало за всякую безделицу: выдеру ли лист из дела, почищу ль да приправлю, *того и смотрю*, что обиженный мною, без дальних извинений плеп меня по роже» (Д. И. Фонвизин. Друг честных людей, или Стародум, с. 552).

Фразеологизация семантики, ее развитие к обобщению с указанием на возможность распространения действия на любое лицо в придаточном, присоединенном к этому обороту, вызвали замену изъявительного наклона глагольного компонента повелительным с ограничением формы: *того и смотри* (см. ССРЛЯ, т. 13, с. 1420). Тот же характер изменений имел место во фразеологизме *того и жду*. «Худа, друг мой, мать твоя, очень худа! На ладан дышит: я *того и жду*, как сошлет бог по душу» (Н. И. Новиков. Письма к Фалалею, с. 354). В ФС: *того и жди*.

В обороте *откуда ни возьмись* глагольный компонент имел парадигму личных форм прошедшего времени, согласуясь с подлежащим в роде и числе. «Вдруг *откуда ни взялась* свинья и бросилась под ноги лошади его...» (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, с. 472). «А промеж них, глядишь, еще и санн вмиг, *откуда ни взялись*, вперед туда же прыг» (И. И. Хемницер. Сатира на поклонны, с. 174). «И старики, и молодые *Где ни взялись*» (И. И. Хемницер. Зеленый осел, с. 97). «Но вдруг *где ветер ни взялся*, челнок качает И по волнам его то вверх, то вниз бросает» (И. И. Хемницер. Ребята своевольные, с. 79). См. в ФС: «*откуда ни возьмись*. Совершенно внезапно (неожиданно)».

Фразеологизм *не положить охулки на руку* в значении *не упускать своей выгоды, всячески соблюдать свои интересы* в XVIII в. употреблялся с глагольной формой первого лица и имел определение *свой* при компоненте *рука*.

См. в САР (1794, ч. VI): «Охулка. Опорочение, охуде-
ние. *На свою руку охулки не положить*». «..И если между
твоими крепостными найдутся такие, коих нравы испра-
вить надобно моим манером, то присылай ко мне; а я
на свою руку охулки не положу...» (Д. И. Фонвизин.
Друг честных людей, или Стародум, с. 548).

Фразеологизм *не солоно хлебавши*, широко известный
в современном русском языке только в такой форме,
со значеннем *обмануться в своих ожиданиях, не добившись*
желаемого (см. ФС, с. 507), развился из сравнительного
оборота, который в XVIII в. употреблялся в форме *как*
(словно) не солоно хлебал, -а, -и. «Крючкомей: Как славно
их отбойрили! Пошли, *как не солоно хлебали*» (М. Матин-
ский. Санкт-Петербургский гостиный двор, с. 292).
В форме сравнительного оборота этот фразеологизм поме-
щен в Словаре В. И. Даля: «Отошел, *словно несолоно хлебал*».

В языке авторов XVIII в. немало и таких оборотов,
которые представляют собой авторские видоизменения
общенародных выражений или крылатых слов. Эти сло-
восочетания имеют разовое употребление в языке одного
писателя. Если они используются им дважды или более,
то состав компонентов и их связи друг с другом и со сло-
вами окружения могут видоизменяться. Они отличаются
от фразеологизмов характером семантики и нерегуляр-
ностью употребления. В словарях эти обороты зафиксир-
рованы в другой форме или не помещены. «И жизни мы
не будем рады, И честь богов *ударим в грязь лицом*»,
(Я. Б. Княжнин. Меркурий и Аполлон, с. 700). В слова-
рях оборот помещен с другим окружением, указывающим
на лицо и выполняющим функцию подлежащего. В Сло-
варе В. И. Даля: «*Не ударь лицом в грязь*. Не опозорься.
Небось, *лицом в грязь не ударим!*» В ФС: «*Не ударить*
лицом в грязь. Не оплошать, не осрамиться, выполнив
что-либо наилучшим образом».

«Миловидова: Не верю, не верю, чтоб барышни вам
такой сумбур приказали. Я им *на нос нарубила*, кому что
приказать» (Г. Р. Державин. Кутерьма от Кондратьев,
ч. IV, с. 172). В Словаре В. И. Даля фразеологизм поме-
щен с тем же глагольным компонентом, но с другим
окружением: «*Наруби это себе на нос*. Помни, не забывай»,
В современном русском языке употребляется с повели-
тельной формой глагольного компонента: *заруби (зару-
бите) себе на носу* (см. ФС, с. 170).

«Такой молодчик и вдруг к писателю примчался И с *попыхов* к нему бежит, И сам уж издали кричит...». (И. И. Хемницер. Пустомеля, с. 80). В современном языке этому словосочетанию соответствует наречие *впопыхах*, образованное из сочетания предлога с существительным *попых* в предложном падеже. Трудно сказать, было ли сочетание с *попыхов* фразеологическим, так как, по данным Словаря В. И. Даля, слово *попых* существовало в свободном употреблении.

Не оставляет сомнения факт авторской переделки Н. М. Карамзиным фразеологизма *почивать на лаврах*, помещенного в Словаре В. И. Даля со значением *покоиться после славной жизни*. «Или для того, чтобы, поравнявшись с остроумнейшим народом на земном шаре, *заснуть на лаврах* своих с приятною мыслью: я с ним равен?» (Критика, т. II, с. 90). «Князь мира, доказав, что он может быть и князем войны, *отдыхает на своих лаврах* и пользуется всею доверенностью короля» (Статьи политические, т. II, с. 208). «Я *покоился на лаврах*, не боясь никаких следствий, ибо добрый князь... не жаловался никому» («Моя исповедь», т. I, с. 738). Замена глагольного компонента другим, правда, близким по значению, превратила фразеологизм в авторскую метафору, содержание которой составляет взаимодействие переносной семантики слова *лавры* — *успех, слава, известность* (см. ССРЛЯ) и прямого значения глаголов.

От авторских переделок следует отличать свободное употребление имен собственных, входящих в крылатые слова из античных текстов. «Я мучусь, как *Тантал*, и что еще страшнее, опасаясь, чтоб и мое мучение не было бы так же бесконечно, как и его» (И. А. Крылов. Почта духов, с. 49). «Нет, нет! *Сизиф с камнем* не может быть образом человечества, которое беспрестанно изменяется» (Н. М. Карамзин. Филалет к Мелодору, т. II, с. 258). «Ужели род человеческий... должен... ниспадать с сей высоты, чтобы снова погрузиться в варварство и снова мало-помалу выходить из оногo, подобно *Сизифову камню*, который будучи вознесен на верх горы, собственною своею тяжестью скатывается вниз и опять рукою вечного труженика на гору возносится?» (Н. М. Карамзин. Мелодор к Филалету, т. II, с. 249). «Сколько благородных жен несчастных! сколько молодых людей погибших! Вот город, не уступающий ни в чем *Содому и Гоморру*»

(Д. И. Фонвизин. Письма из Франции, с. 513). «Шумный океан, где быстрое стремление волн мчит вас от Харибды к Сцилле, от Сциллы к Харибде! Сирен множество; и пение их так сладостно, усыпительно...» (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, с. 468).

Можно считать, что в XVIII в. еще не сформировались известные в современном русском языке фразеологизмы *танталовы муки*, *сизифов труд*, *содом и гоморра*, *между сциллой и харибдой*. Они не зафиксированы в словарях и не встречались в языке писателей XVIII в. Но по приведенным выше примерам и другим можно предполагать, что свободный пересказ античных мифов о Сизифе, Тантале и пр. подготовил почву для образования словосочетаний с постоянным словесным составом и общим переносным смыслом, который в сознании говорящих уже перестал ассоциироваться с соответствующими текстами античной литературы. По-видимому, это произошло в XIX в. Точно судить о времени образования фразеологизмов типа *муки тантала*, *сизифов труд* и т. п. пока трудно. Для этого нужна подробная выборка крылатых слов, их частей и фразеологизмов из произведений русской литературы и публицистики XIX в.

5. ОБРАЗОВАНИЕ НОВОГО ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИЗМЕНЕНИЙ В СЕМАНТИКЕ

Поскольку основная функция фразеологизмов — характеризовать, оценивать факты, явления, их значения всегда зависят от ближайшего словесного окружения. Вне контекста фразеологизма не существует. Слово же может выступать в роли самостоятельного предложения. Именно поэтому, на наш взгляд, связи фразеологизма со словами ограничены, узки, избирательны. Они менее разнообразны, чем связи слов.

В. П. Жуков объясняет эту ограниченность связей сложностью структуры фразеологизма по сравнению со словом, ограничениями в изменяемости, наличием качественной оценки⁶¹. Все это верно. Но эти причины сами по себе — следствие специфики фразеологической семантики. Она обуславливает внутреннюю структуру оборота и определяет его внешние связи.

---

⁶¹ Жуков В. П. Указ. соч., с. 16.

ратурный язык вообще или в язык данного писателя то или другое устойчивое словосочетание»⁶². Эти данные не менее важны для выявления народных фразеологизмов, для отграничения их от крылатых слов, для установления процесса образования, особенно из пословиц, поговорок и других типов устойчивых словосочетаний. Сопоставительный анализ некоторых современных фразеологических оборотов, совпадающих с частями устаревших пословиц и поговорок по компонентному составу, может дать интересные сведения о развитии одних фразеологизмов, о причинах архаизации других.

У П. А. Вяземского встречается пословица *у каждого свой царь в голове*. «Но мнения могут вопреки всех усилий оставаться неприкосновенными. Русская пословица говорит: *у каждого свой царь в голове*» («Записные книжки», с. 151). Часть этой пословицы (*свой*) *царь в голове* в значении *ум, разум*, употреблялась самостоятельно, вне пословичного контекста. «Был бы *царь в голове*, да перо, да чернила, а прочее само собой придет» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. — ССРЛЯ, т. 17, с. 556). «С волками надо быть по-волчьи, Юрий Дмитрич: и у кого свой *царь в голове*, тот не станет плыть в бурю против воды» (М. Н. Загоскин. Юрий Милославский. — Там же). И в пословице, и в ее части содержание носит образно-метафорический характер: разум в голове сопоставляется с царем в государстве. Можно считать, что пословица и фразеологизм, возникший из нее, употреблялись в один исторический период и имели юмористическую окраску.

Потребность в выражении иронического отношения к недалеким, глупым, неосмотрительным людям, отличающимся к тому же большим самомнением, вызвала появление фразеологизма *без царя в голове*, который образовался как антоним к обороту (*свой*) *царь в голове*. «...Любил выставлять себя более исполнителем чужой идеи, чем *с своим царем в голове*, человеком „без лести преданным“» (Ф. М. Достоевский. Идиот. — Там же). «Хлестаков молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, *без царя в голове*, — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения» (Н. В. Гоголь. Ревизор. Там же).

---

⁶² Ларин Б. А. Указ. соч., с. 224.

«Фразеологизм *(свой) царь в голове* и его вариант *с царем в голове* отличались от выражения *без царя в голове* характером оценки. Изменившееся отношение к роли царя в государстве в связи с ростом культуры нации, особенно передовой ее части, разночинной интеллигенции, обусловило утрату положительной экспрессии во фразеологизме *с царем в голове*. Может быть, для этого были и другие, языковые причины. Во всяком случае, оборот *с царем в голове*, *(свой) царь в голове* в языке писателей конца прошлого века обнаружить не удалось. По-видимому, он стал архаизмом к этому времени. Фразеологизм *без царя в голове* в результате перехода в пассив пословицы и антонимичного по смыслу и экспрессивности оборота перестал ассоциироваться с ними в сознании говорящих. Он продолжает сохраняться для выражения резкой иронии при характеристике взбалмошных, пустых, глупых людей. Потребность противопоставить ему другой оборот, без резко отрицательной оценки, вызвала появление фразеологизма *не без царя в голове* со значением *не лишенный рассудка, достаточно разумный*. «Там показатель работы всех: сбил цель или нет. — А вы *не без царя в голове*, — улыбнулся Незнамов. — Не боюсь вам польстить» (Н. Грибачев. Ракеты и подснежники. — Там же).

Современному фразеологизму *у черта на куличках* соответствует употребленное Г. Р. Державиным выражение *у семи чертей на куличках*. «Пивкин: Слышен где-то с гарнизонщиной сыщик, да его и самого *у семи чертей на куличках* не отыщешь» (Г. Р. Державин. Дурочка умнее умных, т. IV, с. 453). Было ли это выражение фактом русского языка XVIII в. или оно представляет собой авторскую модификацию фразеологизма *у чертей на куличках* (оборот помещен в Словаре В. И. Даля), не располагая полным словарем пословиц, историческими и полными словарями говоров, судить трудно.

Некоторые фразеологизмы, известные в XVIII в., имели разные варианты в зависимости от компонентного состава и синтаксической структуры. В процессе употребления сохранился вариант менее сложный по внутренним синтаксическим связям, с меньшим числом компонентов, обладавший при этом теми же выразительными возможностями, что и усложненный вариант. Так, И. Ф. Богданович употребил оборот *грудьми рожон переть*, который имел одинаковое содержание с фразеологизмом *против*

рожна идти (переть, прать). «Ты, друг мой, служишь сам по нашему примеру. Случается и всем *грудьми рожон переть*» («Письмо помещика к военачальнику», с. 178). В Словаре В. И. Даля помещено выражение: *жестoko противу рожна прати*. Все названные варианты одной фразеологической единицы устарели, вышли в пассив, по-видимому, потому, что исчезла необходимость в различии оттенков значения, которое они выражали. В современном языке сохранилась форма *идти (лезть) на рожон — предпринимать что-либо заведомо рискованное, обреченное на неудачу, чреватое неприятностями*.

М. Матинским употреблен устойчивый оборот *все беси в воду и пузырьья вверх*. «Крючкомей: Ну смотри же. Поручительство-то от векселя отрежь, как будто закладу у тебя не бывало, а я вексель Крепышкиной на обороте поскребу, так вот и *все беси в воду и пузырьья вверх*» («Санкт-Петербургский гостиный двор», с. 298). У И. А. Крылова встречается часть этого выражения. «Ванька: ... остается только налгать барину, так и *беси в воду!*» («Пирог», т. 2, с. 359). В Словаре В. И. Даля: «*Все беси в воду, да и пузырьья вверх*. О соре». Примеры из Матинского и Крылова не подтверждают толкование В. И. Даля. Но вне сомнения факт существования такой единицы в русском языке XVIII—XIX вв. По-видимому, в данном случае мы имеем дело также с устаревшей поговоркой, содержание которой еще не ясно, и развившимся на ее основе и вышедшим из употребления выражением.

Развитие некоторых фразеологизмов современного языка шло по пути устранения лишних компонентов. Например, оборот *не по карману* в XVIII в. имел другой вариант — *не по карману дорого*. «Сочинения мои из Англии возвращены в первобытном состоянии, потому что к одному тому за виньеты просили там 12 000 рублей; то *не по карману дорого*» (Г. Р. Державин. Переписка, т. IV, с. 163).

Фразеологизму *на ветер* в XVIII в. соответствовал *на взвей ветер*. «Влас: Уже отец твой *на взвей ветер* слово не скажет» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 450). В то же время употреблялся и редуцированный вариант этого оборота. «Поздно ветренный узнает, Каково *на ветер* жить» (Н. М. Карамзин. Куплеты из одной сельской комедии, с. 258). При таком окружении фразеологизм отличается от первого по значению. В Словаре В. И. Даля он поме-

щен в форме сравнительного оборота: «*Как на ветер. Попусту*».

Среди устойчивых словосочетаний XVIII в. выделяется группа оборотов, не зафиксированных в словарях, хотя семантика их носит фразеологический характер. Назвать эти обороты авторскими метафорами нельзя: они, не оставляют сомнения в том, что взяты писателями из живой разговорной речи. Вместе с тем, отнести их с уверенностью к фразеологии тоже нельзя, так как по имеющимся материалам нельзя судить о регулярности их употребления.

В три листа (убрать). «Матвей: ...скажи своему бачке, что Анюта любит Матвея и что Матвей вас обоих *в три листа уберет*, если вы не отстанете свататься на ней» (П. А. Плавильщиков. Бобыль, с. 425). Предположительно можно определить значение этого оборота: *легко и быстро разделаться*.

Сбить с двора. «Верхолет: Мой прежний управитель Доходов был монах весьма дурной хранитель. Я *сбил его с двора*» (Я. Б. Княжнин. Хвастун, с. 321). Оборот, надо полагать, означал: *выгнать, выжить кого-либо*.

Тереть спиною стены — *долго и унижительно ждать приема у кого-либо* (?). «Верхолет: И этот батюшка любовника Милены В передней у меня *потер спиною стены*» (Я. Б. Княжнин. Хвастун, с. 371).

Попало в лапы (кому) — *удалось поживиться*. «Сквалыгин: Сегодня таки *попало* мне *в лапу*» (М. Матинский. Санкт-Петербургский гостинный двор, с. 208).

Гадки не маять (?). «А угодьев-та сколько! И мужики какие богатые: живут себе, да и *гадки не маят*, богатеет иного дворянина» (Н. И. Новиков. Письма к Фалалею, с. 352).

Остаться в лицах — *оказаться виновным* (?). «Сделался, по-видимому, на нем большой начет. Он скрылся, я *остался в лицах*, и начет положено взыскать с меня» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, с. 95). В САР (1814, ч. III): «С *лица на лицо*. Во образе нареч.: на очную ставку».

С дымом (исчезнуть) — *быстро, незаметно* (?). «Если читатель удивится, что семь или восемь тысяч душ моих так скоро *исчезнули с дымом*, то он, без сомнения, не знает умножительной силы долгов» (Н. М. Карамзин. Моя исповедь, с. 735—736).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе предпринята попытка изучить русскую фразеологию по материалам, выбранным из языка произведений авторов XVIII — начала XIX в. Подробно описаны ФЕ, использованные Сумароковым и Давыдовым, писателями, принадлежавшими к разным литературным направлениям, жившими в разное время. Совершенно очевидно, что в их произведениях употреблена лишь незначительная часть народных выражений. Цели такого описания: 1) в результате сопоставления формы и содержания устойчивых словосочетаний по различным источникам установить, принадлежат ли они к народной фразеологии, допущены ли в них авторские изменения в компонентном составе, синтаксической структуре, в окружении и в семантике; 2) проанализировать последующие изменения фразеологизмов во времени и объяснить причины тех изменений. Поскольку эта цель была основной, в сопоставительном плане нужно было изучить весь выбранный материал.

Разумеется, в работе представлены лишь немногие примеры для иллюстрации сделанных наблюдений и некоторых закономерностей развития фразеологии.

Чтобы отграничить фразеологизмы от других типов устойчивых словосочетаний, необходимо было определить основные критерии такого отграничения, установить, что представляет собой фразеологизм как единица языка.

Автор пришел к убеждению, что все основные специфические признаки фразеологизмов определены в современном языкознании, но изучены они неодинаково глубоко и последовательно. Слабее других сторон изучена семантика, ее специфика по сравнению с семантикой слов.

Именно на это и было обращено основное внимание: образное представление, через которое осознается предметное содержание, обеспечивает передачу эмоционального отношения к выражаемой мысли, это и определяет место фразеологизмов в языке как средства характеристики, оценки предмета мысли.

Поскольку образные представления, определяющие предметную соотнесенность фразеологизма (или его значение), исторически не всегда сохраняют свою актуальность в связи с изменениями в самой действительности и в социальной психологии людей, фразеологический фонд языка исторически изменяется.

Изменения обусловлены также системными связями фразеологизмов и отдельных компонентов со словами свободного употребления, влиянием синтаксических моделей языка на синтаксическую структуру оборота.

Извлеченный из источников и проанализированный фактический материал показывает, что русская фразеология как предмет лингвистического исследования далеко еще не выявлена. В имеющихся толковых и фразеологических словарях представлены лишь наиболее известные обороты и не во всей совокупности форм.

Для того чтобы теория объективно отражала место фразеологии в языке, ее функции и закономерности развития, необходимо сделать максимально полную выборку из произведений художественной литературы, газетной и журнальной публицистики XVIII—XX вв. Но и эти материалы не отразят всех богатств русской фразеологии. В качестве источника не менее важного следует использовать и разговорную речь во всех ее формах, включая диалектную, в которой сохраняется некоторое количество фразеологизмов или их форм, утраченных современным литературным языком, ставших в нем архаичными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аблесимов А. О.** Мельник — колдун, обманщик и сват.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII в. М., 1950.
- Богданович И. Ф.** Стихотворения и поэмы. «Библиотека поэта» (Большая серия). Л., 1957.
- Вяземский П. А.** Записные книжки 1813—1818). М., Изд-во АН СССР, 1963.
- Вяземский П. А.** Стихотворения. «Библиотека поэта» (Большая серия). Л., 1958.
- Гоголь Н. В.** Собр. соч. В 6-ти т. Гослитиздат, 1952.
- Грибоедов А. С.** Сочинения. В 2-х т. Л., Гослитиздат, 1945.
- Давыдов Денис.** Сочинения. М., Гослитиздат, 1962.
- Державин Г. Р.** Сочинения. В 7-ми т. СПб., 1866—1868.
- Дмитриев И. И.** Сочинения Ив. Ив. Дмитриева. В 2-х т. СПб., 1893.
- Дмитриев И. И.** Полное собрание стихотворений. «Библиотека поэта» (Большая серия). Л., 1967.
- Ершов П. П.** Стихотворения. «Библиотека поэта» (Малая серия). Л., 1951.
- Жуковский В. А.** Сочинения. М., Гослитиздат, 1954.
- Капнист В. В.** Ябеда.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., «Искусство», 1950.
- Карамзин Н. М.** Полное собрание стихотворений. «Библиотека поэта» (Большая серия). М.—Л., 1966.
- Карамзин Н. М.** Избранные сочинения. В 2-х т. М.—Л., Гослитиздат, 1964. Т. I—Наталья, боярская дочь. Марфа — посадница. Моя исповедь. Рыцарь нашего времени; Т. II—Критика. Публицистика.
- Карамзин Н. М.** Бедная Лиза. Чувствительный и холодный. Остров Борнгольм. Сиерра-Морена. Письма русского путешественника.— В кн.: Русская проза XVIII века. Т. II. М.—Л., 1950.
- Клушнин А. И.** Несчастный.— В кн.: Русская проза XVIII века. Т. II. М.—Л., Гослитиздат, 1950.
- Клушнин А. И.** Алхимист.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., «Искусство», 1950.
- Княжнин Я. Б.** Несчастье от кареты.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., «Искусство», 1950.
- Княжнин Я. Я.** Избранные произведения. «Библиотека поэта» (Большая серия). Л., 1961.
- Копиев А. Д.** Обращенный мизантроп.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., «Искусство», 1950.
- Кропотов П. А.** Фомушка — бабушкин внучек.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., 1950.

Крылов И. А. Подшица. — В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., «Искусство», 1950.

Крылов И. А. Почта духов. Каиб. Ночи. Похвальная речь в память моему дедушке. Мысли философа по моде. — В кн.: Русская проза XVIII века. Т. II. М.—Л., Гослитиздат, 1950.

Крылов И. А. Сочинения. В 2-х т. М., «Правда», 1945.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений. В 4-х т. М., Гослитиздат, 1957—1958.

Ломоносов М. В. Из «Слова о пользе химии». Из «Краткого описания разных путешествий по северным морям». Письмо И. И. Шувалову (10 мая 1753). — В кн.: Русская проза XVIII века. Т. I. М.—Л., Гослитиздат, 1950.

Лукин В. И. Щепетильник. — В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., «Искусство», 1950.

Матинский М. А. Санкт-Петербургский гостинный двор. — В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., «Искусство», 1950.

Николев Н. П. Розана и Любим. — В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., «Искусство», 1950.

Новиков Н. И. Письма к Фалалею. Живописец. Трутень. — В кн.: Русская проза XVIII века. Т. I. М.—Л., Гослитиздат, 1950.

Плавильщиков П. А. Бобыль. — В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., «Искусство», 1950.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. М., Изд-во АН СССР, 1957—1958.

Радищев А. И. Дневник одной недели. Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске. Житие Федора Васильевича Ушакова. Путешествие из Петербурга в Москву. Беседа о том, что есть сын Отечества. — В кн.: Русская проза XVIII века. Т. II. М.—Л., Гослитиздат, 1950.

Страхов Н. И. Сатирический вестник. — В кн.: Русская проза XVIII века. Т. II. М.—Л., Гослитиздат, 1950.

Сумароков А. П. Тресотиниус. — В кн.: Российский театр, ч. XV. СПб., 1787; Чудовищи. Лихонмец. Вздорщица. Приданое обманом. Ядовитый. — В кн.: Российский театр, ч. XVI. СПб., 1785; Опекун. Три брата совместники. Нарцисс. Пустая ссора. Рогоносец по воображению. Мать совместница дочери. — В кн.: Российский театр, ч. XVII. СПб., 1787.

Сумароков А. П. Стихотворения, басни, эпистолы, хоры, сказки, притчи, трагедии: Семира, Дмитрий Самозванец, Хорев. — В кн.: Сумароков А. П. Избранные произведения. «Библиотека поэта» (Большая серия). Л., Гослитиздат, 1957.

Сумароков А. П. Письмо о некоторой заразительной болезни. О думном дьяке, который с меня взял пятьдесят рублей. Сон «Счастливого общества». О домостроительстве. — В кн.: Русская проза XVIII века. Т. I. М.—Л., Гослитиздат, 1950.

Сумароков А. П. Ссора мужа с женою. — В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., «Искусство», 1950.

Толстой Л. Н. Собр. соч. В 12-ти т. М., Гослитиздат, 1958.

Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2-х т. М.—Л., Гослитиздат, 1959.

Хемницер И. И. Полн. собр. стихотворений. «Библиотека поэта» (Большая серия). М.—Л., 1963.

Чулков М. Д. Пересмешник, или славянские сказки. Пригожая повариха. — В кн.: Русская проза XVIII века. Т. II. М.—Л., Гослитиздат, 1950.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- САР — Словарь Академии Российской. Ч. I—VI. СПб., 1789—1794 гг. Изд. 2-е, 1814—1822 гг.
- Словарь В. И. Даля Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., Изд-во иностр. и национ. словарей, 1955.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948—1965.
- ФЕ — Фразеологическая единица.
- ФС — Фразеологический словарь русского языка. М., «Советская энциклопедия». Изд. 1-е, 1967; Изд. 2-е, 1968.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Фразеологическая семантика	7
1. Внутренняя форма фразеологизма и слова	9
2. Образ и его словесное выражение	21
3. Сравнения и фразеологизмы, развившиеся из сравнений	25
4. Фразеологизм и метафора	37
Глава вторая. Язык художественной литературы XVIII—XIX вв. как источник для выявления и изучения народной идиоматики	41
1. Сравнительный анализ устойчивых словосочетаний, употребленных А. П. Сумароковым	46
2. Фразеология в языке произведений Д. В. Давыдова	76
3. Своеобразие в использовании народных фразеологизмов А. С. Пушкиным	95
Глава третья. Изменения в развитии русской фразеологии XVIII—XIX вв.	113
1. Фразеологизмы, утратившие внутреннюю форму или ее актуальность	115
2. Влияние системных связей на архаизацию фразеологизмов	120
3. Синонимические отношения в русской фразеологии конца XVIII — начала XIX в.	133
4. Изменения в морфологической и синтаксической структуре	154
5. Образование нового обязательного окружения как результат изменений в семантике	159
6. Устойчивые словосочетания, послужившие основой для образования фразеологизмов	161
Заключение	166
Список источников	168
Условные сокращения	170

Александр Ильич Федоров
РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX В.

Ответственный редактор
Кирилл Алексеевич Тимофеев

Редактор *А. А. Кушно*
Художественный редактор *В. И. Шумаков*
Художник *Н. Д. Пискун*
Технический редактор *А. В. Семкова*
Корректор *Н. Г. Примогенова*

Сдано в набор 14 декабря 1972 г. Подписано в печать 20 июня 1973 г.
МН 01051. Бумага тип. № 1, ф-т 84×108¹/₃₂. 5,375 печ. л., 9 усл. печ. л.,
9,3 уч.-изд. л. Тираж 3000 экз. Заказ № 3н. Цена 69 коп.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99,
Советская, 18
4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Стани-
славского, 25.